

16+

ISSN 1818-4936

АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В. Н. ТАТИЩЕВА
ASTRAKHAN STATE UNIVERSITY NAMED AFTER V. N. TATISHCHEV

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

HUMANITARIAN RESEARCHES

JOURNAL OF FUNDAMENTAL
AND APPLIED RESEARCHES

2025

№ 1 (93)

Журнал издаётся с 2000 г.

Published since 2000

*Журнал включён в перечень изданий, утверждённых ВАК
для публикации основных результатов диссертационных
исследований по отраслям науки:*

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки);
- 5.9.3. Теория литературы (филологические науки);
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки);
- 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки).

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev
2025

ББК 65
Г93

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева

Recommended by the Editorial and Publishing Board
of Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
HUMANITARIAN RESEARCHES

2025
№ 1 (93)

Главный редактор

Л. Ю. Касьянова

доктор филологических наук, профессор
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева.

Editor-in-Chief

L. Yu. Kasyanova

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev.

Ответственный секретарь

Ю. А. Васильева

кандидат филологических наук, доцент
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева.

Executive secretary

Yu. A. Vasileva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev.

Редакционная коллегия

З. Р. Аглеева, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
Н. Ф. Алефиренко, д-р филол. наук, проф.
Белгородского государственного университета,
заслуженный деятель науки РФ;
А. А. Боровская, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
Е. Н. Галичкина, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
О. Г. Егорова, д-р филол. наук, проф.
Московского государственного лингвистического университета;
Е. Е. Завьялова, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
С. А. Кибальник, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник
Института русской литературы Российской академии наук,
проф. Санкт-Петербургского государственного университета;
Э. А. Китанина, д-р филол. наук, проф.
Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина;

М. Л. Лаптева, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
И. П. Лысакова, д-р филол. наук, проф.
Российского государственного педагогического университета
имени А. И. Герцена;
М. Г. Меркулова, д-р филол. наук, проф.
Московского педагогического государственного университета;
С. В. Ракитина, д-р филол. наук, проф.
Волгоградского государственного социально-педагогического университета;
Г. В. Файзиева, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
Е. Н. Шеховцева, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева.

Editorial Board

Z. R. Agleeva, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev;
N. F. Alefirenko, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Belgorod State University, Honored Science Worker of the Russian Federation;
A. A. Borovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev;
E. N. Galichkina, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev;
O. G. Egorova, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow State Linguistic University;
E. E. Zavyalova, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev;
S. A. Kibalnik, Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher
Institute of Russian literature of the Russian Academy of Sciences,
Professor, St. Petersburg State University;
E. A. Kitanina, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Pushkin State Russian Language Institute;
M. L. Lapteva, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev;
I. P. Lysakova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Herzen University;
M. G. Merkulova, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow State Pedagogical University;
S. V. Rakitina, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Volograd State Pedagogical University;
G. V. Fayzieva, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev;
E. N. Shekhovceva, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev.

Журнал выходит 4 раза в год
The journal is published 4 times a year

© Астраханский государственный университет
имени В. Н. Татищева, 2025
© Скоблев В. Д., оформление обложки, 2025
© Astrakhan State University named after
V. N. Tatishchev, 2025
© Skoblev V. D., cover design, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Е. Г. Сомова, Б. А. Кайзер Проблемы перевода заимствованных рекламных слоганов	5
М. В. Беззубикова, И. Н. Кайгородова Особенности индивидуально-авторской метафоры в прозе В. Пелевина	13
М. В. Веклич О языке и речи: другая жизнь «стекла»	19
Е. А. Емельянова, Е. Н. Лучинская Концепт «Истина» в паремиологическом слое русской языковой картины мира: лексические и культурные аспекты.....	25
Р. Р. Зубаирова Невербальные средства языка войны в письменном дискурсе англоязычного медиапространства.....	31
Н. П. Зубарева, Я. Г. Насилевич Лингвистическая социокультурная специфика диалекта «канаке» в современном немецком языке.....	41
С. Х. Захраи, М. Гасеми Инфинитивные предложения со значением ирреальности в русском языке и особенности их перевода на персидский язык	48
С. Мехтиханлы, Ш. Набати К понятию «гендер» в персидском языке: особенности и трудности.....	55
И. А. Френкель Сравнительно-сопоставительный анализ феминизации названий профессий, должностей и титулов во французском и русском языках	63
П. Б. Хасанов Концептуализация понятия возраста в русской и туркменской художественных картинах мира	73
О. В. Шкуран Формирование луганских агионимов-ойконимов как части русского сакрального ономастикона.....	80

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Г. В. Токарев Характеризация Л.Н. Толстого в мемуарах Т.А. Кузминской.....	91
А. А. Аксенова Модель условной ролевой адресации в стихотворении А.А. Фета «Среди звезд».....	99
Э. Д. Кайжигитов Сингапурский образ фронта (на материале книги И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”»)	104

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	110
----------------------------------	-----

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ	113
---	-----

Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 5–12.
Humanitarian Researches. 2025;1(93):5–12.

Научная статья
УДК 414+002.703.0

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЗАИМСТВОВАННЫХ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ

Сомова Елена Георгиевна^{1✉}, Кайзер Беата Андреевна²

^{1, 2} Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹ berlizov@mail.ru✉, <http://orcid.org/0000-0002-7917-8738>

² beata.kaiser@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3443-7887>

Аннотация. Начиная с 2000-х гг. в отечественных массмедиа началось активное использование иноязычных текстов. Особенно это касалось заимствованной рекламы, тексты которой важно было не только переводить, но и адаптировать к ментальности отечественного потребителя. Этот процесс до сих пор создаёт большие сложности при переводе заимствованных рекламных сообщений. Цель данной работы заключается в выявлении проблем, возникающих у копирайтера при трансляции зарубежной рекламы в отечественных массмедиа, а также в изучении эффективных способов её адаптации для восприятия отечественной аудитории. Поскольку слоган является наиболее привлекательным элементом рекламного текста, представляется важным изучить особенности перевода этого структурного элемента рекламного обращения. Слоганы, в которых языковая игра обусловлена эвфонией, неизменно труднопереводимы. В статье рассмотрены разные подходы к переводу на русский язык текстов англоязычной рекламы. Выявлено, что неудачи при переводе рекламных слоганов связаны с феноменом транскреации. Языковая игра, удачная при переводе художественных текстов, теряет продуктивность при передаче рекламной информации, поскольку стилистика рекламных сообщений требует сохранения не столько художественных приёмов, сколько мотивационных посылов. Кроме того, в рекламных текстах может проявиться феномен интерференции. Он возникает, когда в языковой системе реципиентов отсутствуют фонемы, встречающиеся в языке оригинала. Стремление к предельной точности перевода может приводить копирайтера к ошибочному выбору неадекватных лексических средств и стилистических приёмов. При работе с оригинальными рекламными сообщениями копирайтер должен учитывать традиции, стереотипы и языковые особенности воспринимающей аудитории и проявлять большую осторожность при их переводе.

Ключевые слова: массмедиа, рекламный текст, копирайтинг, перевод, слоган, креолизованный текст, интерференция, трансференция, транскреация, национально-культурная специфика, рекламная номинация, семантизация

Для цитирования: Сомова Е. Г., Кайзер Б. А. Проблемы перевода заимствованных рекламных слоганов // Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 5–12.

Original article

PROBLEMS OF TRANSLATING BORROWED ADVERTISING

Somova Elena G.^{1✉}, Kaiser Beata A.²

^{1, 2}Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹berlizov@mail.ru[✉], <http://orcid.org/0000-0002-7917-8738>

²beata.kaiser@.mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3443-7887>

Abstract. Since the 2000^s, the active use of foreign language texts has begun in native mass media. This process was especially true for borrowed advertising, the texts of which had to be not only translated, but also adapted to the mentality of the consumer. So, such kind of process still creates great difficulties with translating borrowed messages. The purpose of the article is to identify problems that arise and make a conclusion that when working with original advertising messages, the copywriter must take into account the traditions, stereotypes and linguistic characteristics of the receiving audience and exercise great care when translating it. For a copywriter when broadcasting foreign advertising in native mass media and to study the efficiency way to adopt the perception of the domestic audience. Since the slogan is the most attractive element of the advertising text, it seems the most important to study the features of the translation of this element of the advertising message. The article discusses different approaches to translating English text into Russian. The authors revealed that when translating advertising slogans, the question of transcreation arises, is adequate transmission of the original semantic advertising message by means of another language. The desire for extremely accurate translation can lead the copywriter to erroneously select inadequate lexical means and stylistic devices. Failure to take into account the national and cultural specifics of advertising impact can lead to the failure of an advertising campaign. A language game that is successful in translating literary texts loses its productivity in transmitting advertising information, since the style of advertising messages requires the preservation of motivational messages rather than artistic techniques. In addition, the phenomenon of interference may appear in advertising texts. It occurs when the recipients' language system lacks phonemes found in the original language. Striving for the utmost accuracy of translation can lead a copywriter to make an erroneous choice of inadequate lexical means and stylistic techniques. It can be concluded that when working with original advertising messages, a copywriter should take into account the traditions, stereotypes and linguistic characteristics of the receiving audience and take great care when translating them.

Keywords: mass media, advertising text, copywriting, translation, slogan, creolized text, interference, transfer, transcreation, national and cultural specifics, advertising nomination, semantics

For citation: Somova E. G., Kaiser B. A. Problems of translating borrowed advertising. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2025;1(93):5–12 (In Russ.).

Начиная с 2000-х гг., когда наблюдался процесс создания единого информационного пространства, в отечественных массмедиа стало отмечаться частое обращение к иноязычным текстам, фиксировалось чрезмерное употребление англоязычной лексики (иногда немотивированное), которое обычно помогало маскировать примитивность смыслового содержания. Наиболее активно заимствовались рекламные тексты, поскольку в страну хлынул поток оригинальной зарубежной рекламы. В этой области наблюдался активный процесс обогащения отечественной картины мира заимствованными стилистическими приёмами и образными средствами. Со временем копирайтеры пришли к пониманию необходимости не столько перевода рекламных текстов, сколько их адаптации к ментальности отечественного потребителя, учитывая знаковый код сообщения, в котором «помимо языковых, большую роль играют также и внеязыковые факторы» [1, с. 24]. Это создавало большие трудности при переводе, требующем адекватной трансляции рекламной информации. До сих пор многие вопросы, связанные с переводом заимствованных рекламных текстов, остаются открытыми, что свидетельствует об актуальности их изучения.

Перевод рекламных слоганов, где наиболее частотны приёмы языковой игры, представляется наиболее сложным, поскольку реципиент рекламного сообщения воспринимает заимствованный текст как полноправную замену оригинала. В такой ситуации именно эквивалентность становится основным условием перевода [2, с. 53]. По мысли В. Н. Комисарова, эквивалентность перевода состоит в максимальной идентичности всех уровней содержания соотносимых текстов [3, с. 86]. При переводе рекламных слоганов важно прибегать к транскреации, т. е. адекватной передаче изначального смыслового посыла средствами другого языка. К сожалению, приёмы, удачно применяемые при переводе художественных текстов, могут оказаться непродуктивными при переводе рекламных слоганов, поскольку, сохраняя стилистические особенности текста, они теряют мотивационный посыл.

При этом незнание национально-культурной специфики восприятия текста способно нанести серьёзный урон рекламной компании. Так, эффективный для аудитории США слоган "Iced Tea – Well I Never" («Чай со льдом – лучшего я не пробовал») вызвал недоумение в Великобритании, поскольку для англичан традиционно чаепитие было связано только с горячим напитком.

Поскольку стилистические приёмы почти всегда многофункциональны, как правило, при переводе обнаруживается функционально-прагматическая асимметрия оригинального и переведённого рекламных текстов. Так, и в английском, и в русском языках аллитерация и ассонанс являются частотными приёмами поэтической речи. Но их функционирование в текстах всегда национально-культурно обусловлено. Особенно ярко это свойство проявляется в так называемых квазисловах и ономотопеях, активно используемых в рекламных текстах. Слоганы, включающие языковую игру, обусловленную эвфонией, неизменно труднопереводимы. Можно привести примеры неудачных попыток передачи средствами русского языка своеобразных фонетико-графических приёмов английской рекламы. Оригинальный слоган "Budweiser. WASSSSSUP?!" был переведён как «Кагдилааааа?!», но в результате естественные для английской разговорной речи фонетические особенности были переданы как сложный для восприятия русский эквивалент. Если "wasssup" произносится носителем языка легко, то при озвучивании и декодировании смысла «кагдилаааа» русский реципиент должен приложить некоторые усилия, что значительно снижает действенность слогана. Более удачным примером является перевод текста, рекламирующего хлопья "Kellogg's: They're grrreat!", как «Они охрррененные». Однако стилистически слоганы неадекватны. Лексема "great" в оригинальном тексте общеупотребительна, а схожий звуковой комплекс [r-r-r] входит в лексему, относящуюся к грубопросторечной сфере.

Традиции, стереотипы и языковые особенности заставляют рекламистов быть очень осторожными при создании рекламного продукта для другого государства или при переводе иноязычной рекламы. Перевод в области рекламы важно рассматривать как «процесс их органического освоения системой данного языка, их приспособления к его собственным нуждам, их преобразования – формального и семантического – в условиях иной системы» [5, с. 174].

При речевом контакте носителей разных языков возможно проявление интерференции, т. е. «взаимодействия в сознании индивида языковых систем, используемых им при общении» [6, с. 7], которая таит в себе возможность коррекции полученной информации.

Интерференция обычно трактуется как отрицательный перенос и противопоставляется трансференции, т. е. положительному переносу. При восприятии рекламного текста интерференция часто проявляется как отрицательный перенос значения созвучных слов родного языка на неродной. Например, когда русскоязычный потребитель слышит слово «рама» он соотносит его

с оконной рамой, а не с маргарином, предлагаемым зарубежным рекламистом. Звуковой облик иноязычных номинаций, порождающий механизм интерференции, нередко создаёт комическую ситуацию при восприятии рекламного сообщения. Так, вряд ли кому-то захочется купить помаду «Каптивф» (возникает ассоциация со словом «коптить») или автомобиль «Труппер» (порождается ассоциации со словом «труп»).

Интерференция может возникнуть и в ситуации, когда в языке получателя нет тех фонем, которые есть в языке рекламиста-иностранца. Известно, что японцы не различают русские фонемы [л] и [р]. Поэтому, воспроизводя русскую речь, они обычно везде на месте [л] ошибочно употребляют [р]. Например, нашу автомобильную марку «Лада» они воспринимают на слух как «Рада». Вполне возможно, что при поиске перевода слова в словаре, японские потребители будут убеждены, что русские почему-то радуются, получив эту машину. У немцев возникают такие же проблемы при восприятии русских [с], [з], которые они не различают. Поэтому конфеты «Осенний сад» при слуховом восприятии вполне могут быть ими восприняты как «Осенний зад». Арабы и испанцы с большим трудом могут разграничить русские [б], [в]. Зная об этих процессах, опытный филолог-копирайтер не станет применять привычные для русскоязычного потребителя приёмы языковой игры, базирующиеся на чередовании этих фонем, если разрабатывает текст для иностранца.

В печатном тексте возможно порождение графической интерференции. Так, носитель русского языка может прочитать английскую номинацию “cat” (кам) как русское “сат”, а немецкий потребитель – слово “west” как немецкое “vast” или “wüst” («пустыня»). Последнее способно не только привести к неправильному озвучиванию имени бренда, но и вызвать недоумение по поводу мотивов выбранного для номинации слова.

При переводе номинаций иностранных брендов возникает немало затруднений, порождаемых интерференцией. Однако в рекламной практике уже разработаны приёмы, позволяющие снизить негативный эффект от ассоциативных процессов, создаваемых ею.

Если рекламист получает уже готовое название и понимает, что его звуковая оболочка будет вызывать опасные ассоциации, он может снизить негативное воздействие, представив неудачное имя бренда записанным буквами иностранного алфавита, например латиницей. Ослабить ненужные ассоциации помогает и частое повторение номинации-заимствования рядом с чётким обозначением или изображением предлагаемой продукции, позволяющее соотнести семантику звукового комплекса с новым смыслом. Так, слово «тур» в значении «путешествие» настолько укоренилось в русском языке, что в рекламной фразе «Akadem-Тур. Дешевле только на даче с комарами» оно вряд ли вызовет ассоциации с просторечным словом «турнуть». Однако в фильме советского периода «Приходите завтра» не очень образованная уборщица в консерватории на вопрос: «Что такое тур?» – отвечает: «Ходят, ходят, слушаются тут, а потом их как турнут!».

Ещё одним способом избежать влияния интерференции в неудачно заимствованном слове-номинации становится изменение в нём ударения, как это было применено при внедрении на отечественный рекламный рынок мыла «ДурУ».

Существуют разные приёмы семантизации заимствованных номинаций и слоганов.

1. Слоган переводится и объясняет сохранённую в оригинальном виде номинацию: «It's a Sony. Отличная техника»; «Dental Star. Стоматологическая клиника»; «Ritter Sport. Шоколад».

2. В слогане создается импликатура, которая ассоциативно связывается реципиентом с семантикой текста: «Calgon. Пусть машина служит долго»; «Actimel. Убедительная защита».

3. Оригинальная заимствованная номинация входит составной частью в слоган: «Пришли свой “Nick” на ТНТ». Иногда сохраняется только морфема или отдельная буква оригинала: «Тарифный план Лайт ОригинаV»; «Да» (сок).

4. Семантизация заимствования осуществляется с помощью использования грамматической формы: «Carrera y' carrera. Гринвич».

Наиболее сложные для копирайтера-переводчика ситуации возникают, когда интерференция порождается только при слуховом восприятии рекламного текста и создаётся неудачным слиянием слов во фразе. Так, название утюга «Турба Глис Аква Про» и имя бренда стирального порошка “Wash and Go” в телерекламных клипах вызывают ассоциации со словами «глист» и «вошь» только при ускоренном озвучивании. Эти ситуации сложно предвидеть и, соответственно, предотвратить.

В разных культурах существуют национально обусловленные речевые табу, запрещающие употребление определённых слов для обозначения каких-либо понятий, обычно порождённые исторически сложившимися моральными запретами. Наиболее универсальными табу выступают запреты на употребление инвективной лексики. Интерференция может заставить иностранного потребителя воспринять литературное слово незнакомого языка как нецензурное, если табу будет порождено аналогией звукового комплекса иностранного слова с фонетическим обликом, соответствующим «неприличной» лексеме. Так, арабам нельзя советовать купить зубную пасту и вообще где бы то ни было употреблять русское слово «зуб», поскольку оно созвучно ругательству в их родном языке. Весьма опасным с этических позиций оказывается текст наружной рекламы, предлагающий шампанское «Мондоро». На флаере изображён мужчина, который прячет, скрестив руки в области паха, празднично оформленную бутылку, а под рисунком стоит подпись: «Попробуй моё “Мондоро”». Очевидно, иностранные рекламисты не учли возможности интерференции, и когда ввозили в Россию детское питание «Блидина» (слоган «Я люблю “Блидину”») или чай «Пуккало».

В последнее время отечественные рекламисты нередко прибегают к выбору заимствований для обозначения имени бренда (рекламной номинации). При этом недостаточная языковая компетенция копирайтера, избирающего прежде всего красивую звуковую оболочку лексемы без опоры на её реальное значение, может сделать рекламу антирекламой. Это происходит в ситуации, когда значение заимствования неадекватно свойствам рекламируемой продукции. Так, большие сомнения у потребителя может вызвать имя бренда «Мустанг», которое используется для наименования парфюмерного женского магазина. Не менее странно воспринимается название мебельного салона «Гефест».

До сих пор не стихают лингвистические споры о том, насколько универсально восприятие звуковой оболочки слова, может ли она эмоционально влиять на получателя информации. Но опытные копирайтеры всегда интуитивно подбирают названия, фонетически поддерживающие нужные им свойства рекламируемого товара. Известна история с нашей маркой автомобиля «Жигули», когда неудобство восприятия звуковой формы за рубежом заставило изменить название на «Лада».

Нередко интерференцию как отрицательный перенос противопоставляют трансференции, положительному переносу. Это явление крайне редко встречается в языковой практике. Однако в сфере рекламы оно обнаруживается и отмечается как весьма важный элемент некоторых приёмов, в частности эвфемизации. Так, порой замена русских слов синонимичными заимствованиями снимает негативную коннотацию или привносит в текст дополнительную эмоционально-оценочную семантику. Например, выражение «лидер оппозиции» воспринимается гораздо мягче, чем «главарь банды», а эпитет «элитный»

в словосочетании «элитный чай» гораздо эффективнее воздействует на потребителя, чем «отборный». Если к этому процессу присоединяется трансференция, то воздействие ещё более усиливается.

Трансференция неизменно проявляется при трактовке значения квазиноминаций. Если для носителя английского языка вполне объяснимо название моющих средств «Тайд» («поток, помощь при затруднении») или «Ваниш» («исчезать»), то для русскоязычного потребителя эти лексемы лишены значения, а их семантика определяется только ассоциациями, порождаемыми их фонетико-графическим обликом. Иногда копирайтерам удается, используя трансференцию, направить ассоциации в нужное русло. Так, название косметической фирмы «Wella» удалось внедрить в слоган «Wella. Вы великолепны», что объединило заимствованную лексему «well» с русской «великолепно». Также удачно трансференция была задействована и в слогане «Покажут класс комбайны «Клаас»», где рифма соотнесла номинацию с крылатым выражением «покажут класс».

Трансференция помогает рекламистам при использовании различных манипулятивных техник. Так, звуковые ассоциативные переносы могут структурировать импликацию [4, с. 12]. ИмPLICITный способ передачи рекламной информации позволяет транслировать её таким образом, что она бывает вербально не заявлена, но её смысл ассоциативно понимается реципиентом благодаря существующим у него речевым и мыслительным стереотипам.

Например, в слогане фирмы «Volvo» «Автомобиль, который поможет вернуть вам доверие к машинам» содержится скрытая информация: «Вы потеряли доверие к машинам. И теперь только «Volvo» может исправить положение». Такой же эффект порождается при включении механизма трансференции. Так, в слогане «Вольному – Вольво» именно трансференция становится основой для декодировки потребителями парафразы, передающего скрытую информацию о престижности не только автомобиля, но и его владельца.

Чаще всего рекламные сообщения, представленные в интернет-коммуникации являются креолизованными тестами, в которых ведущая роль отведена иконической составляющей. Особенно важна такая визуализация в переводной рекламе, где стоит вопрос о применении наиболее адекватных игровых приёмов. Безусловно, языковая игра в оригинальном рекламном тексте крайне сложно поддаётся переводу. Копирайтеру проще сохранить рекламный посыл слогана, чем приёмы языковой игры. Так в слогане «Johnnie Walker. Keep Walking – Продолжай движение» переводчик не сохранил игру слов (Walker – walking), просто заменил слово «walking», которое можно перевести как «ходьба», на «движение», осуществив генерализацию смысла.

Слоган «Schweppers. Schhh! You know who?» переведён как «Шшшш! Знаете кто?». Местоимение, указывающее на одушевлённое существо, заменяется на местоимение, которое называет нечто неодушевлённое. В результате русский потребитель ожидает неожиданного подарка, в то время как в оригинальной рекламе предполагается общение с каким-то живым существом. Вполне допустимо для русской аудитории воспринимать «Швепс» как некий «сюрприз», хотя в оригинальной форме встреча с напитком ассоциируется со свиданием с хорошим знакомым. «Швепс», действительно, изначально для русских потребителей был новинкой, отличаясь по виду и вкусу от уже ставшей привычной «Кока-колы» и от отечественных газированных напитков.

Можно привести ряд удачно переведённых слоганов, использующих языковую игру:

Nike. Just do it;
Benetton. United colors of Benetton.
Samsung. Digitally Yours.
7up. The Uncola – Некола.

В креолизованном тексте заимствованной рекламы благодаря иллюстрации создаётся возможность сохранения оригинальных игровых приёмов. Иногда можно вообще обойтись без перевода, как, например, при внедрении слогана телефона “Nokia” – “Nokia. Connecting people”. Этот слоган стал настолько привлекательным, что вызвал массу мемов-пародий. Текст продолжил жить в блогосфере совсем в ином качестве, что стало оригинальным способом демонстрации продвигаемого рекламного продукта. Однако в теоретическом аспекте вопросам перевода заимствованной рекламы уделяется недостаточно внимания, хотя их изучение способно выявить интересные процессы как для лингвистов, так и для рекламистов-практиков.

Список источников

1. Архипова И. В. Национально-культурные особенности речи как средство трансформации смысла высказывания / И. В. Архипова, Л. В. Копоть, Е. Д. Шеватлохова // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2017. – Вып. 4. – С. 24.
2. Бархударов Л. С. О поверхностной и глубинной структуре предложения / Л. С. Бархударов // Вопросы языкознания. – 1973. – № 3. – С. 50–61.
3. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – Москва : Международные отношения, 1980. – С. 86.
4. Пирогова Ю. К. Имплицитная информация в рекламном сообщении / Ю. К. Пирогова // Реклама и жизнь. – 1999. – № 9. – С. 11–16.
5. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30–90-е годы XIX в. / Ю. С. Сорокин. – Москва – Ленинград : Наука, 1965. – С. 174.
6. Фонетический аспект общения на неродном языке / науч. ред. Н. А. Любимова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2006. – С. 7.

References

1. Arkhipova I. V., Kopot L. V., Shevatlokhova E. V. National and cultural features of speech as a means of transforming the meaning of an utterance. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Adyghe State University*. 2017;4:24.
2. Barkhudarov L. S. On the superficial and deep structure of a sentence. *Voprosy yazykoznaniiya = Problems of Linguistics*. 1973;3:50–61.
3. Komissarov V. N. *Lingvistika perevoda = Linguistics of translation*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1980:86.
4. Pirogova Yu. K. Implicit information in an advertising message. *Reklama i zhizn = Advertising and Life*. 1999;9:11–16.
5. Sorokin Y. S. *Razvitie slovnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka 30–90-e gody XIX v. = Development of the vocabulary of the Russian literary language in the 30–90s of the 19th century*. Moscow – Leningrad: Nauka; 1965:174.
6. *Foneticheskiy aspekt obscheniya na nerodnom yazyke = Phonetic aspect of communication in a non-native language*. Ed. N. A. Lubimova. St. Petersburg: St. Petersburg State University; 2006:7.

Информация об авторах

Е. Г. Сомова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры электронных СМИ и новых медиа;

Б. А. Кайзер – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной деятельности.

Information about the authors

E. G. Somova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Electronic Media and New Media;

B. A. Kaiser – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English in Professional Activity.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.11.2024; одобрена после рецензирования 26.12.2024; принята к публикации 12.01.2025.

The article was submitted 25.11.2024; approved after reviewing 26.12.2024; accepted for publication 12.01.2025.

Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 13–18.
Humanitarian Researches. 2025;1(93):13–18.

Научная статья
УДК 81

ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ МЕТАФОРЫ В ПРОЗЕ В. ПЕЛЕВИНА

Марина Валерьевна Беззубикова^{1✉}, Ирина Николаевна Кайгородова²

^{1, 2} Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева,
Астрахань, Россия

¹ mv55@yandex.ru✉

² kin905@mail.ru

Аннотация. Метафора во все времена вызывала неподдельный интерес у филологов, философов, психологов. Являясь самым распространённым тропом, метафора служит для создания ярких образов, повышенной экспрессией и своеобразной интерпретации действительности. В области словесного творчества метафора остаётся незаменимым ресурсом, который использует автор для воздействия на читателя. Несмотря на то, что изучение метафоры имеет многовековую историю, всё ещё требуют разрешения некоторые вопросы, связанные с природой и функционированием метафор в языке и речи. Такое положение связано с пересмотром некоторых параметров метафоры в связи с переходом на антропоцентрическую парадигму. Орнаментальная функция, которая долгое время считалась ведущей у метафоры, а также понимание метафоры как способа реализации переносного значения, на сегодняшний день представляется не вполне достаточным. При широком подходе к этому уникальному феномену можно констатировать, что метафора представляет собой универсальный – ассоциативный способ мышления, который оказывается постоянным элементом рече-мыслительной деятельности. Индивидуально-авторские метафоры раскрывают языковую способность писателя, демонстрируют разные по структуре метафоры, для понимания которых нужны фоновые знания и мыслительная деятельность. Внешняя структура метафоры в произведениях В. Пелевина включает слово-параметр и слово-аргумент. В структуре синтаксической организации художественных текстов писателя можно выделить замкнутую метафору и метафору-загадку, с помощью которых передаются яркие образные представления, допускаются различные переосмысления.

Ключевые слова: метафора, индивидуально-авторская метафора, структура метафоры, образ, метафорический смысл

Для цитирования: Беззубикова М. В., Кайгородова И. Н. Особенности индивидуально-авторской метафоры в прозе В. Пелевина // Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 13–18.

Original article

FEATURES OF INDIVIDUAL AUTHOR'S METAPHOR IN V. PELEVIN'S PROSE

Marina V. Bezzubikova^{1✉}, Irina N. Kaigorodova²

^{1, 2} Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

¹ mv55@yandex.ru✉

² kin905@mail.ru

Abstract. The metaphor has always aroused genuine interest among philologists, philosophers, and psychologists. Being the most common trope, the metaphor serves to create vivid images, increased expression and a peculiar interpretation of reality. In the field of verbal creativity, metaphor remains an indispensable resource used by the author to enhance the verbal impact on the reader. Despite the fact that the study of metaphor has a

long history, some issues related to the nature and functioning of metaphors in language and speech still need to be resolved. This situation is connected with the revision of some parameters of metaphor in connection with the transition to the anthropocentric paradigm. The ornamental function, which has long been considered the leading one in metaphor, as well as the understanding of metaphor as a way of realizing a figurative meaning, do not seem to be quite sufficient today. With a broad approach to this unique phenomenon, it can be stated that the metaphor is a unique.

Keywords: metaphor, individual author's metaphor, metaphor structure, image, metaphorical meaning

For citation: Bezzubikova M. V., Kaigorodova I. N. Features of individual author's metaphor in V. Pelevin's prose. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2025;1(93):13–18 (In Russ.).

Антропоцентрическая парадигма в современном языкознании расширяет границы научного познания и включает в орбиту исследования человека говорящего. Важным принципом антропоцентризма является взаимодействие человека и окружающего мира. Так, если «человек изучается сквозь призму того, что его окружает» [2, с. 143], он приспосабливается к действительности, классифицирует полученную информацию. По мнению В. В. Красных, человек говорящий представляет собой сложный феномен, поскольку, во-первых, связан с «многомирием бытия самого человека» [2, с. 143], во-вторых, соотносится с категориями «человек – язык – сознание – культура – лингвокультура – коммуникация – сообщество» [2, с. 143].

В систему координат лингвокультуры гармонично входит метафорическая система, которая включает различные направления. Так, изучение переносных значений, а также семантические преобразования и семантические процессы связаны с лингвистическими изысканиями. Стилистические возможности предполагают рассмотрение метафоры в качестве изобразительно-выразительного средства. В русле когнитивной лингвистики метафоры исследуется как средство познания и осмысления, как продукт чувственного восприятия.

Метафора является необходимым компонентом художественного текста, т. к. писатель создаёт свой уникальный мир со своим собственным содержанием и особой индивидуально-образной картиной мира. Г. Н. Складневская, сопоставляя языковую и художественную метафору, отмечала особенность последней, выделяя индивидуальный и творческий характер, окказиональность, многомерность и новизну. Динамический характер метафор в области художественного творчества подтверждается следующей цитатой: «используя в качестве исходного языкового материала языковую метафору, писатель развёртывает её в живую картину, воспринимающую чувственно, при этом не ближайшее окружение метафоры, а весь контекст несёт на себе метафорический заряд» [7, с. 36].

Виктор Олегович Пелевин считается одним из признанных писателей эпохи постмодернизма. Произведениям этого направления свойственны интертекстуальность и отсылки к реальным событиям. В своих романах и рассказах писатель переосмысливает исторические факты и создаёт особую виртуальную реальность. Его произведения отличаются остроумными выражениями, ироничными замечаниями при описании современной действительности. Автор имеет свой стиль, отражающий языковые предпочтения в использовании средств словесной образности. Языковая способность В. О. Пелевина раскрывается в том числе через индивидуально-авторские метафоры.

Для того чтобы понять, как «работает» метафора, необходимо рассмотреть все компоненты, которые включены в процесс метафоризации. Именно слова, их свойства подвергаются переосмыслению и создают новый смысл. Отношения между компонентами метафоры нуждаются в детальном изучении: «Раскрытию когнитивно-прагматического смысла таких отношений

подчинено исследованию синтаксических факторов возникновения и функционирования метафорических синтаксических конструкций в художественном тексте» [8, с. 102].

Словесные образы, передающие индивидуально-авторские ассоциации писателя, отличаются устойчивостью, поскольку существуют определённые метафорические и метонимические модели. Так, индивидуально-авторская метафора передаёт особое отношение писателя к ранее познанным явлениям. Учитывая свои художественные предпочтения, автор выбирает определённый вариант для передачи художественной действительности: «В зависимости от контекста и интенций автора используются различные речемыслительные механизмы поиска оптимальных для реализации данной интенции сравнительно-смысловых ассоциаций» [8, с. 102].

В художественной прозе В. Пелевина метафора, точнее её синтаксическая функция, играет первостепенную роль. Взаимодействие, взаимовлияние метафоры и контекста не вызывают сомнения, при этом в процесс метафоризации вовлекается семантическая сочетаемость слов. Так, Н. Ф. Алефиренко отмечает, что «синтаксический контекст метафоры репрезентирует характер отражения структурированной картины мира в том или ином национально-культурном сознании» [1, с. 24].

Внешняя структура метафоры в произведениях писателя включает слово-параметр и слово-аргумент. И. А. Ярошук указывает, что «существует внешняя структура метафоры, которая представляет два элемента. Первый элемент – это слово-параметр (термин сравнения) – метафоризируемый компонент словосочетания, слово в переносном значении. Второй элемент представлен словом-аргументом (опорное слово, микроконтекст) – метафоризирующим компонентом словосочетания, задающим тему переносного значения и позволяющим определить референт метафоры» [8, с. 103].

В текстах писателя мы выделили замкнутую метафору, которая состоит из двух компонентов: «когда он пытался что-то запомнить, **из головы вылетало** именно что-то ...» [4, с. 80]. «**Лицо у неё было чуть обезьянье, испуганное от рождения ...**» [4, с. 116]. В представленных примерах присутствуют все компоненты.

Метафора загадочная, развёрнутая, в ней присутствует опорное слово, но метафорический смысл извлекается из всего контекста. Приведём пример из рассказа «Онтология детства»: «Взрослые очень понятны, но сказать при них почти нечего ... Вроде бы они не требуют ничего: на секунду отпускают невидимое **бревно**, которое несут всю свою жизнь, чтобы с улыбкой нагнуться к тебе, а потом, выпрямившись, опять взяться за него и понести дальше – но это только на первый взгляд. На самом деле они хотят, чтобы ты стал таким же, как они; им надо кому-то перед смертью передать своё **бревно**. Не зря же они его несли» [4, с. 187]. В рассказе затрагивается тема взаимоотношения поколений, отцов и детей. *Бревно* символизирует связь поколений. Отметим, что подобные «метафоры можно рассматривать как стилистический приём, основанный на упрощении плана выражения метафоры за счёт пропуска слова-аргумента и усложнения за счёт распространения знака-носителя образа» [8, с. 106]. Образная составляющая метафоры (*бревно*) передаёт наглядно чувственный образ, через который транслируется абстрактная «идея» – передавать из поколения в поколения ценности, обычаи, привычки, в целом то, что называют «неписанными законами». С помощью таких метафор происходит особое осмысление явлений действительности, передаётся образно-эстетическое изображение. Такие метафоры являются принадлежностью художественной речи.

В следующем примере имя прилагательное помогает понять метафору, хотя отсутствует слово-аргумент: «– *Пошли*, – *скомандовал один из пионеров, и красногалстучный поток в две секунды смыл и Ивана с Валеркой*»

[4, с. 164]. Метафора *красногалстучный поток* становится понятной из контекста. Вместо прямой номинации – *группа пионеров* – писатель выбирает образной выражение. Через метафору писатель выражает своё отношение к событиям, явлениям и персонажам.

В рассказе «Реконструктор» отметим метафорический микроконтекст, который представлен одним образным словом. Например: «*Это не более чем подставное лицо, читавшее речь, появлявшееся на трибунах, так сказать, ширма*» [4, с. 206]. Данная метафора представляет собой одно слово (*ширма*), ширма – ‘прикрытие чего-нибудь (обычно неблагоприятного)’ [3, с. 896]. Через наглядно чувственный образ передаётся максимально свёрнутая структура – ‘о чём-то ненастоящем, поддельном’.

В следующем примере основой метафоры является сходство формы: «*Кресты на пулях не имели никакого отношения к христианству – такая поля, попадая в тело, не прошивала его насквозь, а спускалась косматой свинцовой розой и отшвыривала собеседника назад*» [5, с. 23]. В данном примере для декодирования метафорического смысла необходим минимальный контекст: пуля не выходила на вылет, а оставалась внутри тела, там разрывалась и по форме напоминала розу.

Метафорический макроконтекст, когда метафора охватывает целое художественное произведение и часто становится заглавием. Так, заглавие рассказа «Хрустальный мир» представляет собой метафору, точнее, метафорический эпитет: *хрустальный* – ‘чистый, прозрачный’ [3, с. 870]. Однако словарное значение является только ориентиром для развертывания образного смысла. В рассказе описаны события 1917 года, где два юнкера, употребляющие наркотики, стоят в карауле. Окружающая действительность изображается сквозь призму внутренних переживаний главных героев. Красочно и выразительно предстают явления, возникающие перед героями в зависимости от степени наркотического опьянения. Герои рассказа философски рассуждают о миссии человека на земле, о непредсказуемости жизни и смерти, о спасении мира: «– *Мы защитим тебя, хрустальный мир, – прошептал он и положил ладонь на рукоять шашки*» [4, с. 105]. Метафора в контексте произведения приобретает добавочные смыслы: хрустальный мир очень хрупкий, его легко можно сломать, разбить. Хрусталь представляет собой стекло особого сорта и имеет красивый блеск. Человек, который принимает наркотики, обычно имеет стеклянный взгляд, смотрит на мир через пелену.

В произведениях В. Пелевина простая метафора наглядна, знак-носитель образа представлен одним словом. В качестве категоризированного предмета выступают объекты, у которых через метафорическую проекцию высвечиваются важные признаки. Проиллюстрирует это на следующих примерах. «*В этом, возможно, не было бы ничего особенного, если бы за секунду до первого удара он не подумал, что так и не знает, удалось ли ему достучаться до сердца своего божества*» [5, с. 12]. «... а в это время где-то на линии полета пули скакал великолепный Карл Двенадцатый на специальной королевской лошади. И – прямо по тыкве» [4, с. 85]. «*Цель – проложить в уме телезрителя первую борозду, вдоль которой он мог бы думать дальше, углубляя её при каждом движении мысли*» [5, с. 150]. Метафорические образы формируются на основе чувственно данной предметности: сердце – главный орган человека, тыква – овощ круглой формы, борозда – канавка или углубление на поверхности.

Развёрнутая метафора зависит от контекста, в котором представлены тематически близкие лексемы. Например, «*В броне блаженства появилась крохотная трещинка, и туда просочилось несколько капель неуверенности и тоски. Трещинка росла, и скоро мысль о предстоящем завтра утром (ровно в пять тридцать) повороте всей жизни и судьбы перестала доставлять удовольствие*» [4, с. 107]. Лексема *трещинка* в переносном

значении 'возникновение разлада'. В языке не существует прямой номинации, которая передавала бы индивидуальный смысл – "о внутреннем дискомфорте человека, о проявлении душевного беспокойства". Образы коррелируют с языком через значения и включают как индивидуальные смыслы, так и коллективное значение.

В рассказе «Спи» именно метафора является подходящим средством, которая помогает писателю выразить мысль: *«Никита догадывался, в чём дело, – это была не просто одна из недомолвок, а своеобразный шарнир, на котором поворачивались жизни людей»* [4, с. 250]. Слово *шарнир* – 'подвижное соединение частей механизма, деталей, обеспечивающее их вращение вокруг общей оси или общей точки' [3, с. 892] – в тексте приобретает метафорический смысл – "некая общая точка, понимание сути вещей". Далее происходит усложнение метафоры за счёт глагола *поворачивались* (жизни людей) – "о чём-то, что меняется, изменяется". Подвижность шарнира позволяет осуществлять определённые действия. Глагол усложняет план выражения метафоры с помощью распространения знака – носителя образа. Такой метафорический образ выступает оригинальным средством номинации.

В романе «Чапаев и Пустота» развёрнутая метафора представляет собой известную фразу «Жизнь – это театр», однако приобретает свой особый художественный смысл.

«– Послушай, – сказал он, – жизнь – это театр. Факт известный. Но вот о чём говорят значительно реже, это о том, что в этом театре каждый день идёт новая пьеса. Так вот теперь, Петя, я такое ставлю, такое ...» [6, с. 17].

«– Дело даже не в самой пьесе, – сказал он. – Если продолжить это сравнение, раньше кто угодно мог швырнуть из зала на сцену тухлое яйцо, а сейчас со сцены каждый день палят из нагана, а могут и бомбу кинуть. Вот и подумай – кем сейчас лучше быть? Актером или зрителем?» [6, с. 17].

«– Как бы тебе ответить, – сказал я задумчиво. – Этот твой театр слишком уж начинается с вешалки. Ею же он, я полагаю, и кончается. А будущее, – я ткнул пальцем вверх, – всё равно за кинематографом» [6, с. 17].

Для описания жизни в эпоху революции писателем используется театральная лексика: *театр, пьеса, ставить пьесу, зал, актёры, зрители, вешалка*. Если театр – это жизнь, то пьеса – некоторый жизненный эпизод, где режиссёр может руководить этим процессом. Актёры – это люди, которые принимают участие в действии, а зрители наблюдают. Известная фраза «театр начинается с вешалки» передаёт мысль о том, что спектакль начинается с момента входа в здание театра. В романе слово *вешалка* приобретает ассоциации с глаголом *вешать* – 'подвергать смертной казни на виселице' [3, с. 78]. Развёрнутая метафора в произведениях писателя выступает важным способом трансформации языковых единиц. Она отличается новизной, непредсказуемостью и всегда зависит от контекста. С точки зрения когнитивной лингвистики метафора представляет собой сложный мыслительный процесс, в котором участвуют когнитивные структуры. Её сопровождают различные ассоциации, связанные между собой, каждый метафорический образ вытекает из предыдущего, но оба они находятся в единстве.

Таким образом, метафоры В. О. Пелевина являются показателем особого творческого мышления, которое выражается в широком спектре образных ассоциаций. Метафорическая деятельность автора выступает особым способом познания и восприятия художественной действительности.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 2006. – 228 с.

2. Красных В. В. Когнитивный аспект базовых метафор лингвокультуры / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация / отв. ред. серии В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва : МАКС Пресс, 2017. – С. 142–165.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : А ТЕМП, 2004. – 944 с.
4. Пелевин В. О. Принц Госплана / В. О. Пелевин. – Москва : Эксмо, 2018. 320 с.
5. Пелевин В. О. Числа / В. О. Пелевин. – Москва : Эксмо, 2020. – 288 с.
6. Пелевин В. О. Чапаев и Пустота / В. О. Пелевин. – Москва : Эксмо, 2021. – 416 с.
7. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2004. – 166 с.
8. Ярошук И. А. Когнитивно-метафорическая палитра текста (на материале художественной прозы писателей Черноземья) / И. А. Ярошук. – Белгород, 2013. – 168 с.

References

1. Alefirenko N. F. *Yazyk, poznanie i kultura: Kognitivno-semiologicheskaya sinergetika slova = Language, Cognition and Culture: Cognitive-Semiological Synergetics of the Word*. Volgograd: Peremena; 2006:228 p.
2. Krasnyh V. V. *Cognitive Aspect of Basic Metaphors of Linguistic Culture. Yazyk, soznanie, kommunikatsiya = Language, Consciousness, Communication*. Ed. by V. V. Krasnyh, A. I. Izotov. Moscow: MAKS Press; 2017:142–165.
3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka = Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow: A TEMP; 2004:944 p.
4. Pelevin V. O. *Prints Gosplana = Prince of Gosplan*. Moscow: Eksmo; 2018:320 p.
5. Pelevin V. O. *Chisla = Numbers*. Moscow: Eksmo; 2020:288 p.
6. Pelevin V. O. *Chapaev i Pustota = Chapaev and Emptiness*. Moscow: Eksmo; 2021:416 p.
7. Sklyarevskaya G. N. *Metafora v sisteme yazyka = Metaphor in the language system*. St. Petersburg: St. Petersburg State University; 2004:166 p.
8. Yaroshchuk I. A. *Kognitivno-metaforicheskaya palitra teksta (na materiale khudozhestvennoy prozy pisateley Chernozemya) = Cognitive-metaphorical palette of the text (based on the fiction of writers of the Black Earth Region)*. Belgorod; 2013:168 p.

Информация об авторах

М. В. Беззубикова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка;

И. Н. Кайгородова – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка.

Information about the authors

M. V. Bezzubikova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department;

I. N. Kaigorodova – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Russian Language Department.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 01.03.2025; принята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 10.02.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 19–24.
Humanitarian Researches. 2025;1(93):19–24.

Научная статья
УДК 811

О ЯЗЫКЕ И РЕЧИ: ДРУГАЯ ЖИЗНЬ «СТЕКЛА»

Марина Владимировна Веклич

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия, mveklich@mail.ru

Аннотация. Внимание к этой теме исследования объясняется повышенным интересом населения страны к сленговым словам, а также вниманием лингвистов к изучению уникальных языковых единиц в семантическом, морфологическом, синтаксическом аспектах, свидетельствующих о происходящих в языке изменениях через призму речевых трансформаций. Данное исследование проведено на материале текстов Национального корпуса русского языка (подкорпус «Социальные сети»), современных социальных сетей, книжных интернет-магазинов, издательств, чатов онлайн-кинотеатров, сайтов библиотек. Авторы статей о «стекле» в книгах утверждают, что термин «стекло» как характеристика текста пришёл из фанфикшена (фанатской писательской практики, последователи которой являются непрофессиональными писателями, создающими нарративные интерпретации – любительские произведения по мотивам полюбившихся популярных оригинальных литературных произведений, фильмов, сериалов, игр). По определению одного из современных авторов, сленговое слово «стекло» приобретает особенности новомодного квазилитературного термина. «Стекло» – это название и нового «жанра» (традиционные синонимы – мелодрама, драма, трагедия), и катарсисных сцен, и эмоционального состояния зрителя, читателя (синонимы – очищение, катарсис). На странице социальной сети, объединяющей творческих людей, разворачиваются обсуждения квазилитературоведческого термина «стекло». Участники приходят к выводу, что это явление, слово есть, это ни хорошо и ни плохо, если произведение качественное. Авторы «стекла» часто одновременно являются и читателями такого «стекла», без которого не мыслят своего существования: «Без стекла и жизнь не та». Закрепление за словом «стекло» такого значения и употребления фанаты объясняют тем, что «Стекло» царапает читателя в процессе, но он всё равно получает удовольствие от хорошего произведения. Это явление потому и называется так, что ощущения от него такие же, словно от поедания самого вкусного в мире битого стекла: очень больно, но остановиться невозможно. Недаром основное выражение, связанное с этим словом в приложении к художественным произведениям – «есть стекло». ... самые «стекольные» моменты часто становятся и самыми значимыми, самыми ценными среди читателей. Не самыми любимыми – все-таки очень больно, – но самыми важными».

Ключевые слова: сленг, сленгизм, нарратив, стекло, стеклянная книга, дорама

Для цитирования: Веклич М. В. О языке и речи: другая жизнь «стекла» // Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 19–24.

Original article

ABOUT LANGUAGE AND SPEECH: THE OTHER LIFE OF “GLASS”

Marina V. Veklich

Astrakhan State University after named V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia, mveklich@mail.ru

Abstract. The attention to this research topic is explained by the increased interest of the country's population in slang words, as well as the attention of linguists to the study of unique linguistic units in semantic, morphological, syntactic aspects, indicating ongoing changes in the language through the prism of speech transformations. This study was

conducted using the material of texts from the National Corpus of the Russian Language (subcorpus "Social Networks"), modern social networks, online bookstores, publishing houses, online cinema chats, library websites. The authors of articles about "glass" in books claim that the term "glass" as a characteristic of the text came from fan fiction (a fan writing practice, the followers of which are non-professional writers who create narrative interpretations – amateur works based on their favorite popular original literary works, films, TV series, games). According to the definition of one of the modern authors, the slang word glass is acquiring the features of a new-fangled quasi-literary term. "Glass" is the name of a new "genre" (traditional synonyms – melodrama, drama, tragedy), and cathartic scenes, and the emotional state of the viewer, reader (synonyms – purification, catharsis). On a social network page that unites creative people, discussions of the quasi-literary term "glass" are unfolding; participants come to the conclusion that this phenomenon, this word exists, is neither good nor bad, if the work is of high quality. The authors of "glass" are often also readers of such "glass", without which they cannot imagine their existence: "Without glass, life is not the same". Fans explain the assignment of such a meaning and usage to the word glass by the fact that "Glass" scratches the reader in the process, but he still enjoys a good work. This phenomenon is called this way because the sensations from it are the same as from eating the most delicious broken glass in the world: very painful, but absolutely impossible to stop. It is not for nothing that the main expression associated with this word in relation to works of art is "there is glass". ... the most "glassy" moments often become the most significant, the most appreciated among readers. Not the most beloved – it still hurts a lot – but the most important".

Keywords: slang, slangism, narrative, glass, there is glass, glass book, drama

For citation: Veklich M. V. About language and speech: the other life of "glass". *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2025;1(93):19–24 (In Russ.).

Непостоянство, скорость изменений, неуверенность в будущем рожают новые реалии, желания, устремления. Изменяющееся общество требует перемен, выплеска эмоций. Исследование жизни сленгового слова *стекло*, его производных, их сочетаемости в полной мере отражает то, что происходит в современном изменчивом мире.

В кинематографе давно завоевали популярность фильмы и сериалы, вызывающие эмоциональный всплеск у зрителей, когда переживания из-за страданий, гибели героев достигали формы катарсиса, очищения души и сердца. Очень часто это были фильмы на основе художественных произведений, например: «А зори здесь тихие...», «Белый Бим Чёрное ухо» и др. В наше время мир завоевывают драмы. Драмы – это телесериалы, выпущенные в странах Юго-Восточной Азии (Китай, Южная Корея, Япония, Тайвань). Жанры драм – романтическое фэнтези, мистический детектив, комедийный исекай.

Исследуемое слово *стекло* в данном тематическом поле «Драмы» – сленгизм, в этом статусе встречается только в отзывах зрителей драм, сериалов для передачи собственных эмоций и оценки душераздирающих, катарсисных, сцен.

Сленгизм *стекло*, его производное *стеклище*, количественные словосочетания (*много стекла*) используют любители драм, чтобы кратко, ёмко, эмоционально охарактеризовать душераздирающие сцены: «Детали проработаны великолепно. Сюжет, конечно, сказочный наивняк)))))) чувствуете, что закрутят и я, в целом, не против **стеклища** – Ло Лэо не нужны верёвки для спецэффектов, его и так сдувает ветром» [4].

Для описания собственного эмоционального состояния, вызванного просмотром валидольных сцен, зрители часто используют устойчивые сленговые сочетания *угощаться стеклом*, *есть стекло* [12]: «Концовку драмы "Светлый пепел луны" ругали многие и, конечно, справедливо, ведь зрители и без того **угощались стеклом** весь сериал» [13].

Словом *стекло* с зависимыми словами зрители определяют количество высокоэмоциональных сцен: *горы «стекла»*, *много «стекла»*. Устойчивое

сочетание в речи зрителей может указывать на качество, страну создания сериала: *китайское «стекло»*.

«Стекло» в драме – это и описание сцены (трогательного момента, поворота сюжета), которая используется для эмоционального посыла, вызывает изменение эмоционального состояния у зрителя (радость, грусть, страдание, страх, ужас), и то впечатление, которое накрывает зрителя во время и после просмотра драмы.

Исследуемое сленговое слово *стекло* отмечено также и в другом тематическом поле «Книги». В этом пространстве сленгизм тоже употребляется только в отзывах о книгах авторов, читателей, издателей, продавцов, сотрудников библиотек для передачи собственных эмоций и оценки душераздирающих, катарсисных, сцен. И в этом случае «стекло» – это то, что вызывает волнение сердца и души до боли, но сладкой боли, очищающей.

Книги, над которыми в разное время плакали читатели, да и сейчас плачут, можно тоже охарактеризовать как «стекло»: Э. Бронте «Грозовой перевал», Дж. Д. Сэлинджер «Над пропастью во ржи», Ж. Амаду «Генералы песчаных карьеров», Э. Ремарк «Три товарища», В. Гюго «Собор Парижской Богоматери», Б. Лавренев «Сорок первый», Б. Васильев «А зори здесь тихие...», «В списках не значился», М. Шолохов «Тихий Дон», Г. Троепольский «Белый Бим Чёрное ухо» и др.

Современная молодёжь нашла / создала замену скучным иноязычным литературоведческим терминам (драма, мелодрама, трагедия, катарсис), не несущим читателю никакого эмоционального посыла. Вот такую оценку этому квазитермину дал непрофессиональный автор, и она не менее эмоциональна, чем сам квазитермин: «Но “стекло” – это же совсем иное дело, теперь-то старый термин засверкал, заискрился, аппетитно заскрипел на зубах. Пардон, не сдержался. Новый фантик привёл в восторг, здорово придумано» [11].

«Стекло» уже считают новым жанром в литературе. Интернет-магазины («Читай-город», «Эксмо»), издательства (АСТ), анонсируя выход новых книг, на своих сайтах публикуют разъяснительные статьи, посвящённые «стеклу»: «Что значит “поесть стекла”». Разбираемся в молодёжном сленге и советуем “стеклянные” книги» [7], «Стеклянное фэнтези: знакомимся с новым жанром» [5], «Стекло: книги, которые разобьют сердце» [5]. Сервис лицензионных электронных книг в России и странах СНГ [8], предлагая читателям новые книги, сопровождает их отзывами с разных ресурсов: «Честно сказать, столько стекла я давно не ела. Я прям хрустела им, как любимыми чипсами» [8]. На сайтах онлайн-библиотек («Целлюлоза»), традиционных библиотек (Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова) сотрудники предлагают читателям статьи о «стекле» в книгах: «Грустно, но вкусно: что такое “стекло” и с чем его едят» [2]. Знатоки утверждают, что «стекло» должно быть качественным, вызывать грусть, слёзы очищающие, за которые можно сказать автору «спасибо».

Есть сайты (например, «Книга фанфиков») для создателей книг, вызывающих читателей на сильные эмоции, где предлагаются рекомендации по созданию такого «стекла»: «Стекло лучше **приправить** нцией, подходящим размером (желательно макси), нехронологичкой, собственными слезами, пов'ом (повествование от первого лица = pov), всхлыпами и соп'ом (смерть основного перса). Вот тогда уж вы сполна нахватаетесь стеклянного сюжета, гарантирую» [6]. Авторы таких книг носят самоназвание «стекольщики». В таких произведениях сленгизм *стекло* не употребляется, а используется читателями, авторами только для оценивания содержания произведения и называния собственного или предлагаемого градуса переживаний.

Сленговое слово *стекло* с рассматриваемыми значениями в сфере искусства является омонимичным слову *стекло* с традиционными значениями,

зафиксированными в «Большом толковом словаре русского языка» [1], достаточно активно в речи современных носителей русского языка: является производящим для новых слов в структурном (*стеклоед*, *стеклище*, *стеклотворец*) и семантическом (*стекольщик*, *стеклянный*, *стекольный*, *стёклышко*, *стеклозавод*) отношении. Авторские неологизмы (структурные и семантические окказионализмы) ярче, точнее передают эмоции людей, либо творящих такие произведения, либо просматривающих и причитывающих их. Рассмотрим в качестве сравнения несколько омонимичных пар, в которых первое слово – общеупотребительное, а второе – окказиональное:

*Стекольщик*¹ – *Стекольщик*²

*Стекольщик*¹ – '1. Рабочий, занимающийся вставкой стёкол. 2. Разг. Работник стекольной промышленности' [1, с. 1266].

*Стекольщик*² – 'Тот, кто создаёт книгу-стекло'. «Приятного аппетита, стекольщики» [6].

*Стеклозавод*¹ – *Стеклозавод*²

*Стеклозавод*¹ – 'Завод, предприятие, выпускающие изделия из стекла' [1, с. 1265].

*Стеклозавод*² – 'Очень много стекла, грусти, слёз, эмоций, которые переполняют душу'. «"Это какой-то **стеклозавод!**" – в восторге от прочитанного, сказала она» [3].

*Стеглянный*¹ – *Стеглянный*²

Общеупотребительное слово *стеклянный*¹ имеет несколько значений: '1. Производное от основы слова *стекло*. 2. Сделанный из стекла. 3. Такой, как у стекла, похожий на стекло (блеском, прозрачностью, звоном и т. п.). 4. Неподвижный, безжизненный (о глазах, взгляде)' [1, с. 1265].

*Стеглянный*² – 'О книге или дораме: то, что имеет отношение к стеклу, содержащий стекло – высокоэмоциональные, катарсисные, очищающие душу события'. «Всё начиналось с милых приключений в Небесном царстве, но постепенно разрослось до "**стеклянной**" трагедии таких масштабов, что все ваши внутренности свернуться и развернуться много раз» [3].

Нередко авторы, фан-почитатели современных катарсисных книг, зрители «стеклянных» дорам создают собственные слова. По образцу общеупотребительных слов *стеклодел*, *стеклодув* (словообразовательная модель: *стекло* + глагольная основа + нулевой суффикс со значением 'тот, кто работает с тем, что названо в первой, именной, производящей основе') создано окказиональное *стеклоед* 'тот, кто ест много «стекла», т. е. любит читать книги, содержащие высокоэмоциональные, катарсисные, события': «Я сама **стеклоед**» [9].

Обращает на себя внимание морфология производных слов. Так, например, один из почитателей «стекла» в книгах для того, чтобы выразить свою высокую оценку, образовал составную форму превосходной степени относительного прилагательного *стекольный* – *самое стекольное* (стекло).

В книгах, дорамах «стекла» как драмы, трагедии может и должно быть много, поэтому в качестве меры для душераздирающих сцен, эмоций зрители и читатели используют либо слова количественно-объёмного значения (*вагон*, *много*), либо формы множественного числа (*горы*, *тонны*): «Готовьтесь к **вагону стекла**. 58 серий» [3]. Количество ожидаемых душераздирающих сцен может быть также подчёркнуто производным *стеклище* с увеличительным суффиксом *-ищ-*: «...готовьтесь: вас ждут **тонны** отборного **стеклища**» [3]. Если волнительных сцен будет не очень много, то тогда описывают эту ситуацию производным словом с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ышк-*: «Потому как там тоже полное взаимопонимание, любовь и доверие главных героев.» Ну, совсем чуть-чуть "**стёклышка**" подкинули.))» [3].

Сленговое слово *стекло* образует антонимическую пару, которая существует в рамках контекста: «Немного, совсем немного в середине дорамы, где-то 22–23 серия, вам предложат немного **стекла и сахарной ваты**» [3].

Сленгизм *стекло* имеет разветвлённую синтагматику, свободно сочетается со словами разных частей речи: с существительными (*горы стекла, вагон стекла*), глаголами (*есть стекло, грызть стекло, угощаться стеклом, приправить стекло, любить стекло, читать стекло, благодарить за стекло*), словами с количественным значением (*много стекла, немного стекла*); его производные прилагательные *стеклянный* и *стекольный* тоже имеют разветвлённую синтагматику (*стеклянный эликсир, стеклянная закуска, стекольные отношения, стекольный момент*).

Резюмируя изложенное выше, заметим, что омонимичный собрат общепотребительного слова *стекло* в речи носителей современного русского языка ведёт активную жизнь, у него уже есть парадигмы разного типа (семантическая, словообразовательная, синонимическая, антонимическая), разветвлённая синтагматика (вступает в синтаксические связи как с глаголами, так и с прилагательными, количественными словами). Однако говорить о закреплённости в языке этого слова с такими производными и такой сочетаемостью пока ещё затруднительно.

Список источников

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : НОРИНТ, 2000. – 1536 с.
2. Грустно, но вкусно: что такое «стекло» и с чем его едят. – URL: <https://akunb.altlib.ru> (дата обращения: 09.02.2025).
3. Дзен. – URL: <https://dzen.ru/> (дата обращения: 09.02.2025).
4. Дорама Ленд. – URL: <https://rf.doramaland.cc/> (дата обращения: 09.02.2025).
5. Издательство АСТ. – URL: <https://ast.ru> (дата обращения: 09.02.2025).
6. Книга Фанфиков. – URL: <https://ficbookk> (дата обращения: 09.02.2025).
7. Книжный интернет-магазин «Читай-город». – URL: <https://www.chitai-gorod.ru> (дата обращения: 09.02.2025).
8. ЛитРес. – URL: <https://www.litres.ru/> (дата обращения: 09.02.2025).
9. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). – URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 09.02.2025).
10. Портал издательства “fanzon”. – URL: <https://fanzon-portal.ru/> (дата обращения: 09.02.2025).
11. Социальная сеть творческих людей “Author.Today”. – URL: <https://author.today/> (дата обращения: 09.02.2025).
12. AntiSlang.Ru. Интернет-словарь современного сленга. – URL: <https://antislant.ru/> (дата обращения: 09.02.2025).
13. Irecommend.ru. – URL: <https://irecommend.ru> (дата обращения: 09.02.2025).

References

1. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka = The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Compil. and ed. by S. A. Kuznetsov. St. Petersburg: NORINT; 2000:1536 p.
2. *Grustno, no vkusno: chto takoe “steklo” i s chem ego edyat = Sad, but delicious: what is “glass” and what to eat it with*. URL: <https://akunb.altlib.ru> (accessed: 09.02.2025).
3. *Dzen*. URL: <https://dzen.ru/> (accessed: 09.02.2025).
4. *Dorama Lend*. URL: <https://rf.doramaland.cc/> (accessed: 09.02.2025).
5. *AST Publishing House*. URL: <https://ast.ru> (accessed: 09.02.2025).
6. *Book of Fanfiction*. URL: <https://ficbookk> (accessed: 09.02.2025).
7. *Online bookstore “Chitai-gorod”*. URL: <https://www.chitai-gorod.ru> (accessed: 09.02.2025).
8. *LitRes*. URL: <https://www.litres.ru/> (accessed: 09.02.2025).
9. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka = National Corpus of the Russian Language*. URL: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 09.02.2025).
10. *“fanzon” publishing house portal*. URL: <https://fanzon-portal.ru/> (accessed: 09.02.2025).

11. *Sotsialnaya set tvorcheskikh lyudey "Author.Today" = Social network of creative people "Author.Today"*. URL: <https://author.today/> (accessed: 09.02.2025).
12. *AntiSlang.Ru. Internet-slovar sovremennogo slenga = AntiSlang.Ru. Internet dictionary of modern slang*. URL: <https://antislant.ru/> (accessed: 09.02.2025).
13. *Irecommend.ru*. URL: <https://irecommend.ru/> (accessed: 09.02.2025).

Информация об авторе

М. В. Веклич – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

M. V. Veklich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 01.03.2025; принята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 10.02.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 25–30.
Humanitarian Researches. 2025;1(93):25–30.

Научная статья
УДК 81'373

**КОНЦЕПТ «ИСТИНА» В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ СЛОЕ
РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА:
ЛЕКСИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ**

Елена Александровна Емельянова^{1✉}, Елена Николаевна Лучинская²

¹ Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков, Краснодар, Россия

² Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹ lena.emelyanova.97@bk.ru✉

² bekketsam@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу концепта «Истина» в паремиологическом слое русской языковой картины мира. Анализ осуществляется с учётом лексических и культурных аспектов, которые формируют восприятие этого понятийного поля, что позволяет выявить основные особенности русской ментальности. Русская языковая картина мира представляет собой уникальное пространство, это многослойная структура, в которой язык, культура, история и мировосприятие народа образуют единое целое. Язык здесь служит не только средством коммуникации, но и является отражением специфических представлений о мире. Изучение концептов через призму паремиологии позволяет глубже осмыслить ментальные модели, которые присутствуют в языке. На основе собранного языкового материала выявлены ключевые аспекты, формирующие характеристики концепта «Истина». Доказано, что концепт «Истина» представляет собой многослойный компонент русской языковой картины мира. Данный концепт является не просто базовым культурным концептом, а динамичным – он формируется под воздействием языковых, культурных и исторических факторов, которые часто изменчивы. Кроме того, истина является важнейшим критерием морали и имеет несомненную ценность. Рассматриваемый концепт многогранный и многозначный, он отражает корреляцию между языком, мышлением и культурой. Концепт рассматривается не только как философская категория, но и как важный компонент культурной идентичности. В ходе исследования было установлено, что концепт «Истина» занимает важное место в русской языковой картине мира и имеет глубокие исторические корни. В паремиологии истина репрезентируется через высказывания, которые отражают отношение к правде, честности и нравственности. Таким образом, в результате исследования удалось выявить ключевые элементы и глубинные ассоциации, связанные с концептом «Истина» в паремиологическом слое русской языковой картины мира, что может способствовать более комплексному осмыслению изучаемого концепта.

Ключевые слова: концепт, истина, язык, паремиология, языковая картина мира

Для цитирования: Емельянова Е. А., Лучинская Е. Н. Концепт «Истина» в паремиологическом слое русской языковой картины мира: лексические и культурные аспекты // Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 25–30.

Original article

THE CONCEPT OF “TRUTH” IN THE PAREMIOLOGICAL LAYER
OF THE RUSSIAN LINGUISTIC PICTURE
OF THE WORLD: LEXICAL AND CULTURAL ASPECTS

Elena A. Emelyanova^{1✉}, Elena N. Luchinskaya²

¹ Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots, Krasnodar, Russia

² Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹ lena.emelyanova.97@bk.ru✉

² bekketsam@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the concept of “Truth” within the paremiological layer of the Russian linguistic worldview. The analysis is conducted taking into account the lexical and cultural aspects that shape the perception of this conceptual field. The Russian linguistic worldview represents a unique space where language, culture, history, and the perception of the world intertwine. Language serves not only as a means of communication but also as a reflection of specific views on the world. Based on the linguistic material, key aspects that form the characteristics of the concept of “Truth” have been identified. It has been demonstrated that the concept of “Truth” is dynamic—it evolves under the influence of linguistic, cultural, and historical factors. It is a multifaceted and polysemous concept that reflects the correlation between language, thought, and culture. In this context, truth is regarded not only as a philosophical category but also as an important component of cultural identity. As a result of the study, key elements of the concept of “Truth” within the paremiological layer of the Russian linguistic worldview have been identified.

Keywords: concept, truth, language, paremiology, linguistic picture of the world

For citation: Emelyanova E.A., Luchinskaya E.N. The Concept of “Truth” in the Paremiological Layer of the Russian Linguistic Picture of the World: Lexical and Cultural Aspects. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2025;1(93):25–30 (In Russ.).

Концепты играют ключевую роль в формировании языковой картины мира и национального сознания. Они отражают ценности, обычаи и мировосприятие, присущее определённой языковой группе. В данной статье мы рассмотрим значение концепта «Истина» в паремиологическом слое русской языковой картины мира, выделив особенности, которые определяют восприятие данного концепта в русской национальной культуре.

В зависимости от исследовательской области термин «концепт» может иметь различное значение. В рамках данного исследования, вслед за Р. И. Павиленисом, под «концептом» мы понимаем глобальную мыслительную единицу, то есть «то, что индивид думает, воображает, предполагает, знает об объектах мира» [3, с. 280].

В основе русской языковой картины мира сформированы прочные традиции, которые в наибольшей степени отражены в паремиологическом слое языка. Зачастую в коллективном сознании закреплены именно духовные аспекты концептов. В таком контексте концепт «Истина» рассматривается в корреляции с другими концептами. Такими концептами выступают не только религиозные, но философские понятия – любовь, добро, вера, правда, красота и др. Они являются ключевыми показателями культурных смыслов и универсальными направлениями внутреннего мира человека. Все эти концепты являются базовыми и широко представлены в паремиологическом фонде русского языка.

Фразеология служит неисчерпаемым источником паремий, фольклорные традиции русской культуры являются богатым материалом для понимания концепта «Истина». Рассмотрим наиболее известные паремии с использованием данного концепта:

1. «Истина где-то посередине». В данной пословице истина является смыслом, который можно найти среди различных точек зрения. Точное местоположение узнать невозможно, т. к. истина не находится на поверхности, она скрыта «где-то посередине». В текущем контексте это символизирует баланс и компромисс.

Семантическая структура пословицы отражена в том, что истина находится там, где сталкиваются и взаимодействуют разные позиции. В этой фразеологической единице прослеживается концепция компромисса и диалога, особенно подчёркивается многогранность истины.

Анализируя пословицу, можно отметить, что она предлагает искать баланс и справедливость в мнениях, вместо того чтобы следовать только одной точке зрения.

Культурный контекст данной пословицы имеет различные аспекты.

Философский аспект. В философии концепция «середины» находит своё отражение в идеях Аристотеля о «золотой середине», где разумный подход к жизни заключается в избегании крайностей. Это подчёркивает тот факт, что истины можно достичь только в процессе сбалансированного осмысления действительности.

Социальный аспект. В русской культуре можно отметить особое уважение разных мнений и стремление к консенсусу. Паремия «истина где-то посередине» подчёркивает необходимость открытого диалога и готовности слышать мнения других.

Моральный аспект. Данная пословица акцентирует внимание на этических принципах, связанных с поиском истины, что побуждает людей к критическому мышлению. В романе Ф. М. Достоевского «Подросток» мы видим пример, который подтверждает данную мысль. Григорий Васин отстаивает своё мнение в споре с Аркадием Долгоруким используя данную паремию: «Должно быть, истина, как и всегда, где-нибудь лежит посередине: то есть в одном случае святая истина, а в другом – ложь» [2, с. 186].

Итак, пословица «истина где-то посередине» лексически указывает на необходимость сбалансированного взгляда на мир, а культурно – подчёркивает важность уважения к различным мнениям и стремление к консенсусу. Это фразеологическое выражение служит напоминанием о том, что истина часто сложнее, чем кажется, её важно искать в диалоге, т. к. в нашем сознании истина не является абсолютной, а требует обдумывания.

2. «Истина очевидна, ложь – темна». Представленная пословица является ярким примером контраста между истиной и ложью, она выражает традиционное восприятие этих понятий в русской культуре. В таком контексте истина ассоциируется с честностью, моралью и надёжностью, а ложь подразумевает искажение действительности, обман, недостоверную информацию или неискренность.

Семантическая структура пословицы строится на приёме контраста между двумя понятиями: истиной и ложью. В первой части паремии утверждается, что истина является явной и доступной, тогда как во второй части подчёркивается затруднительность и «темнота» лжи. Такое противопоставление создает чёткий смысловой каркас, в котором истина воспринимается как желаемая и добродетельное проявление, а ложь – как негативное и опасное явление.

Культурный контекст данной пословицы укоренён в традиционных представлениях о добре и зле, правде и неправде, которые закреплены в русских народных сказках, притчах, пословицах и поговорках.

С точки зрения философии данные понятия являются вневременными категориями, существующими на протяжении всей истории человечества.

3. «Истина рождается в споре». Данная пословица подчёркивает важность дискуссий и дебатов в поиске и установлении истины. Рассмотрим её лексический состав и культурные аспекты.

В контексте паремии истина воспринимается как итог процесса осмысления и анализа различных мнений, она не существует в вакууме, а формируется в результате взаимодействия – «спора». Спор ассоциируется с критическим анализом, обоснованием и обсуждением, он служит катализатором, который помогает выявить различные составляющие истины.

Семантическая структура пословицы подразумевает, что истина не является чем-то данным и неизменным, она «рождается» и формируется в процессе диалога.

В паремии подчёркивается важность критического мышления и открытости новым идеям. Она указывает на то, что в разногласиях можно достичь не только конфликта, а использовать «спор» как возможность для достижения более глубокого понимания истины.

С точки зрения культурного контекста рассмотрим отражение данной мысли в традициях философии, социологии и общественной жизни.

Итак, в философии истина рассматривается как одна из главных категорий, это не только вид знания, но и особое явление, существующее в действительности. В философской концепции диалектического мышления возникновение истины также связано с противоречиями: «Противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия – критерий заблуждения [1, с. 265]».

Моральный аспект. Споры и дебаты являются важнейшим компонентом поиска истины. Пословица освещает ценность аргументированной дискуссии как способа разрешения споров, что позволяет увидеть разные точки зрения и углубить свое понимание в поиске истины.

4. «Платон мне друг, но истина дороже». Пословица отражает идею приоритета истины над дружбой и привязанностью. Рассмотрим её лексический состав и интерпретацию в контексте культуры.

Платон – древнегреческий философ, основатель Академии, один из самых влиятельных мыслителей в истории. Упоминание его имени является символом философского значения пословицы.

Семантическая структура данной паремии показывает, что дружба уступает место более высокому принципу – истине. Сравнительная степень прилагательного «дороже» указывает на то, что истина рассматривается как приоритет и высшая ценность, даже когда речь идёт о близком человеке.

Пословица отражает мысль о том, что истина и честность должны быть неотъемлемой частью жизни, даже если это конфликтует с личными привязанностями или дружескими чувствами.

Культурный контекст данной пословицы базируется на традициях философской мысли и морали.

Пословица указывает на диалектные противоречия, которые известны в философии. Платон, как мудрец, символизирует высокие философские идеалы и поиск знания, в его учениях истина рассматривается как главная цель.

Кроме того, особенно подчёркивается моральный аспект пословицы. Это этические принципы честности и преданности истине. Паремия иллюстрирует идею о том, что в любой ситуации следует оставаться верным своим убеждениям и истине.

5. «Истина в последней / конечной инстанции». Выражение используется для обозначения окончательной, не подлежащей оспариванию версии истины, которая устанавливается по итогам всех обсуждений, разбирательств или аргументаций. В рамках данного высказывания истина считается финальной и не подлежит пересмотру.

Лексема предполагает наличие авторитета или признанного источника, который способен окончательно разрешить проблему поиска истины.

С точки зрения юридической науки эта фраза может относиться к судебным инстанциям, где приговоры высших судов или решения верховной инстанции становятся окончательными.

В контексте философии данная поговорка рассматривается как рассуждение о природе абсолютной истины.

Итак, на основе анализа концепта «Истина» в паремиологическом слое русской языковой картины мира можно сделать вывод о том, что концепт «Истина» обладает следующими свойствами:

Динамичность. Это первостепенное свойство концепта, поскольку содержание концепта «Истина» меняется вместе с культурой, моральными ценностями и окружением. Смысл понятия приобретает новые значения по мере поступления новой информации.

Высшая ценность. Исходя из проанализированных поговорок, очевидно, что истина рассматривается как непреходящий критерий нравственности, а её достижение является первостепенной целью.

Поиск и открытость. Стоит отметить, что концепт «Истина» подразумевает не только сам процесс поиска, но и готовность воспринимать различные точки зрения, что приводит к плюрализму мнений.

Конфликтность. Достижение истины иногда приводит к спорам, в которых и происходит процесс её зарождения.

Сложность и многогранность. Концепт «Истина» не является однозначным, он включает в себя различные характеристики в зависимости от контекста, социальных норм, философских убеждений.

Нравственная ориентация. Понимание истины связано с моральными ценностями, главный синоним истины – правда. Стремление к истине – важнейшая внутренняя цель, которая требует внутренних усилий и смелости.

Влияние культуры и истории. Представления о значении концепта «Истина» формируются под воздействием культурно-исторических факторов. Поговорки являются отражением национального характера, мышления, философских ориентиров и нравственных устоев.

Перечисленные выше свойства концепта «Истина» свидетельствуют о его многослойности, истина рассматривается как продукт столкновения и взаимодействия различных идей. Поэтому она имеет как объективную, так и субъективную стороны, формирующиеся под воздействием культуры, философии и личного опыта.

Таким образом, концепт «Истина» в паремиологическом слое русской языковой картины мира выступает не только объектом поиска, а процессом, в рамках которого происходит корреляция мнений. Истина – не только философская категория, но и сложный компонент русской языковой картины мира.

Список источников

1. Гегель Г. В. Работы разных лет : в 2 т. / Г. В. Гегель. – Москва : Мысль, 1972. – Т. 1. – 668 с.
2. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 7 т. / Ф. М. Достоевский. – Москва : Лексика, 1996. – Т. 5: Подросток : роман. – 560 с.
3. Павиленис Р. И. Проблемы смысла: современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павиленис. – Москва : Мысль, 1983. – 288 с.

References

1. Gegel G. V. *Raboty raznykh let: v 2 tomakh = Works of different years: in 2 vols.* Moscow: Mysl; 1972;1:668 p.
2. Dostoevskiy F. M. *Sobranie sochineniy: v 7 tomakh = Collected Works: in 7 vols.* Moscow: Leksika; 1996;5:560 p.
3. Pavilenis R. I. *Problemy smysla: sovremennyy logiko-filosofskiy analiz yazyka = Problems of meaning: modern logical-philosophical analysis of language.* Moscow: Mysl; 1983:288 p.

Информация об авторах

Е. А. Емельянова – соискатель учёной степени кандидата филологических наук;
Е. Н. Лучинская – доктор филологических наук.

Information about the authors

E. A. Emelyanova – Applicant for the degree of Candidate of Philological Sciences;
E. N. Luchinskaya – Doctor of Philological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.12.2024; одобрена после рецензирования 12.01.2025; принята к публикации 16.01.2025.

The article was submitted 05.12.2024; approved after reviewing 12.01.2025; accepted for publication 16.01.2025.

Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 31–40.
Humanitarian Researches. 2025;1(93):31–40.

Научная статья
УДК 81'42

**НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА ВОЙНЫ
В ПИСЬМЕННОМ ДИСКУРСЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА**

Ралина Рамзаровна Зубаирова

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева,
Астрахань, Россия, zubairova92@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию невербальных средств передачи образов войны в письменном дискурсе англоязычного медиапространства и их взаимодействию с креолизованными текстами, которые представляют собой комбинацию визуальных образов, жестов и звуков и языковых элементов, усиливающих эмоциональное восприятие таких сложных информационных материалов, как война или конфликт. В ходе исследования выявляется, что визуальные элементы не только дополняют текстовую информацию, но и могут изменять её восприятие, создавая многослойные нарративы. В статье анализируется использование таких визуальных элементов, как инфографика, графические изображения, типографика, пунктуация, расположение текста, а также пиктограммы. Так, использование специфических цветовых решений и композиционных приёмов значительно влияет на интерпретацию сообщения, где, например, холодные оттенки могут вызывать ассоциации с трагедией, а тёплые – с достижениями, успехом, надеждой. Исследование основано на общенаучном гипотетико-дедуктивном методе, методе сплошной выборки, контент-анализа, а также методе анализа дискурса, что позволяет выявить закономерности в использовании невербальных средств в различных контекстах. В статье рассматриваются примеры из современных англоязычных новостных материалов и комментариев пользователей, демонстрирующие, как невербальные средства языка усиливают эмоциональную нагрузку текста и формируют общественное восприятие новости. Результаты исследования подчёркивают значимость невербальных компонентов языка войны в коммуникации, выделяя их роль в манипуляции общественным мнением через создание ярких и запоминающихся образов. Область применения результатов исследования включает медиаисследования, социолингвистику и изучение массовых коммуникаций. Это становится особо актуальным в свете стремительного развития цифровых технологий и изменения форматов медийного контента, что требует дальнейшего изучения взаимоотношений между текстом и визуальными элементами.

Ключевые слова: язык войны, образы войны, невербальные средства коммуникации, креолизованный текст, письменный дискурс, медиадискурс

Для цитирования: Зубаирова Р. Р. Невербальные средства языка войны в письменном дискурсе англоязычного медиапространства // Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 31–40.

Original article

**NON-VERBAL MEANS OF THE LANGUAGE OF WAR IN WRITTEN DISCOURSE
OF THE ENGLISH-LANGUAGE MEDIA SPACE**

Ralina R. Zubairova

Astrakhan State University after named V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia,
zubairova92@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of non-verbal means of conveying images of war in written discourse of the English-language media space and their interaction with creolized texts, which are a combination of visual images, gestures and

sounds, and linguistic elements that enhance the emotional perception of sophisticated information materials such as war or conflict. The study reveals that visual elements not only complement textual information, but can also change its perception, creating multi-layered narratives. The use of visual elements such as infographics, graphic images, typography, punctuation, text layout, and pictograms is analyzed. So, the use of specific color solutions and compositional techniques significantly affects the interpretation of the message, where, for instance, cold shades can evoke associations with tragedy, and warm ones with achievements, success, and hope. The research is based on the general scientific hypothetical-deductive method, the method of continuous sampling, content analysis, as well as the method of discourse analysis, which allows us to identify patterns in the use of non-verbal means in various contexts. The article examines examples from contemporary English-language news materials and user comments, demonstrating how non-verbal means enhance the emotional load of the text and shape public perception of the news. The results of the study emphasize the importance of non-verbal components of the language of war in communication, highlighting their role in manipulating public opinion through the creation of vivid and memorable images. The scope of the research results includes media studies, sociolinguistics and the study of mass communications. This is becoming particularly relevant in the light of the rapid development of digital technologies and changing media content formats, which requires further study of the relationship between text and visual elements.

Keywords: language of war, images of war, non-verbal means of communication, creolized text, written discourse, media discourse

For citation: Zubairova R. R. Non-verbal means of the language of war in written discourse of the English-language media space. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2025;1(93):31–40 (In Russ.).

Язык войны – это сложное и многогранное явление, которое выходит за рамки вербальной коммуникации и включает в себя целый ряд невербальных сигналов. Взаимодействие вербальных и невербальных компонентов создаёт то, что можно назвать «креолизованным или мультимодальным текстом» – текстом, в котором смысл и эмоциональная нагрузка формируются не только через слова, но и через визуальные образы [2].

Креолизованный текст характеризуется тем, что акцент в нём делается не на простом объединении визуальных и вербальных в одно целое, а на их взаимосвязи, которая необходима для сохранения первоначального смысла. В отличие от стандартных иллюстрированных текстов, для полного восприятия информации в данном случае требуется синхронное восприятие всех составляющих.

Термин «креолизованный» был впервые введён в научный оборот российскими психолингвистами и филологами Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым в конце XX века. Это слово стало обозначать лингвистическую категорию, связанную с креольскими языками, которые возникли в результате смешения различных культур и языков. Примеры таких языков можно наблюдать в некоторых бывших колониях Европы, где в процессе межкультурного общения произошло слияние местных языков с упрощёнными формами европейских языков, как, например, языки Гаити, Вануату, а также коренные языки Канады и США. Позже понятие креолизации было расширено и стало применяться не только к европейским языкам, но и к различным знаковым системам [3].

В рамках настоящего исследования был проведён содержательный анализ невербальных средств, используемых в креолизованных текстах для создания образов войны, с акцентом на новостные материалы и комментарии к ним, опубликованные на онлайн-сайтах ведущих англоязычных новостных изданий: “The New York Times”, “The CNN News”, “The Guardian”, “The Huffington Post”, “The Washington Post”, “The Time Magazine” – в период с 2018 по 2024 год, к которым имелся свободный доступ. Критерии отбора материалов включали использование визуальных элементов, создающих метафорические образы войны и широкий спектр тем, включая политику,

здравоохранение, окружающую среду и социальные проблемы. Онлайн-комментарии были изучены из разделов комментариев к новостным статьям.

Анализ данных был осуществлён с применением ряда методов, а именно: общенаучного гипотетико-дедуктивного метода, метода сплошной выборки, метода контент-анализа, а также метода анализа дискурса, что позволило выявить закономерности в использовании невербальных средств в различных контекстах.

Невербальная коммуникация играет важную роль в социальном взаимодействии людей. В этой связи Д. Аберкромби утверждает то, что обычно считается само собой разумеющимся: «Мы говорим с помощью наших голосовых связок, но общаемся мы всем своим телом» [5, с. 55]. В ситуациях, когда люди испытывают чувство расстройств, их слова часто не отражают истинные проблемы, которые стоят за их состоянием. Обращая внимание на свои чувства и слова, мы можем лучше понять как свои собственные эмоции и потребности, так и чувства окружающих. В условиях конфликта внимательное восприятие невербальных сигналов собеседника может значительно помочь в осознании его истинных намерений и мыслей.

Р. Л. Бердвистелл [7, с. 10–18], один из основоположников теории невербальной коммуникации, подсчитал, что в разговоре 65 % сообщений передаются с помощью невербальной речи, а психолог и антрополог А. Мехрабян [12, с. 43] утверждает, что в процессе межличностного общения слова передают только 7 % информации, а невербальные (поведение и тон голоса) – всё остальное. Это означает, что значительная часть любого сообщения, которое мы отправляем и получаем, кодируется и декодируется невербально.

Для дальнейшего определения средств невербальной коммуникации нам необходимо провести различие между его проявлением в устном и письменном дискурсах. Речевым элементом невербальной коммуникации в устном дискурсе является параязык, который представляет собой озвученную, но не вербальную часть устного сообщения, такую как жесты, мимика, темп речи, громкость и тембр голоса, паузы, поза тела, зрительный контакт, смех, плач, вздохи и другие звуковые проявления.

В то время как в устном дискурсе невербальная коммуникация в значительной степени зависит от личного взаимодействия, в письменном дискурсе она также сохраняет свою важность, но принимает иные формы. Здесь невербальные средства языка объединяют вербальные сообщения с дополнительными визуальными элементами. Хотя письменный текст по своей природе ограничен возможностями передачи невербальной информации, существуют различные приёмы, позволяющие авторам дополнить свои сообщения невербальными инструментами. Это включает в себя использование шрифтов, форматирования текста, пунктуации, расположения текста, выбора цвета, пиктограмм, символов и других графических элементов.

Невербальные средства языка играют критически важную роль в формировании и восприятии языка войны в текстах англоязычных СМИ, превращая такие тексты в многослойный коммуникативный символ, который усиливает эмоциональную и когнитивную нагрузки. Так, выбор шрифтов и форматирования может контрастировать между лёгким и тяжёлым стилями изложения, подчёркивая серьёзность описываемых событий, в то время как цветовые решения, например красный, могут ассоциироваться с опасностью или насилием. Использование графических пиктограмм, таких как щит или кинжал, создаёт упрощённые, но мощные метафоры, способные передать сложные идеи о столкновении, мужестве или предательстве в одной графической единице. Расположение текста также играет немаловажную роль, размещая ключевые идеи в центре внимания или создавая визуальные

паузы, что усиливает драматизм рассказа и акцентирует внимание на важности определённых событий.

Важность визуального оформления текста подтверждается проведёнными в 1984 году исследованиями учёных из “Microsoft” и Массачусетского технологического института, выявившими важнейший аспект типографики в дизайне: грамотно оформленный текст читается охотнее и быстрее. Исследование показало, что оптимизированная типографика с тщательно подобранным шрифтом, цветом и контрастностью может эффективно привлекать внимание и передавать информацию более эффективно [14, с. 19–34]. Так, жирный и курсивный шрифты используются для выделения ключевых фраз или слов, создавая ощущение срочности и важности, подобно военным командам; крупный размер шрифта необходим для привлечения внимания к заголовкам или ключевым сообщениям, создавая ощущение драмы и кризиса, а шрифты с засечками (serif fonts) часто используются для создания ощущения традиционности, авторитетности и серьёзности, которое может выступать как олицетворение военного брифинга.

Креолизованный текст позволяет объединить вербальный язык войны с визуальными образами, жестами и звуками, что усиливает эмоциональное восприятие и понимание информационных материалов и таких сложных явлений, как война или конфликт. Например, изображения разрушенных городов, сочетание с военной терминологией или видеорядом могут создать более глубокое и острое эмоциональное воздействие.

Процесс креолизации текста охватывает преобразование идеи в актуальный текстовый формат. В этом процессе невербальные элементы интегрируются в текст, создавая многомерное восприятие его содержания. Например, военные отчёты могут сопровождаться графическими материалами, которые дополняют текстовую информацию и даже делают её более выразительной.

В ходе конфликтов, споров и обсуждений новостей, включая письменные формы общения, основная и наиболее значимая информация зачастую выражается не словами, а невербальными средствами. Эмоции могут передаваться через мимику, жесты и позы, а также через такие параметры, как темп, тон и громкость голоса. Визуальные компоненты, такие как шрифт, цвет, символы и изображения, также играют важную роль в передаче смыслов и эмоционального контекста.

В условиях конфликтов и социально-политических кризисов, когда слова могут оказаться недостаточными или даже несоответствующими ситуации, невербальные средства становятся важнейшим инструментом передачи информации и формирования образов. Невербальные элементы могут выступать как усилители вербальных сообщений, создавая более яркую и насыщенную картину происходящего.

Креолизованный текст позволяет выявить новые формы выражения языка войны, которые возникают на стыке языка и визуальной культуры. Современные примеры использования невербальных средств можно увидеть в новостных лентах, где визуальное сопровождение играет ключевую роль в восприятии информации.

Так, многие новостные издания используют инфографику при освещении кризисных ситуаций для представления статистических данных, что позволяет зрительно воспринимать информацию. Некоторые исследователи рассматривают инфографику как разновидность креолизованных текстов. Согласно Я. В. Лайковой, «инфографика – это разновидность креолизованного текста, смысл которого заложен одновременно в двух плоскостях – вербальной и невербальной, где визуализация имеет решающее значение: используются те изобразительные компоненты, которые помогают

правильной интерпретации текста (композиция, форма, цвет, шрифт и др.)» [1, с. 41–52].

Инфографика в англоязычных СМИ играет ключевую роль в формировании метафорического языка войны при освещении социально-политических кризисов. Она не только помогает визуализировать данные, но и создаёт мощные метафоры, которые воздействуют на восприятие аудитории. Этот подход не только делает данные более доступными, но и эмоционально нагружает их, позволяя читателю легче соотносить абстрактные цифры с человеческими судьбами. Качественная и проработанная инфографика в англоязычных СМИ представлена, например, в изданиях “The New York Times”, “The Time Magazine”, “The Guardian”.

Рассмотрим основные элементы инфографики, создающих образы войны при передаче информации о социально-политических кризисах.

Map as a battlefield (Карта как поле сражения). Карты являются обычным элементом инфографики о войне и иных мировых и локальных кризисах. Они часто используются для визуализации географических масштабов конфликта, выделения районов контроля, передвижения войск и ключевых сражений. Хотя карты в новостных лентах часто ассоциируются с освещением войн и конфликтов, они также могут использоваться для передачи ощущения конкуренции, борьбы или вызова в новостях, не связанных с военными конфликтами. Так, использование карты страны, на которой выделены регионы, охваченные социальными протестами, может создавать ощущение «разрушения» или «оккупации».

Campus Protests Led to More Than 3,100 Arrests, but Many Charges Have Been Dropped

The spate of pro-Palestinian protests and encampments engulfed academic institutions of all sizes in nearly every part of the country.

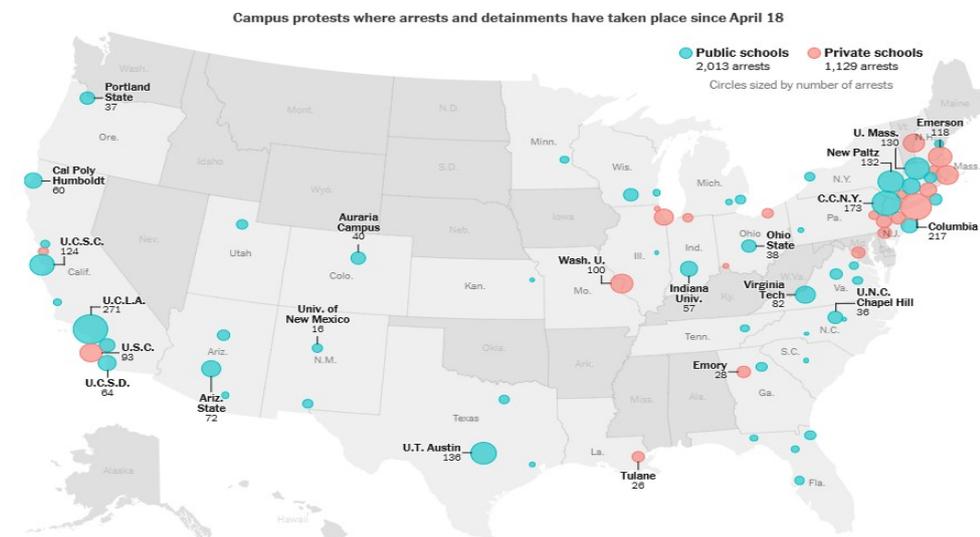

Рисунок – Карта протестов в студенческих городках США, размещенная в The New York Times [9]

Timeline as a chronicle of war (Хронология событий как хроника войны). Хронология событий, или таймлайн, – ещё один популярный элемент инфографики в новостных лентах. Они представляют собой хронологический отчёт о ключевых событиях, визуализируя ход событий и создавая

ощущение эскалации. Даже в мирных темах можно осветить противоречия и столкновения интересов, используя язык и стиль, ассоциирующиеся с военными действиями. Например, красочная инфографика “The New York Times” о тактике давления Дональда Трампа с целью отмены результатов президентских выборов 2020 года или инфографика о десятидневном хаосе в банковской сфере, который стал настоящим потрясением для американского рынка, содержат хронологию всех ключевых событий [16; 17]. Это визуальное представление создаёт ощущение политического поля битвы, где каждое событие развивается на основе предыдущего.

Color scheme as an emotional trigger (Цветовая гамма как эмоциональный триггер). Цвет – мощный инструмент визуальной коммуникации, и в новостных репортажах его можно эффективно использовать для передачи эмоций, создания ассоциаций и даже формирования общественного мнения. Когда речь заходит о важных социально-политических новостях цветовая палитра может быть использована для создания метафорического образа войны, вызывающего ощущение конфликта, борьбы или соперничества. Так, красные и чёрные цвета, как правило, выступают как цвета срочности, трагедии и утраты, а также борьбы и соперничества, тёмно-синие, серые и другие приглушённые цвета – как цвета кризиса или напряжения, жёлтый цвет – как цвет опасности или предупреждения, зелёный цвет – цвет победы, триумфа и достижений. Используя чёрный фон в своём репортаже “How Gaza’s hospitals became battlegrounds” («Как больницы Газы стали ареной боевых действий»), издание CNN создаёт ощущение мрачной и разрушительной атмосферы, подчёркивая серьёзность и важность ситуации в больницах Газы [10]. Более того, такой выбор цвета создаёт резкий контраст с яркими и живыми цветами изображений и другой графики, использованных в репортаже, привлекая внимание читателей.

Помимо инфографики мощными инструментами невербальной передачи образов войны являются графические изображения, использование типографики, пунктуации, а также особое расположение текста.

Графические изображения в форме фотографий, иллюстраций, пиктограмм или иконок, графиков, диаграмм и схем в англоязычных СМИ часто содержат концепты войны, что вызывает у читателей яркую эмоциональную реакцию и ассоциативные связи. Например, в статью об общественном движении “Black Lives Matter” журнал “The New York Times” включил изображение протестующего с решительным выражением лица и поднятым кулаком [8]. Использование такого образа создаёт ощущение силы и решительности, превращая протестующего в воина, сражающегося за социальную справедливость.

В дополнение к использованию изображений и иллюстраций образы войны также могут быть переданы через графические пиктограммы, графики, схемы и диаграммы. Так, в новостной статье об изменении климата “Little-noticed treaty could help delay climate catastrophe” («Непримечательный международный договор мог бы помочь отсрочить климатическую катастрофу») издание “The Guardian” использовало график, иллюстрирующий растущие риски, связанные с глобальным повышением температуры, выделяя при этом «красную зону», символизирующую критический пороговый уровень угрозы, и «фиолетовую зону», обозначающую повышенные риски для экосистем и человеческого существования [11]. Такие визуальные элементы метафорически ассоциируются с опасностью, вызывая у читателя представление о предстоящей угрозе, подобной военной опасности.

Очень часто, особенно в дискурсе пользовательских комментариев, наблюдается тенденция использования графических пиктограмм (иконок), в том числе ассоциирующихся с войной и битвой. Одним из наиболее заметных аспектов является использование иконок □ (шлем), ✈ (ракета)

и (бомба). Например, в комментариях к новостям об экономике или экологии пользователи могут употребить такие иконки, чтобы выразить свой протест против действий властей, что демонстрирует актуальность тематики войны на уровне личной незащищенности и страха.

Актуальные события часто вызывают бурную реакцию пользователей, которые могут использовать изображения взрывов или разрушений в форме пиктограмм в качестве метафор для описания событий, даже если они касаются совершенно разных контекстов. Однако стоит отметить, что подобные символы могут использоваться для выражения иронии или сарказма. В комментариях к новостям о природных катастрофах, таких как наводнения или землетрясения, можно встретить иконки оружия или взрыва. Например, кто-то может написать: *“As always, it is better not to fight with nature *” («Как всегда, с природой лучше не воевать»). Это указывает на глобальные масштабы проблем, с которыми сталкивается человечество, а также на безразличие политиков, создавая иронию относительно ситуации. В целом интеграция военных образов в обсуждения, касающиеся более нейтральных или даже позитивных тем, указывает на глубокую взаимосвязь между восприятием войны и повседневными событиями в коротких сообщениях. Это не только отражает настроение общества, но и подчёркивает значительную роль культурного контекста в интерпретации различных ситуаций в медиаландшафте.

В пространстве англоязычных СМИ стратегическое использование знаков препинания и компоновки текста также может внести значительный вклад в создание образов войны. Одним из примечательных примеров является использование многоточий (...) для создания ощущения неопределённости или предвкушения, напоминающего неопределённость и хаос войны. В статье “The Huffington Post” *“Portugal Is At War With Itself Over ‘White Gold’* («Португалия воюет сама с собой из-за “белого золота”») о том, как лидеры европейских государств хотят превратить забытый сельскохозяйственный регион Португалии в крупнейшее на континенте предприятие по добыче лития, автор цитирует экономиста Жуана Сережейру и использует многоточия, чтобы передать серьёзность, критичность и драматизм ситуации: *“The region is losing population year by year. If they don’t have a project that will attract more people, more employment and more families to be living there... in the next decade the municipality will probably disappear.”* («Население региона с каждым годом сокращается. Если у них не будет проекта, который привлечёт больше людей, больше рабочих мест и больше семей, которые будут там жить..., в следующем десятилетии муниципалитет, вероятно, исчезнет») [13]. В комментариях к статьям “The New York Times” о социальных протестах пользователи часто используют многоточия, чтобы подчеркнуть неопределённость и отсутствие ясности: *“I can’t believe this is happening... What are we waiting for?”* («Не могу поверить, что это происходит... Чего мы ждём?»). Такое использование многоточий может вызывать у читателей чувство беспокойства и тревожного ожидания, что часто присутствует в военных нарративах.

Одной из особенностей англоязычного медийного дискурса является использование восклицательных знаков для передачи чувства шока, возмущения или срочности. Так, в статье CNN *“The Fight Against Climate Change”* («Борьба с изменением климата») автор использует восклицательные знаки, чтобы подчеркнуть серьёзность и срочность ситуации: *“We’re running out of time to change climate! The clock is ticking!”* («У нас осталось мало времени, чтобы изменить климат! Часики тикают!») [15]. Использование восклицательных знаков вызывает чувство тревоги, отражая язык, используемый в пропаганде военного времени для мобилизации общественной поддержки.

Ещё одной распространённой чертой новостных репортажей является использование кавычек для выделения определённых терминов или фраз, подчёркивая их контекстуальную значимость или иронический оттенок, создания ощущения фрагментарности и беспорядка. Здесь мы говорим о зачастую буквальном использовании языка войны в метафорическом значении. В статье рубрики *“Opinion”* («Мнение») издания *“The Washington Post”* *“A ‘war on American energy’? So why is oil production near record highs?”* автор использует кавычки, чтобы подчеркнуть метафорический характер фразы: *“For years, Republicans have claimed that Democrats have waged a ‘war’ on fossil fuels.”* («Многие годы республиканцы утверждали, что демократы ведут «войну» с ископаемым топливом.») [4]. Это использование кавычек свидетельствует о том, что речь идёт не о полноценной войне в традиционном смысле, а о концептуальной борьбе с проблемой производства и потребления ископаемого топлива. Таким образом, кавычки создают дистанцию между реальной войной и метафорическим употреблением термина, сигнализируя читателю о том, что это выражение следует воспринимать как фигуру речи. Кроме того, такая стилистическая особенность может также подразумевать критику или оценку выбранного подхода к решению социально-экономической проблемы.

Организация текста также играет значительную роль в создании образов войны. Разделение текста на короткие или слишком длинные абзацы, использование «говорящих» заголовков, нестандартное расположение текста на странице может подчеркнуть ключевые моменты, создавая подобие «бросков информации» или «шокирующих заявлений». Так, в статьях, обсуждающих гуманитарные последствия конфликтов, часто используются короткие абзацы, важные цитаты в центре страницы и графические элементы, подчеркивающие масштабы трагедии. Для иллюстрации этого подхода можно обратиться к статье журнала *“Time”* под заголовком *“Between Life and Death in Yemen”* («Между жизнью и смертью в Йемене») [6], где применяются выравнивание текста по центру, длинные абзацы и центрирование эмоционально заряженных фотографий, чтобы акцентировать внимание читателей на ужасных условиях жизни местного населения. В данной статье используются большие разрывы между абзацами, чтобы создать визуальную отчётливую структуру, позволяющую читателям осмысливать представленный материал и осознавать трагичность истории.

Таким образом, проведённый анализ подтверждает то, что невербальные средства передачи образов войны в англоязычных СМИ не ограничиваются только текстовым наполнением, но и вовлекают читателя в контекст событий через визуальные и структурные элементы. Это обеспечивает более глубокое понимание темы и позволяет сформировать сильные метафорические образы. Креолизованный текст, в котором визуальные элементы интегрированы в вербальный дискурс, образуют многогранную сеть значений, в которой каждый шрифт или графическая пиктограмма становится не просто эстетическим выбором, но и стратегическим оружием в арсенале англоязычных медиа, формируя общественное восприятие рассматриваемой темы и её метафорической модели.

В результате данного исследования удалось выявить несколько ключевых аспектов, касающихся роли невербальных средств языка в формировании метафорических образов войны. Во-первых, визуальные элементы, такие как инфографика и пиктограммы, действуют как активные компоненты нарратива, усиливающие эмоциональное восприятие текста и способствуя созданию более убедительных образов. Во-вторых, использование специфических цветовых решений и композиционных приёмов значительно влияет на интерпретацию сообщения, где, например, холодные оттенки могут вызывать ассоциации с трагедией, а тёплые – с достижениями, успехом,

надеждой. Однако стоит отметить, что иногда авторский замысел заключается в демонстрации того, как симбиоз текстовых и визуальных компонентов служит не только целям информирования, но и манипуляции общественным мнением. За счёт такого приёма создаётся возможность либо консолидации, либо фрагментации общественного сознания.

Список источников

1. Лайкова Я. В. Инфографика в СМИ разного типа / Я. В. Лайкова // Вестник Московского государственного университета. – 2014. – № 4. – С. 41–52.
2. Окунева И. А. Особенности использования структурных компонентов креолизованных текстов в зарубежной учебной книге: моменты концептуальной инверсии / И. А. Окунева, В. В. Латун. – URL: <http://mir-nauki.com/PDF/46PDMN217.pdf>.
3. Сорокин Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – Москва : Наука, 1990.
4. A 'war on American energy'? So why is oil production near record highs? // The Washington Post. – URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/10/03/biden-fossil-fuels-republicans-energy-war-record/> (дата обращения: 20.08.2024).
5. Abercrombie D. Elements of General Phonetics / D. Abercrombie. – Edinburgh University Press, 1968. – P. 55.
6. Between Life and Death in Yemen // Time. – URL: <https://time.com/yemen-saudi-arabia-war-human-toll/> (дата обращения: 08.08.2024).
7. Birdwhistell R. L. Background to Kinesics / R. L. Birdwhistell // Institute of General Semantics. – 1955. – Vol. 13, no. 1. – P. 10–18.
8. Black Lives Matter Has Grown More Powerful, and More Divided // The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/2021/06/04/us/black-lives-matter.html> (дата обращения: 07.08.2024).
9. Campus Protests Led to More Than 3,100 Arrests, but Many Charges Have Been Dropped // The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/2024/07/21/us/campus-protests-arrests.html> (дата обращения: 06.08.2024).
10. How Gaza's hospitals became battlegrounds. – URL: <https://edition.cnn.com/interactive/2024/01/middleeast/gaza-hospitals-destruction-investigation-intl-cmd/> (дата обращения: 07.08.2024).
11. Little-noticed treaty could help delay climate catastrophe. – URL: <https://www.theguardian.com/environment/2018/oct/08/kigali-amendment-little-noticed-treaty-could-help-delay-climate-catastrophe> (дата обращения: 06.08.2024).
12. Mehrabian A. Silent messages / A. Mehrabian. – Wadsworth Publ. Company, 1971. – P. 43.
13. Portugal Is At War With Itself Over 'White Gold'. – URL: https://www.huffpost.com/entry/portugal-lithium-climate_n_664f8595e4b058247fa206f3 (дата обращения: 07.08.2024).
14. Staples L. Typography and the Screen: A Technical Chronology of Digital Typography / L. Staples. – URL: <https://doi.org/10.1162/07479360052053306>.
15. The Fight Against Climate Change. – URL: <https://edition.cnn.com/2020/01/22/weather/climate-change-fight-intl/index.html> (дата обращения: 24.07.2024).
16. Trump's Pattern of Pressure to Overturn the 2020 Election. – URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2024/01/08/us/trump-2020-overturn-timeline.html?searchResultPosition=57> (дата обращения: 06.08.2024).
17. 10 Days That Have Roiled Markets: A Timeline of the Banking Chaos. – URL: <https://www.nytimes.com/article/svb-silicon-valley-bank-collapse-timeline.html?searchResultPosition=123> (дата обращения: 06.08.2024).

References

1. Laykova Ya. V. Infographics in different types of media. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Moscow State University*. 2014;4:41–52.
2. Okuneva I. A., Latun V. V. *Osobennosti ispolzovaniya strukturnykh komponentov kreoizovannykh tekstov v zarubezhnoy uchebnoy knige: momenty kontseptualnoy inversii = Features of the use of structural components of creolized texts in a foreign textbook: moments of conceptual inversion*. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/46PDMN217.pdf>.

3. Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Creolized texts and their communicative function. *Optimizatsiya rechevogo vozdejstviya = Optimization of speech impact*. Moscow: Nauka; 1990.
4. A 'war on American energy'? So why is oil production near record highs? URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/10/03/biden-fossil-fuels-republicans-energy-war-record/> (accessed: 20.08.2024).
5. Abercrombie D. *Elements of General Phonetics*. Edinburgh University Press; 1968:55.
6. *Between Life and Death in Yemen*. URL: <https://time.com/yemen-saudi-arabia-war-human-toll/> (accessed: 20.08.2024).
7. Birdwhistell R. L. Background to Kinesics. *Institute of General Semantics*. 1955;13(1):10–18.
8. *Black Lives Matter Has Grown More Powerful, and More Divided*. URL: <https://www.nytimes.com/2021/06/04/us/black-lives-matter.html> (accessed: 20.08.2024).
9. *Campus Protests Led to More Than 3,100 Arrests, but Many Charges Have Been Dropped*. URL: <https://www.nytimes.com/2024/07/21/us/campus-protests-arrests.html> (accessed: 08.06.2024).
10. *How Gaza's hospitals became battlegrounds*. URL: <https://edition.cnn.com/interactive/2024/01/middleeast/gaza-hospitals-destruction-investigation-intl-cmd/> (accessed: 08.07.2024).
11. *Little-noticed treaty could help delay climate catastrophe*. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2018/oct/08/kigali-amendment-little-noticed-treaty-could-help-delay-climate-catastrophe> (accessed: 06.08.2024).
12. Mehrabian A. *Silent messages*. Wadsworth Publ. Company; 1971:43.
13. *Portugal Is At War With Itself Over 'White Gold'*. URL: https://www.huffpost.com/entry/portugal-lithium-climate_n_664f8595e4b058247fa206f3 (accessed: 07.08.2024).
14. Staples L. *Typography and the Screen: A Technical Chronology of Digital Typography*. URL: <https://doi.org/10.1162/07479360052053306>
15. *The Fight Against Climate Change*. URL: <https://edition.cnn.com/2020/01/22/weather/climate-change-fight-intl/index.html> (accessed: 24.07.2024).
16. *Trump's Pattern of Pressure to Overturn the 2020 Election*. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2024/01/08/us/trump-2020-overturn-timeline.html?searchResultPosition=57> (accessed: 06.08.2024).
17. *10 Days That Have Roiled Markets: A Timeline of the Banking Chaos*. URL: <https://www.nytimes.com/article/svb-silicon-valley-bank-collapse-timeline.html?searchResultPosition=123> (accessed: 06.08.2024).

Информация об авторе

Р. Р. Зубаирова – ассистент кафедры английской филологии, лингводидактики и перевода.

Information about the author

R. R. Zubairova – Assistant Professor of the Department of English Philology, Linguodidactics and Translation.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.12.2024; одобрена после рецензирования 12.01.2025; принята к публикации 16.01.2025.

The article was submitted 05.12.2024; approved after reviewing 12.01.2025; accepted for publication 16.01.2025.

Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 41–47.
Humanitarian Researches. 2025;1(93):41–47.

Научная статья
УДК 378:004

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ДИАЛЕКТА «КАНАКЕ»
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

Зубарева Наталья Павловна^{1✉}, Насилевич Яна Геннадьевна²

^{1, 2} Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

¹ nz1402@mail.ru ✉

² duftige_rose@mail.ru

Аннотация. Диалект «канаке» («канакиш») является относительно новым феноменом в немецкой лингвистике. Актуальность изучения данной темы определяется постоянным развитием «канаке», постепенной трансформацией его лингвистических характеристик, а также масштабированием его использования далеко за пределами изначальной группы носителей. Целью данной статьи является выявление и анализ основных лексических, морфологических, грамматических и синтаксических особенностей диалекта «канаке», а также специфики его фонетики и просодики. В качестве материала использовались лексические и синтаксические элементы диалекта «канаке», извлечённые из речи носителей этого диалекта, так и при изучении специализированных источников, таких как словари и справочники, а также работ современных российских и западных учёных. Диалект «канаке» представляет собой социально маркированную форму языка, датированную 90-ми годами прошлого века, объединяющую в себе грамматические правила и лексические нюансы арабского, турецкого и немецкого языков. Данный диалект служит символом обособленности от старшего поколения, отражает социальный статус и принадлежность к возрастной идентичности его носителей. Авторы указывают на то, что диалект «канаке» замедляет процесс интеграции иммигрантов в языковое пространство и выделяют характерные для данного диалекта лексические единицы, особенности построения предложений и сочетания слов между собой, а также рассматривает социокультурный контекст и этапы становления и функционирования «канаке» в современной Германии. В результате авторы приходят к выводу о значительной роли лингвистических характеристик «канаке» в создании его особой эмоционально-стилистической окрашенности и выразительности, которая выступает средством самовыражения, что оказывает значительное влияние на распространение диалекта «канаке», его использование в современном искусстве и культуре и масштабирование в социокультурном пространстве современной Германии.

Ключевые слова: немецкий язык, канаке, диалекты немецкого языка, социолект, этнолект, языковая интеграция

Для цитирования: Зубарева Н. П., Насилевич Я. Г. Лингвистическая социокультурная специфика диалекта «канаке» в современном немецком языке // Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 41–47.

Original article

LINGUISTIC SOCIO-CULTURAL SPECIFICS OF THE DIALECT KANAKE
IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE

Natalya P. Zubareva^{1✉}, Yana G. Nasilevich²

^{1,2}Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

¹ nz1402@mail.ru✉

² duftige_rose@mail.ru

Abstract. The Kanake ('Kanakisch') dialect is a relatively new phenomenon in German linguistics. The importance of studying this topic is determined by the constant development of Kanake, the gradual transformation of its linguistic characteristics, and the scaling of its use far beyond the original group of speakers. The aim of this article is to identify and analyse the main lexical, morphological, grammatical and syntactic features of Kanake, as well as the specifics of its phonetics and prosody. The material used was lexical and syntactic elements of the Kanake dialect, extracted from the speech of the speakers of this dialect, as well as from the study of specialized sources, such as dictionaries and reference books, as well as the works of modern Russian and Western researchers. The Kanake dialect is a socially marked form of language dated back to the 1990s, which combines grammatical rules and lexical nuances of Arabic, Turkish and German. This dialect serves as a symbol of separation from the older generation, reflecting the social status and age identity of its speakers. The authors point out that the Kanake dialect slows down the process of immigrants' integration into the linguistic space and identify lexical units characteristic of this dialect, peculiarities of sentence construction and word combinations among themselves, as well as consider the socio-cultural context of the formation and functioning of Kanake in modern Germany. As a consequence, the authors deduce a significant role of the linguistic characteristics of "Kaname" in creating its special emotional and stylistic coloring and expressiveness, which acts as a means of self-expressiveness, which has a significant impact on the spread of the "Kaname" dialect, its use in contemporary art and culture and scaling in the socio-cultural space of modern Germany.

Keywords: German, Kanake, dialects of the German language, sociolect, ethnolect, language integration

For citation: Zubareva N. P., Nasilevich Ya. G. Linguistic socio-cultural specifics of the dialect Kanake in the modern German language. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2025;1(93):41–47 (In Russ.).

Современный немецкий язык характеризуется наличием множества диалектов, которые существенно отличаются как по произношению, так и по лексическому составу. Наряду с исторически сложившимися региональными диалектами в немецком языке функционируют и более современные вариации, одним из ярких примеров которых является «канаке», или «канакиш» (Kanak Sprak, или Kanakisch), – своеобразный гибрид турецкого и немецкого языков. Его появление в Германии XX века обусловлено значительными миграционными процессами, в результате которых на настоящий момент во многих немецких городах проживают многочисленные турецкие диаспоры, во многом сохраняющие свою культуру, традиции и обычаи, в том числе и в сфере языка. Языковые особенности данной группы населения передаются в нескольких поколениях и демонстрируют отнюдь не безграмотность, а стремление сохранить и продемонстрировать национальные корни. Актуальность изучения диалекта «канаке» обусловлена его широким использованием в современной Германии, что актуализирует более детальное рассмотрение особенностей его функционирования с точки зрения языковых и социокультурных механизмов. Важной тенденцией использования «канаке» является расширение аудитории его пользователей. Если изначально на данном диалекте говорили преимущественно турецкие мигранты и их потомки, то сейчас его используют жители Германии с различными этническими корнями, в том числе и коренные немцы – преимущественно немецкая молодёжь

в крупных городах. Существует мнение, что именно «канак» послужил одной из основ городского социолекта «Kiezdeutsch» – молодёжного сленга, который находит проявление не только в разговорной речи городских подростков, но и в музыке, юморе, на телевидении, в современных фильмах и т. д. Таким образом, цель данной работы заключается в изучении и анализе лингвистических и социокультурных особенностей диалекта «канак» в современной Германии.

Данное исследование основано на анализе фраз и отдельных лексических единиц турецко-немецкого диалекта «канак», использованных в реальных коммуникативных ситуациях, а также на анализе примеров использования «канак», выявленных современными российскими и зарубежными исследователями. Обобщение и типологизация выявленных лексических единиц, грамматических явлений и ритмических особенностей позволяет сделать выводы о лексических, морфологических, синтаксических и фонетических элементах специфики диалекта «канак», а использование исторического и диалектического методов в рамках междисциплинарного подхода позволяет выявить и обосновать динамику возникновения и развития этого социолингвистического феномена.

С социокультурной точки зрения, «канак» имеет определённую специфику. Прежде всего, это не диалект в чистом виде, а скорее социолект, поскольку его распространение мало связано с географическими зонами использования, а больше обусловлено тенденциями трансформации разговорной речи городской молодёжи. Если изначально это был язык турецких мигрантов (именно поэтому его изначальное название – *Türkendeutsch* или *Türkenslang*), то с течением времени «канак» стал широко популярен среди разнообразных этнических групп, населяющих современную Германию. Ряд исследователей считает, что данный языковой феномен является «результатом неполной языковой интеграции мигрантов» [1, с. 293]. Однако И. В. Кирилина отмечает, что в условиях, когда всё население Германии имеет возможность изучать стандартный немецкий язык, диалект «канак» «осознанно выбирается сознательно как уникальный сленг для формирования групповой идентичности, включающей также этнический аспект [2, с. 39]. «Канак» стал своеобразным мостом, а также следствием активного процесса интеграции восточных мигрантов в немецкое общество. Типологическая характеристика диалекта «канак» вызывает дискуссии в среде исследователей. Современные исследователи называют «канак» этнолектом (И. Дирим и П. Ауэр [7], Н. И. Мокрова и И. В. Сенина [3]), мультиэтнолектом (Я. Андруцопулос [6]), этносоциолектом (А. В. Пономарёва и Т. А. Бридко [4]). Немецкий исследователь П. Кнутерс называет использование диалекта «канак» «маркером социокультурной идентичности» [10, с. 9], поскольку основным мотивом использования данного варианта немецкого языка является самоидентификация говорящего, его указание на собственную принадлежность к определённой этнической и / или социальной группе. Исследователи отмечают специфическую коммуникативную и социокультурную функции «канак», в котором нарушения традиционных национальных языковых норм имеют символическое значение и выступают как результат миграционных процессов в современной Европе [8, с. 65]. С течением времени «канак» выступал как «креативное средство языка, маркер, подчёркивающий идентичность его носителей и служащее средством самоидентификации» [3, с. 38], а также выступает как средство выразительности в художественных текстах, придавая речи литературных или кинематографических персонажей определённую стилистическую окраску. При этом развитие «канак» прошло первичный, вторичный и третичный этапы, которые характеризуются заимствованием исходных особенностей диалекта в сферу искусства и СМИ, где он некоторым образом трансформировался и стилизовался, и далее в обновлённой форме

вернулся к исходным носителям. При этом освоение «канаке» этническими немцами происходит двумя способами: непосредственно в ходе общения с этническими группами, породившими данный диалект, а также в форме цитирования элементов «канаке», использующихся в современных СМИ, на телевидении, в интернет-роликах, выступлениях жанра «стенд-ап», музыке жанра рэп и т. д. Таким образом, в контексте маталингвистического дискурса диалект «канаке» является ярким примером тесной взаимосвязи между языком и принадлежностью – социальной, этнической, религиозной, культурной. Возникновение и развитие «канаке» на протяжении последних пятидесяти лет наглядно демонстрирует влияние экстралингвистических факторов на возникновение и развитие новых лингвистических явлений, приобретающих в современном социуме массовый характер.

Основными лингвистическими особенностями диалекта «канаке» выступают: особенности лексического состава, морфологической сферы, фонетики и синтаксиса. С точки зрения лексических особенностей, «канаке» использует ряд специфических лексических единиц (около трёхсот), многие из которых заимствованы из турецкого либо арабского языков, либо образованы по подобию лексики, типичной для данных языков. Характерным примером является слово «wallah» (Аллах), которое используется не только как существительное в своём прямом значении, но и как междометие для выражения повышенной эмоциональности речи. При сохранении исходного произношения такие заимствования встраиваются в грамматическую структуру немецкого языка и функционируют в соответствии с его правилами и нормами.

Ещё одной особенностью «канаке» выступает модификация изначально существовавшей в немецком языке лексики в соответствии с особенностями, присущими турецкому языку. Например, это выражается в удвоении согласных, а также добавлении согласных звуков «n» и «h» в таких словах, как «Dokthern» (der Doktor – врач), «Omma» (die Oma – бабушка), «Oppa» (der Opa – дедушка), «Mutthern» (die Mutter – мать), «Vatthern» (der Vater – отец), «Brudern» (der Bruder – брат), «Schwestern» (die Schwestwer – сестра). Многие слова, используемые в «канаке», имеют «диалектальные составляющие, например, северогерманские слова и выражения» [2, с. 41].

Отечественный лингвист А. Юрковская выделяет ещё одну группу лексики, специфичной для «канаке», – это особые слова для обозначения людей (в том числе названия профессий, социальных ролей и статусов внутри семей). Исследователь А. Юрковская анализирует такие лексические варианты как «Tussi» (девушка), «Tur» или «Lan» (парень, молодой человек), «Kumpeln» (друг, приятель), «Nutte» (близкий друг), «Scratchhern» (диджей), «Wixer» (водитель автобуса либо кондуктор), «Penner» (бедняк), «Bonzem» (состоятельный человек). Интересной особенностью выступает использование в нейтральном или даже положительном контексте тех лексических единиц, которые в стандартном немецком языке имеют негативную коннотацию. Например, «Balg» (ребёнок) обычно воспринимается как «капризный, невоспитанный ребёнок», а «Ratte» (товарищ, друг) обычно переводится как «крыса» или же означает неприятного человека. Однако в «канаке» коннотативная окраска этих лексических единиц меняется на противоположную. А. В. Пономарёва и Т. В. Бридко приводят целый ряд примеров негативно окрашенной лексики «канаке», обозначающей чаще всего мужчин: «Hurensohn», «Spast», «Arschnloch», «Arschn», «Vollarschn», «Vollspast», «Missgeburt» [4, с. 153]. Эти названия используются для того, что маркировать лиц, имеющих социально порицаемое поведение, в том числе в контексте интернет-коммуникации. Таким образом, можно увидеть, что большая часть специфической лексики «канаке» носит эмоционально окрашенный характер, определяет для носителей диалекта систему социальных связей и отношений, характерных для данной социальной группы.

Грамматические и морфологические особенности «канаке» во многом обусловлены не только тенденцией к упрощению изначальной грамматической структуры литературного немецкого языка, но и специфическими особенностями турецкого языка, в частности отсутствием в нём артиклей и предлогов. С этим связано опущение значительной части предлогов, в особенности относящихся к местоположению объектов, например: Ich werde dritter Juni vierzehn (Ich werde am dritten Juni vierzehn Jahre alt); unten Bebelplatz (unten Bebelplatz); wenn wird sie überhaupt auf Hochzeit sein (Wann wird sie überhaupt auf der Hochzeit sein?); will er Dienstag zur Kankenhaus (Will er am Dienstag ins Krankenhaus gehen?); Ich bin Frankreich (Ich bin in Frankreich); Ich geh Schule (Ich gehe in die Schule); Wir sind Görlitzer Park (Wir sind im Görlitzer Park); Heute fahre ich Kino (Heute gehe ich ins Kino).

Иногда могут использоваться предлоги, не соответствующие синтаксической структуре предложения. Также наблюдается опущение определённых и неопределённых артиклей при использовании «канаке», либо замена любых артиклей на артикль мужского рода (таким образом, изменяется род имён существительных, даже тех, которые означают лиц женского пола). Например: Gehst du heute auch Viltoriapark? (Gehst du heute auch zum Viltoriapark?); Hat sie Problem? es gibt so Kumpel; sonst bist du toter Mann; bist du auf linke Seite gegangen; Mach Fenster zu; Schlag mir etwas vor; Halt den Mund. Для «канаке» свойственны краткие, усечённые предложения типа «Ich geh Spital», что делает его звучание более отрывистым и чётким.

Для «канаке» характерно опущение большого количества окончаний, особенно глагольных (например, «hab» вместо «habe», «geh» вместо «gehe» и т. д.), а также опущение подлежащего, особенно выраженного личными местоимениями или безличным местоимением «es». Кроме того, устойчивые и часто встречающиеся сочетания слов могут сливаться в единое целое, как это произошло со словами «musstu» (musst du) и «lassma» (lass uns mal). В вопросительных словосочетаниях часто происходит не только слияние слов, но и изменение окончания на «tu» или «su» (например, «Machs?» вместо «Machst du?»; «Machstu rote Ampel?» вместо «Machst du bei einer roten Ampel halt?»; «Spielstu mit?» вместо «Spielst du mit?»).

Возможно использование дательного падежа (Dativ) в нетипичных ситуациях. Часто наблюдается нарушение стандартного порядка слов в предложениях, в частности вынос прямого дополнения в позицию после сказуемого [5], а также нарушение правил согласования слов в предложениях. Специфичным является использование частицы «so» преимущественно в конце фразы. Все эти особенности делают «канаке» достаточно специфичным, умышленно упрощённым, однако при этом ярким и выразительным, что приводит к его использованию и коренными немцами в качестве «средства выражения собственного стиля» [3, с. 42].

Фонетические особенности «канаке» включают в себя ряд характерных черт, а именно:

- редуцирование долгих гласных или краткость их произнесения;
- согласные звуки произносятся твёрдо, то есть без подъёма спинки языка к небу;
- произнесение звука [ts] как [s] (например, zwölf >swölf; zählen >sählen);
- специфическая артикуляция глухих нёбных фрикативов [ç] в [j] (например, mich > mîsch, sich > sisch). Кроме этого, некоторые лингвисты выделяют отсутствие вокализации в звуке [r] [3, с. 40]. Существуют также исследования, посвящённые просодическим и ритмическим характеристикам «канаке». Так, на основе слухового просодического анализа и акустико-фонетического анализа Ф. Керн из Билефельдского университета (ФРГ) делает выводы о специфическом ритмическом паттерне «канаке», который можно охарактеризовать как «удары молотком» или «топанье речи» [9, с. 210]. По мнению

указанного исследователя, для «канаке» характерны склонность говорить по слогам и повышенная ритмичность. Отмеченную многими исследователями тенденцию к сокращению длительности произнесения гласных звуков можно объяснить именно стремлением к усилению ритмичности речи.

Сосуществование и тесное взаимодействие немецкого и турецкого языков привело к возникновению нового лингвистического и социокультурного феномена «канаке», характерной чертой которого стало использование нового диалекта не только мигрантами, но и коренными носителями немецкого языка, превратив его в вариант сленга немецкой молодёжи независимо от этнической, культурной или религиозной принадлежности. «Канаке» характеризуется специфическими грамматическими, морфологическими, синтаксическими и фонетическими особенностями, ему присуща особая ритмика и просодика, что делает его звучание узнаваемым, экспрессивным и эмоционально-окрашенным, иногда даже агрессивным. В современном немецком языке диалект «канаке» проходит сложные процессы развития и интериоризации, что связано с его распространением и масштабированием посредством современной литературы, музыки, стендапа, кинематографии и СМИ, что сохраняет актуальность дальнейшего изучения «канаке» и его взаимодействия с общепринятым вариантом немецкого языка.

Список источников

1. Загуменкина В. С. Место киддойч в рамках литературного немецкого языка / В. С. Загуменкина, Е. В. Белецкая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. – 2022. – Т. 22, № 3. – С. 293–300.
2. Кирилина А. В. Контакт языков в немецком языковом пространстве / А. В. Кирилина // Вестник Московского института лингвистики. – 2011. – № 2. – С. 36–45.
3. Мокрова Н. И. Энолект немецкого языка и его модификации / Н. И. Мокрова, И. В. Сенина // Гуманитарные исследования. – 2021. – № 79. – С. 38–43.
4. Пономарёва А. В. Лексико-семантические особенности этносоциолекта «Канакиш» / А. В. Пономарёва, Т. В. Бридко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10–3 (76). – С. 152–154.
5. Androutsopoulos J. Ethnolekt im Diskurs: Geschichte und Verfahren der Registrierung ethnisch geprägter Sprechweisen in Deutschland / J. Androutsopoulos. – Handbuch Sprache im Urteil der Öffentlichkeit, 2019. – S. 353–382.
6. Dirim Inci. Türkisch sprechen nicht nur die Türken. Über die Unschärfebeziehung zwischen Sprache und Ethnie in Deutschland / Inci Dirim, Peter Auer. – Berlin – New York : de Gruyter, 2004. – S. 35.
7. Frank Magnus. "bei dir läuft" – Sprachliche Kombinationsformen, Hybridisierungen und Neukreationen in der Migrationsgesellschaft / Frank Magnus, Büttner Denise // Migrationspädagogische Zweitsprachdidaktik. – 2022. – № 1. – S. 64–84.
8. Kern F. Rhythmus im Türkendeutschen / F. Kern // Linguistische Berichte. – 2011. – № 1. – S. 207–229.
9. Knuters P. Zur medialen Inszenierung von Türkendeutsch / P. Knuters. – 2018. – 43 p.

References

1. Zagumenkina V. S., Beletskaya E. V. The Place of Kitsdeutsch within the Framework of Literary German. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaia seriya. Seriya "Filologiya. Zhurnalistika" = Bulletin of Saratov University. New Series. Series "Philology. Journalism"*. 2022;22(3):293–300.
2. Kirilina A. V. Language Contact in the German Language Space. *Vestnik Moskovskogo instituta lingvistiki = Bulletin of the Moscow Institute of Linguistics*. 2011;2: 36–45.
3. Mokrova N. I., Senina I. V. Enolect of the German Language and Its Modifications. *Gumanitarnye issledovaniya = Humanitarian Studies*. 2021;79:38–43.
4. Ponomareva A. V., Bridko T. V. Lexical and semantic features of the ethnosociolect "Kanakish". *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2017;10–3 (76):152–154.

5. Androutsopoulos J. *Ethnolect in Discourse: History and Procedures for Registering Ethnically Influenced Speech in Germany*. Handbook of Language in Public Opinion; 2019: 353–382.
6. Dirim Inci, Auer Peter. *It's not only the Turks who speak Turkish. On the Blurred Relationship between Language and Ethnicity in Germany*. Berlin / New York: de Gruyter; 2004:35.
7. Frank Magnus, Buettner Denise. “bei dir laueuft” – Linguistic Combination Forms, Hybridizations, and New Creations in a Migration Society. *Migration Pedagogical Second Language Didactics*. №1. 2022: 64-84.
8. Kern Friederike. Rhythm in Turkish-German. *Linguistic Reports*. 2011;1:207–229.
9. Knuters P. *On the media presentation of Turkish German*. 2018:43.

Информация об авторах

Н. П. Зубарева – старший преподаватель, доцент;
Я. Г. Насилевич – кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the authors

Zubareva N. P. – Senior lecturer, Associate Professor;
Nasilevich Ya. G. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.12.2024; одобрена после рецензирования 12.01.2025; принята к публикации 16.01.2025.

The article was submitted 07.12.2024; approved after reviewing 12.01.2025; accepted for publication 16.01.2025.

Научная статья
УДК 81

**ИНФИНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИРРЕАЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК**

Сейед Хасан Захраи^{1✉}, Махдие Гасеми²

^{1, 2} Тегеранский университет, Тегеран, Иран

¹ hzahraee@ut.ac.ir✉

² Mahdiehghasemi72@gmail.com

Аннотация. Категория ирреальности является одной из наиболее дискуссионных тем в лингвистике. Ученые имеют разные взгляды о её определении и границах. В русском языке существуют разные лексические и грамматические средства для выражения этой категории. Одним из средств выражения ирреальности в русском языке являются инфинитивные предложения с частицы «бы». В этой статье исследуются инфинитивные конструкции, выражающие категорию ирреальности в русском языке, а также их эквиваленты в персидском языке. Основное внимание уделяется грамматические и семантические особенности русских инфинитивных предложений с частицей «бы», а также лексико-грамматические средства, используемые для их перевода на персидский язык. Рассматриваются модальные значения, такие как желательность, целесообразность, опасение, и предостережение, а также анализируются способы их передачи на персидский язык. Проведённое исследование выявляет ключевые различия и сходства в грамматических системах русского и персидского языков, подчёркивая их культурную и семантическую специфику. Результаты работы имеют большую значимость для типологической лингвистики, перевода и преподавания русского и персидского языков. Данная работа позволяет углубить понимание методов передачи гипотетических и условных ситуаций в языке, повышает точность и качество переводов между русским и персидским языками в обоих направлениях, а также помогает снизить вероятность ошибок при работе с такими конструкциями. Кроме того, полученные данные выявляют культурные и ментальные различия между носителями этих языков, демонстрируя взаимозависимость языковых структур и особенностей мышления.

Ключевые слова: ирреальность; модальность; инфинитивные предложения; инфинитив; русский язык; персидский язык

Для цитирования: Захраи С. Х., Гасеми М. Инфинитивные предложения, выражающие ирреальности в русском языке и способы их перевода в персидском языке // Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 48–54.

Original article

**INFINITIVE SENTENCES EXPRESSING IRREALITIES
IN RUSSIAN AND WAYS OF THEIR TRANSLATION IN PERSIAN**

S. H. Zahraee^{1✉}, M. Ghasemi²

^{1, 2} University of Tehran, Tehran, Iran

¹ hzahraee@ut.ac.ir✉

² Mahdiehghasemi72@gmail.com

Abstract. The category of irrealty is one of the most controversial topics in linguistics. Scientists have different views on its definition and boundaries. In Russian, there are different lexical and grammatical means for expressing this category. One of the means of expressing irrealty in Russian is infinitive sentences with the particle бы. This article examines infinitive constructions expressing the category of irrealty in Russian and their

Persian equivalents. The primary focus lies in analyzing the grammatical and semantic features of Russian infinitive sentences containing the particle *бы*, along with the lexicogrammatical means employed in their translation into Persian. The study explores modal meanings such as desirability, advisability, fear/caution, and analyzes methods for conveying these nuances in Persian. The research reveals key differences and similarities within the grammatical systems of Russian and Persian, emphasizing their cultural and semantic specificity. The findings hold significant implications for typological linguistics, translation studies, and the teaching of Russian and Persian. This work deepens our understanding of conveying hypothetical and conditional situations across languages, enhances translation accuracy and quality between Russian and Persian in both directions, and reduces error potential when handling such constructions. Furthermore, the results highlight cultural and mental differences between native speakers of these languages, demonstrating the interdependence between linguistic structures and thought patterns.

Keywords: unreality; modality; infinitive sentences; infinitive; Russian language; Persian language

For citation: Zahraee S. H., Ghasemi M. Infinitive sentences expressing irrealities in Russian and ways of their translation in Persian. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2025;1(93):48–54 (In Russ.).

Категория ирреальности остается одной из наиболее дискуссионных тем в лингвистике. Несмотря на многочисленные исследования, её определение и границы до сих пор вызывают споры среди учёных. Некоторые исследователи рассматривают ирреальность как часть модальности, другие выделяют её в самостоятельную категорию, а третьи вовсе отрицают её универсальную значимость. В русском языке ирреальность выражается с помощью различных грамматических и лексических средств, среди которых особое место занимают инфинитивные предложения с частицей «*бы*». Эти конструкции позволяют передавать гипотетические, желательные или предостерегающие ситуации, которые не относятся к реальному миру.

В данной статье рассматриваются инфинитивные предложения, выражающие ирреальности в русском языке и способы их перевода на персидский язык:

1) определение и анализ грамматических и синтаксических особенностей инфинитивных предложений, выражающих категории ирреальности в русском языке, и их эквивалентов в персидском языке;

2) представление способов перевода этих структур с русского языка на персидский и наоборот для уменьшения числа ошибок при переводе этих конструкций [4].

Следует обратить внимание на актуальность данной темы с нескольких сторон:

– сравнение инфинитивных конструкций, выражающих ирреальности в русском и персидском языках помогает глубже понять их грамматические, семантические и синтаксические особенности;

– возможность облегчения процесса обучения для носителей одного языка, изучающих другой;

– точное понимание таких конструкций важно для адекватного перевода художественных и специализированных текстов;

– упрощение анализа литературных произведений на обоих языках;

– раскрытие культурных различий и особенности мышления народов.

В персидском языке отсутствуют прямые аналоги русских инфинитивных предложений, что создаёт трудности при переводе. Для передачи ирреальных значений в персидском языке используются другие грамматические и лексические средства, такие как модальные глаголы, частицы и синтаксические конструкции. Сравнительный анализ этих средств позволяет не только глубже понять особенности двух языков, но и разработать эффективные стратегии перевода.

Цель данной статьи – выявить грамматические и семантические особенности русских инфинитивных предложений, выражающих ирреальность, и предложить способы их перевода на персидский язык. Особое внимание уделяется модальным значениям, таким как **желательность**, **целесообразность**, **опасение и предостережение**, а также их передаче в персидском языке. Результаты исследования могут быть полезны для лингвистов, переводчиков, преподавателей и студентов, изучающих русский и персидский языки.

Ирреальность представляет собой не только особую семантическую сферу, но и уникальную грамматическую категорию, формально выражаемую в глагольных системах различных языков. Её природа отличается повышенной сложностью и специфичностью по сравнению с другими грамматическими категориями, что затрудняет её точное типологическое описание, однако не исключает необходимости такого анализа.

Значения ирреальности можно разделить на три группы:

1) значения, всегда интерпретируемые как грамматически ирреальные (например, контрафактические);

2) значения, иногда маркируемые как ирреальные (например, отрицание и хабитуальность);

3) значения, которые с равной вероятностью могут трактоваться как реальные или ирреальные, включая различные типы императива и прохибитива [3, с. 17].

Категория ирреальности занимает особое место в лингвистике благодаря своей сложности и многогранности. В отличие от других грамматических категорий, ирреальность не имеет чётких границ и часто определяется через отрицание – как то, что не относится к реальному миру. В словаре лингвистических терминов Т. В. Жеребило ирреальность определяется как «несоответствие действительности, представление высказывания как желаемого, требуемого или предполагаемого говорящим» [1]. Это определение подчёркивает субъективный характер ирреальности, которая отражает не реальные события, а мысли, желания или гипотезы говорящего.

В русском языке ирреальность выражается с помощью различных средств, включая сослагательное и повелительное наклонения, модальные слова, частицы, интонацию и инфинитивные предложения. Последние представляют особый интерес, так как они позволяют передавать действия, не связанные с конкретным деятелем, и выражать потенциальные, желательные или гипотетические ситуации. Например, предложение «*Мне бы уснуть*» выражает желание, которое не реализовано в реальности.

Инфинитивные предложения в русском языке представляют собой особый тип односоставных предложений, где главный член выражен инфинитивом. Эти предложения характеризуются отсутствием конкретного деятеля и вневременным характером действия. В отличие от безличных предложений, которые описывают процессы, развивающиеся во времени, инфинитивные предложения акцентируют внимание на потенциальности действия – его возможности, желательности или неизбежности.

В состав инфинитивных предложений могут входить различные элементы, такие как: *лишь, только, если, хоть, вот* и т. п., но данная работа рассматривает только инфинитивные ирреальные предложения с частицей «*бы*».

Инфинитивные предложения могут иметь две основные структуры:

1. Полнозначный инфинитив, например: «*Молодости не воротить*».

2. Сочетание инфинитива с глаголом-связкой и именной частью, например: «*Не всем казакам в атаманах быть*».

Особенностью инфинитивных предложений является их способность выражать модальные значения без использования форм наклонения. Например,

сочетание инфинитива с частицей «бы» передаёт ирреальность, а отсутствие этой частицы указывает на реальность действия. В предложениях с частицей «бы» могут выражаться такие значения, как желательность, целесообразность, опасение и предостережение.

В инфинитивных предложениях, в состав которых входит инфинитив с частицей «бы» выражаются модальные значения **желательности, целесообразности, опасения и предостережения** [2, с. 695].

Как уже отмечалось ранее, в русском языке одним из способов выражения ирреальности служат инфинитивные предложения, включающие инфинитив в сочетании с частицей «бы». Однако в персидском языке отсутствует аналогичная структура «инфинитивных предложений» для передачи ирреальных значений. В связи с этим при переводе таких конструкций на персидский язык необходимо использовать иные лексико-грамматические средства. В частности, для передачи значений, выражаемых русскими инфинитивными предложениями с частицей «бы», в персидском языке применяются спрягаемые формы глаголов, модальные слова и частицы.

Инфинитивные предложения с частицей «бы», выражающие значение «желательности», также называются сослагательными инфинитивами. Данные конструкции в первую очередь передают желание говорящего совершить определенное действие или выражают пожелание, чтобы действие было выполнено другим лицом. В русском языке такие значения чаще всего выражаются с помощью глаголов совершенного вида, обязательным элементом которых является частица «бы».

Примеры и их анализ по категории желательности:

1) Ну, мне бы уснуть, устал я в дороге (М. Горький).

دلَم میخواست بخوابم، در راه خسته شدم.

2) – Что это такое? – Это... понимаете... как бы вам объяснить... (Ю. М. Поляков. Замыслил я побег).

- این چیه دیگه؟ - این ... می دانید .... چطور برایتان توضیح دهم....

3) Мне бы поговорить с вами, Дмитрий Юрьевич (Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости – 2003).

دیمیتری یوریویچ، باید با شما صحبت کنم.

Проанализировав примеры по категории желательности, придём к выводу, что инфинитивные предложения с частицей «бы», выражающие значения желательности в русском языке соответствуют личным и безличным предложениям в персидском языке. Средствами выражения значения желательности в персидском языке являются:

1) модальный глагол خواستن (khashtan) в сочетании с формой аориста глагола (см. примеры 1);

2) модальное слово باید (bayad) (см. примеры 3);

3) форма аориста глагола (см. пример 2).

Инфинитивные предложения с частицей «бы», выражающие значения «целесообразности»: такие конструкции выражают значения желания-допущения и одобрения, просьбы и совета, позитивного утверждения. Иногда значение желания допущения и одобрения выражается с помощью частицы «пусть бы», «пускай бы», значение желания просьбы и совета – с помощью частицы «бы», и значение желания позитивного утверждения – с помощью частиц «бы», «пусть бы», «вот бы», «хорошо бы», «хорошо бы чтобы», «хорошо бы если бы» [5, с. 108].

Примеры и их анализ по категории целесообразности:

1) Вам бы гуманитарные науки преподавать, а не стрелять из пушек (К. Паустовский).

بهتر است شما مباحث علوم انسانی را تدریس کنید، نه تیراندازی با سلاح را.

2) Не миновать бы ему тюрьмы, но помогли родственники.

او می بایست به زندان می رفت ، اما اقوام کمکش کردند.

3) *Ей бы пожалеть дочку, приголубить, а она – криком да кулаком* (И. Грекова. Перелом).

کاش به دخترش رحم کند، او را در آغوش بگیرد، اما او فقط داد می زند و فریاد می کشد و کتک کاری راه می اندازد.

4) *Мне кажется, они могли бы унести и всю Волгу, если бы их выстроили вдоль берегов, а ее разлить по ковшам* (С. Алешин. Встречи на грешной земле).

بنظرم اگر آنها در امتداد سواحل ولگا به صف شوند و نفری یک قابلمه به آنها بدهند، شاید بتوانند کل رود ولگا را جا به جا کنند.

5) *Перекрасить бы его из красного в какой-нибудь подходящий цвет – любой сталкер за такой костюм пятьсот монет отвалит...* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Пикник на обочине – 1971).

اگر فقط بتوانم رنگش را از قرمز به رنگ مناسب دیگری تغییر بدهم، هر شکارچی ای برای چنین لباسی پانصد سکه می دهد.

Проведя анализ примеров, связанных с категорией целесообразности, можно заключить, что в русском языке независимый инфинитив выступает в роли главного члена предложения, тогда как в персидском языке он, как правило, не способен выполнять функцию самостоятельного сказуемого. Для передачи значений целесообразности в персидском языке используются следующие лексико-грамматические средства:

1) модальное слово بهتر (behtar) в сочетании с глаголом-связкой است (ast) и аористной формой глагола (см. пример 1);

2) модальные слова باید (bayad) или می بایست (mibayest) в сочетании с имперфектной формой глагола (см. пример 2);

3) модальный глагол توانستن (tavanestan) в сочетании с аористной формой глагола (см. пример 5);

4) аористная форма глагола с союзом اگر (agar) (см. пример 4);

5) частица کاش (kash) в сочетании с аористной формой глагола (см. пример 3).

Таким образом, в персидском языке для выражения целесообразности применяются разнообразные синтаксические и морфологические средства, что подчеркивает структурные различия между русским и персидским языками в реализации данной категории.

Инфинитивные предложения с частицей «бы», выражающие значения «опасения и предостережения»: такие предложения выражают значение отрицания желаемости, волнения или опасения говорящего, чтобы не произошло нечто нежелательное. Частицы «не ... бы», как бы не тоже употребляются в структуре инфинитивных предложений, выражающих опасения: «*Дождик бы не пошёл*» [5, с. 107]. Для образования инфинитивных предложений, выражающих предостережения и опасения применяется глагол совершенного вида с частицами «не» и «бы». Кроме того, такие предложения с частицей «как» тоже указывают на значение опасения.

Примеры и их анализ по категории опасения и предостережения:

1) «*Как бы нам в яму не угодить*», – *сказал старик* (А. Толстой).

پیرمرد گفت: «مبادا در چاله بافتیم».

2) *Поберегись, Костя, не простой сон, не обжечься бы тебе!* (Л. Карелин. Головокружение. 1971).

مراقب خودت باش کوستیا، این یک رویای ساده نیست، مبادا خودت را بسوزانی.

3) *Я думал, что я умру от старости, но боюсь, как бы мне не умереть от смеха* (М. Козаков. Актерская книга. 1978–1995).

فکر می کردم از پیری بمیرم، اما حالا می ترسم، مبادا از خنده منفجر شوم.

Проанализировав примеры по этой категории, приходим к выводу, что для перевода русских инфинитивных предложений, выражающих значения опасения и предостережения в персидском языке, употребляется наречие مبادا (mabada) в сочетании с формой аориста глагола.

В представленной статье авторы приводят примеры и их анализ, на основании которого делают вывод о том, что инфинитивные предложения, выражающие категорию ирреальности в русском языке, представляют собой сложный и многогранный лингвистический феномен. Формальная реализация таких предложений осуществляется посредством разнообразных грамматических конструкций, среди которых центральное место занимает инфинитив в сочетании с частицей «бы». Однако в персидском языке отсутствует аналогичная структура, что обуславливает необходимость использования иных лексико-грамматических средств для передачи схожих значений. К таким средствам относятся спрягаемые формы глаголов, модальные слова и специфические синтаксические конструкции.

Таким образом, авторы подчёркивают различия в грамматической организации ирреальных значений в русском и персидском языках, что требует применения различных стратегий при переводе и сопоставительном анализе.

В персидском языке отсутствуют прямые аналоги русских инфинитивных предложений, что требует использования других грамматических и лексических средств для передачи ирреальных значений. Например, для перевода предложений с частицей «бы», выражающих желательность, используются модальные глаголы (например, «خواستن» – хотеть) или модальные слова (например, «باید» – должен). Для передачи целесообразности применяются конструкции с частицей «کاش» («если бы») или союзом «اگر» («если»). Значения опасения и предостережения часто передаются с помощью наречия «مبادا» («чтобы не»).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что инфинитивные предложения с частицей «бы» играют важную роль в выражении ирреальности в русском языке. Их грамматические и семантические особенности требуют использования различных средств при переводе на персидский язык, таких как модальные глаголы, частицы и синтаксические конструкции. Результаты исследования имеют практическое значение для переводчиков и преподавателей, а также способствуют более глубокому пониманию культурных и когнитивных различий между носителями русского и персидского языков.

Список источников

1. Жеребило Т. В. Термины и понятия лингвистики: Синтаксис / Т. В. Жеребило. – Назрань : Пилигрим, 2011.
2. Касаткин Л. Л. Русский язык / Л. Л. Касаткин. – Москва : Академия, 2011. – 782 с.
3. Ландер Ю. А. Исследования по теории грамматики: ирреалис и ирреальность / Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. – Москва : Гнозис, 2004. – 475 с.
4. Хоссейни А. Инфинитивные предложения со значением субъективной предопределенности в русском языке в зеркале персидского языка / А. Хоссейни, Х. Вализадэх // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 9. – С. 57–61.
5. Шведова Н. Ю. Русская грамматика / Н. Ю. Шведова. – Москва : Наука, 1980. – Т. 2: Синтаксис. – 717 с.

References

1. Zherebilo T. V. *Terminy i ponyatiya lingvistiki: Sintaksis = Terms and concepts of linguistics: Syntax*. Nazran: Pilgrim; 2011.
2. Kasatkin L. L. *Russkiy yazyk = Russian language*. Moscow: Academy; 2011: 782 p.
3. Lander Yu. A., Plungyan V. A., Urmanchieva A. Yu. *Issledovaniya po teorii grammatiki: irrealis i irrealnost = Research in the theory of grammar: irrealis and irreality*. Moscow: Gnosis; 2004:475 p.
4. Hosseini Amir, Valizadehk Khadijakh. Infinitive sentences with the meaning of subjective predetermination in the Russian language in the mirror of the Persian language. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2015;9:57–61.

5. Shvedova N. Yu. *Russkaya gramatika = Russian grammar*. Moscow: Nauka; 1980:717 p.

Информация об авторах

С. Х. Захраи – кандидат филологических наук;
М. Гасеми – аспирант.

Information about the authors

S. H. Zahraee – Candidate of Philological Sciences;
M. Ghasemi – postgraduate student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2025; одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 16.03.2025.

The article was submitted 15.02.2025; approved after reviewing 12.03.2025; accepted for publication 16.03.2025.

Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 55–62.
Humanitarian Researches. 2025;1(93):55–62.

Научная статья
УДК 811.161.1

**К ПОНЯТИЮ «ГЕНДЕР» В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ:
ОСОБЕННОСТИ И ТРУДНОСТИ**

Севиндж Мехтиханлы^{1✉}, Шахрам Набати²

^{1, 2} Гилянский университет, г. Решт, Иран

¹ smehdikhanli@guilan.ac.ir✉, <http://orcid.org/0000-0002-3581-3760>

² shnabati@guilan.ac.ir, <http://orcid.org/0000-0003-4298-0054>

Аннотация. Изучение языковых аспектов, в которых выражается пол человека, в последнее время приобретает всё большую актуальность. В центре таких исследований находится понятие «гендер». В отличие от грамматической категории рода, «гендер» является социокультурным понятием. Ввиду того, что исследования в этой области являются относительно новыми, данное направление очень привлекает лингвистов. Одной из главных причин изучения особенностей гендера является наличие языков, в данном случае персидского языка, в которых отсутствует категория грамматического рода и в тексте понятие семантический пол передаётся различными способами. Осуществление адекватного перевода текстов с гендерной составляющей с русского языка на персидский также является одной из важных причин изучения понятия «гендер», так как подробное рассмотрение особенностей перевода позволяет сохранять особенности гендерных аспектов текста при переводе. Особенно актуален данный вопрос при художественном переводе, так как от правильной передачи гендерно-маркированной лексики, имеющей важную смысловую и ключевую роль, зависит правильное восприятие читателем текста. Актуальность работы также заключается в недостаточной разработанности данной темы в области понятия гендера в персидском языке. В данной работе были использованы описательный и сопоставительный методы. Результаты и научный материал данной статьи могут служить дополнительным материалом на занятиях по РКИ, полезен для переводчиков и может способствовать расширению и углублению знаний в данной области. Более детальное изучение данного вопроса, являющегося особенно актуальным для сопоставительных исследований разноструктурных языков, будет представлено в следующих наших работах.

Ключевые слова: гендер, категория рода, семантический пол, гендерно-маркированная лексика, персидский язык, русский язык

Для цитирования: Мехтиханлы С., Набати Ш. К вопросу понятия «гендер» в персидском языке (особенности и трудности) // Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 55–62.

Original article

**ON THE QUESTION OF THE CONCEPT OF “GENDER” IN THE PERSIAN LANGUAGE:
FEATURES AND DIFFICULTIES**

Sevinj Mehdikhanli^{1✉}, Shakhram Nabati²

^{1, 2} University of Guilan, Rasht, Iran

¹ smehdikhanli@guilan.ac.ir✉, <http://orcid.org/0000-0002-3581-3760>

² shnabati@guilan.ac.ir, <http://orcid.org/0000-0003-4298-0054>

Abstract. The study of linguistic aspects in which a person's gender is expressed has recently become increasingly relevant. The concept of “gender” is at the center of such studies. “Gender” is a socio-cultural concept. Due to the fact that research in this area is relatively new, this direction is very attractive to linguists. One of the main reasons for studying the features of gender is the existence of languages, in this case, the Persian

language, in which there is no category of grammatical gender and in the text the concept of semantic gender is conveyed in various ways. Implementation of an adequate translation of texts with a gender component from Russian into Persian is also one of the important reasons for studying the concept of gender, since a detailed consideration of the features of translation allows preserving the features of the gender aspects of the text during translation. This issue is especially relevant in literary translation, since the correct transmission of gender-marked vocabulary, which has a large semantic and key role, depends on the correct perception of the text by the reader. The relevance of the work also lies in the insufficient development of this topic in the field of the concept of gender in the Persian language. In this article, descriptive and comparative methods were used. The results and scientific material of this article can serve as additional material in classes on Russian Language as a foreign, is useful for translators and can contribute to the expansion and deepening of knowledge in this area. A more detailed study of this issue, which is particularly relevant for comparative studies of languages with different structures, will be presented in our next works.

Keywords: gender, category of gender, semantic sex, gender-marked vocabulary, Persian language, Russian language

For citation: Mehdikhanli S., Nabati Sh. On the question of the concept of "gender" in the Persian language (features and difficulties). *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2025;1(93):55–62 (In Russ.).

Исследования в области понятия «гендер» стали рассматриваться в конце XX века в зарубежной лингвистике как отдельная наука. Данное понятие первоначально рассматривалось в истории и историографии, а позже стало объектом исследования и лингвистики. Объектом изучения гендерных исследований являются культурные и социальные аспекты, определяющие отношение к женщинам и мужчинам в обществе, также поведение представителей того или иного пола, представления о мужских и женских качествах, сложившихся в обществе. Всё вышеперечисленное позволяет рассматривать тему пола не как объект науки биологии, а в сфере социальной жизни и культуры. Иными словами, пол человека рассматривается не только как биологический аспект, а также как культурно-когнитивный феномен.

Гендерные исследования, как отмечает А. В. Кирилина, являющиеся новым направлением российской гуманитарной науки, находятся в процессе становления. В центре внимания этих исследований находятся культурные и социальные факторы, которые определяют «отношения общества к мужчинам и женщинам, поведение индивидов в связи с принадлежностью к тому или иному полу, стереотипные представления о мужских и женских качествах всё то, что переводит проблематику пола из области биологии в сферу социальной жизни и культуры» [3, с. 8]. Вопросу гендерных исследований в лингвистике посвящены работы таких учёных, как Р. Лакофф, М. Кей, О. Л. Каменская, И. Халеева, А. В. Кирилина, А. М. Холод, Е. В. Луганская и др. Данная тема с культурного аспекта находит своё отражение в работах И. И. Булычева, В. В. Васюка, Е. И. Горошко, И. В. Зыковой, М. С. Колесниковой, И. С. Кона, И. Палаевой, Дж. Скотта и др. О влиянии экстралингвистических и психологических факторов на изучение гендера в процессе коммуникации говорится в работах В. В. Богданова, И. П. Сузова, Г. Г. Почепцова, И. А. Стернина и др.

С того времени, как появились и стали развиваться гендерные исследования, возникла необходимость в новой терминологии, ставшая основанием появления научного термина «гендер», «призванного подчеркнуть общественно конструируемый характер пола, его конвенциональность, институциональность и ритуализированность, а также изучить лингвистические механизмы проявления гендера в языке и коммуникации» [12, с. 102].

Гендерный подход к языковому материалу предполагает сосредоточиться на соотношении грамматической категории рода с идеей биологического и социального пола, на способах представления этих смыслов языковыми

средствами, на разного типа коннотациях семантических приращениях, сопутствующих номинациям мужского, женского и частично среднего рода [6, с. 179].

По справедливому замечанию А. В. Кирилиной, «исследованию в гендерном аспекте поддаются практически все области языка как системы и языка в его функционировании» [4, с. 2].

В работе М. В. Ласковой предпринята попытка анализа грамматической категории рода с гендерных позиций: «Гендер, заимствованное понятие из западной социологии, означает конструкт, в основе которого лежат три группы характеристик: биологический пол, полоролевые стереотипы, гендерный дисплей – многообразие проявлений, связанных с предписанными обществом нормами мужского и женского взаимодействия» [7, с. 343–344].

Род является важнейшей категорией многих индоевропейских языков. В русском языке эта категория проявляется у всех именных частей речи, в том числе и в ряде форм глагола. Существует такая универсалия: если язык имеет грамматическую категорию рода, он обязательно имеет и категорию числа. Помимо числа, род связан и с категорией одушевлённости и личности, и эта связь глубже, чем простое совпадение флексий. С помощью родовых форм достигаются структурная спаянность и единство различных рядов слов, которые различаются по своим лексико-грамматическим особенностям [8, с. 21]. Род характеризует лексему в целом, в отличие от категории числа, однако семантика родовой формы может варьироваться в зависимости от коммуникативно-прагматических условий. Род – грамматическая категория русского языка, которой предписана строгая система. Грамматические значения в русском языке чаще всего выражаются помимо воли говорящего, однако для определённого класса имён возможен выбор рода как самого имени – *учитель / учительница*, так и согласуемых с этим именем слов – *учитель пришёл / пришла*.

В любом языке существуют слова, которые указывают на гендер и обозначают мужчин и женщин, но есть языки, в которых гендерные характеристики встречаются в разных уровнях языка, в том числе лексике и грамматике. По О. Богачевой, «большинство языков по степени выраженности гендерных различий, можно разделить на три группы» [1, с. 19]. Первая группа, «гендерно-маркированные языки», отличается самой высокой степенью содержания гендерно-маркированной лексики и местоимений и русский язык относится к данной группе. Во вторую группу входят языки, в которых существуют «гендерные различия в области местоимений, но большая часть лексики не маркирована по половому признаку» [1, с. 20–21]. К этой группе относится английский язык. Существует третья группа гендерно-неориентированных языков, в которых не указывается на гендерную принадлежность и «отсутствуют морфологическое и лексическое согласования между существительными, глаголами и прилагательными в контексте указания на род определяемого слова» [13]. Именно к данной группе и относится персидский язык. Важно отметить, что персидский язык не относится к группе гендерно-нейтральных языков, под которыми понимается «совокупность языковых способов выражения, которые сводят к минимуму использование слов и фраз, сигнализирующих о биологическом поле человека» [1, с. 21].

Как уже указывалось выше, род является грамматической категорией, присущей не всем языкам, в частности персидскому. Необходимость проведения различия между семантической категорией пола и грамматической категорией рода, способствовало появлению термина «семантический пол» [5], который может быть выражен лексически. Как уже говорилось, в персидском языке отсутствует понятие грамматического рода, в отличие от русского языка, в котором наличие категории грамматического рода проявляется в делении слов на классы со специальными морфологическими показателями.

Такое деление выражается в различии мужского, женского и среднего рода, которое отчётливо выступает в форме единственного числа и определяется формально по окончаниям слов. Синтаксическим признаком грамматического рода имён существительных является согласование в предложении с другими частями речи, такими как прилагательные, числительные, причастия, глаголы прошедшего времени.

В персидском языке принадлежность к тому или иному полу морфологически не выражается. Связь между определением и определяемым осуществляется порядком слов; определение следует за существительным, принимающим изафетный показатель. В русском языке род существительного определяет форму зависимых слов, а в персидском языке зависимые слова сохраняют одинаковую форму:

В русском языке:

Этот красивый цветок (мужской род).

Эта красивая девочка (женский род).

Это красивое платье (средний род).

Данные предложения в переводе на персидский язык:

این گل زیبا – *in qol-e ziba*

این دختر زیبا – *in doxtar-e ziba*

این لباس زیبا – *in lebas-e ziba*

Следуя из вышеуказанных примеров, вопрос изучения способов выражения семантической категории рода в персидском языке представляется интересным.

Категория рода в персидском языке выражается следующими способами:

1. В персидском языке одушевленные существительные, делятся по признаку биологического пола (имена, обозначающие лиц женского пола, имена, обозначающие лиц мужского пола):

مرد *mârd* – *мужчина*

زن *zân* – *женщина*

پدر *pedâr* – *отец*

مادر *madâr* – *мать*

دختر *doxtâr* – *девочка*

پسر *pesâr* – *мальчик*

خواهر *xahâr* – *сестра*

برادر *bâradâr* – *брат*

2. На два разряда делятся и существительные, обозначающие некоторых животных и птиц. Название самки, как правило, совпадает с общеродовым названием животного, а название самца в некоторых случаях особо выделяется:

مرغ *morf* – *курица* – *خروس* *xurus* – *петух*

گوسفند *qusfând* – *овца* – *فuch* – *баран*

بز *boz* – *коза* – *تکه* *tâke* – *козёл*

Также для названия животных в персидском языке используются слова *نر* *nâr* – *самец*, *ماده* *made* – *самка*. К примеру, в персидском языке слова *волк* и *волчица* выражается одним словом *گرگ* *qorg*, имеющим значение общего рода. Но *گرگ* *qorg*-е *نر* – это особь мужского пола – *волк*, а *گرگ* *qorg*-е *ماده* – женского пола – *волчица* и т. д.

3. В персидском языке путём сложения слов, которые по своему значению соотносятся с мужским или женским полом, образуются некоторые сложные слова: *старуха* – *پیرزن* *pirezân*; *старик* – *پیرمرد* *piremârd*. В данных сложных словах слово *پیر* означает *старый*.

4. В персидском языке некоторые существительные, заимствованные из арабского языка, со значением лиц женского рода имеют аффикс (*h). Данный аффикс употребляется не только в именах собственных, но и в именах нарицательных [11, с. 106]:

женские имена:

آزاده Azadeh – Азадех, حبیبه Häbibe – Хабибех, عاطفه Atefeh – Атефех, آمنه Ameneh – Аменех;

нарицательные существительные:

رقاص räffas – танцор – رقصه räffaseh – танцовщица;

شاعر šaer – поэт – شاعره šaereh – поэтесса.

5. В персидском языке термины, выражающие родство, являются многочисленной группой слов, которые отражают гендерную соотносённость.

Термины родства по структуре делятся на:

– односложные: عروس ārus – сноха, داماد damad – зять, مادر madār – мать, پدر pedār – отец, شوهر šohār – муж, زن zān – жена, پسر pesār – сын, دختر doxtār – дочь, دایی dayi – дядя (по материнской линии), عمو āmu – дядя (по отцовской линии), خاله xaleh – тётя (по материнской линии), عمه āmteh – тётя (по отцовской линии);

– образованные словосложением: پیرمرد pīremārd – старик (pīr – старый, mārd – мужчина), پیرزن pīrezān – старуха (pīr – старая, zān – женщина),

– образованные с помощью аффиксов: نامادری namadāri – мачеха, ناپدری napredāri – отчим (префикс نا na, аффикс ادی ai), همسر hämsār – супруг / супруга (префикс هم häm);

– лексикализацией: خواهرزاده xahärzadeh – племянница / племянник (дочь или сын сестры), برادرزاده bärädärzadeh – племянница / племянник (дочь или сын брата), مادر بزرگ madārbozorg – бабушка, پدر بزرگ pedārbozorg – дедушка; پدرزن pedärzān – тещь, مادرزن madärzān – тёща, پدر شوهر pedäršohār – свёкр, مادر شوهر madaršohār – свекровь; دختر (پسر) دایی/دختر (پسر) خاله doxtār (pesār) dayi / doxtār (pesār) xaleh – двоюродная(-ый) сестра (брат) по материнской линии; عمه (پسر) دختر/عمو/دختر (پسر) عمه doxtār (pesār) āmu / doxtār (pesār) āmteh – двоюродная (-ый) сестра (брат) по отцовской линии.

6. В персидском языке для обозначения семейного статуса или номинации женщин используются слова: زن zān – женщина, دختر doxtār – девочка (дочь), دوشیزه dušizeh – девушка, خواهر xahār – сестра, عروس ārus – невестка, بیوه biveh – вдова, همسر hämsār – супруга, تان/مادر tatan / madār – мама / мать, نامادری namadāri – мачеха, مادر بزرگ madārbozorg – бабушка, خاله xaleh – тётя по материнской линии, عمه āmteh – тётя по отцовской линии, مادرزن madärzān – тещь, مادر شوهر madaršohār – свекровь.

7. В персидском языке для обозначения семейного статуса и номинации мужчин используются следующие слова: مرد mārd – мужчина, پسر pesār – мальчик (сын), پسر نوجوان pesāre nojāvan – юноша, مرد جوان marde javan – молодой человек, برادر bärädār – брат, شوهر šohār – муж, پدر/بابا pedār / baba – отец / папа, ناپدری napredāri – отчим, پدر بزرگ pedārbozorg – дедушка, دایی dayi – дядя по материнской линии, عمو āmu – дядя по отцовской линии, پدر شوهر pedäršohār – свёкр, پدرزن pedärzān – тещь.

8. Обращение в персидском языке является важным компонентом речевого этикета. Гендерная детерминированность проявляется и в данной области языка. В персидском языке существуют особые формы вежливости, которые употребляются при обращении. Это специальные слова, используемые при обращении к мужчине или женщине, которые, в свою очередь, отражают социальный статус, связи, отношения. При обращении к женщине употребляется слово خانم xānom – госпожа. Данное слово должно употребляться и при обращении к женщине по фамилии или имени: خانم نوروزی xānom Nouruzi – госпожа Норузи или خانم مریم Maryam xānom – госпожа Марьям, خانم محترم xānom-e mohārām – уважаемая госпожа. Обращение по наименованию профессии и фамилии или просто по профессии с добавлением уважительного компонента خانم xānom – госпожа, например: مهندس کریمی mohāndes Kārimi – инженер Карими, خانم مهندس xānom mohāndes – госпожа инженер, دکتر خانم xānom doktar

doctor – госпожа доктор, خانم دکتر امیری *hanom doctor Amiri* – госпожа доктор Амири [9, с. 140–141].

При обращении к мужчине используются слова: آقای *ağa* господин, قربان *forban* – дорогой / уважаемый, دوست عزیز *dust-e äziz* – дорогой друг, آقای محترم *ağaye mohitärät* – уважаемый господин. Обращение по наименованию профессии и фамилии или просто по профессии с добавлением уважительного компонента آقای *ağa* – господин: مهندس فاضلی *mohändes Fazeli* – инженер Фазели, آقای مهندس فاضلی *ağaye mohändes* – господин инженер, آقای مهندس فاضلی *ağaye mohändes Fazeli* – господин инженер Фазели [9, с. 140–141].

Как следует из вышеизложенного, в отличие от русского языка? грамматического рода как отдельной категории в персидском языке нет. Для названия одушевлённых существительных используются лексические единицы, выражающие их принадлежность к мужскому или женскому полу. Также разделение слов по признаку пола в персидском языке имеет семантический характер.

Гендерный фактор и отсутствие грамматической категории рода в персидском языке проявляется и при переводе текстов с русского языка на персидский. Как мы знаем, перевод – это важное средство межкультурного общения, так как он служит посредником, помогающим носителям одной языковой культуры знакомиться с фактами другой. Выступая как средство передачи видения мира представителями другой культуры, роль языка крайне важна. Передача мировидения средствами чужого языка часто оказывается сложной задачей. Как отмечает А. Г. Михайлова, гендер можно представить как социокультурный и психолингвистический феномен, который должен учитываться в любых формах межкультурных контактов и прежде всего в процессе перевода [10]. О. А. Бурукина считает, что гендерный аспект представляет собой интересную и достаточно сложную переводческую проблему, учитывать которую переводчик просто обязан для создания эквивалентного по содержанию и равного по ценности литературного произведения на языке перевода [2].

Как отметили выше, отсутствие категории рода вызывает большие трудности при переводе, особенно при переводе местоимений с русского языка на персидский. Учитывая то, что в русском языке гендерные личные местоимения *он* и *она* и гендерные притяжательные местоимения и их падежные парадигмы в персидском языке имеют эквивалент او (*u*), употребление двух или более таких местоимений в одном предложении вызывает трудность при переводе с русского языка на персидский, и переводчику приходится прибегать к разным способам перевода с целью правильной передачи вышеуказанных местоимений.

Рассмотрим следующий пример:

Андрей и Катя соседи. Каждый день он видит её. Как видим во втором предложении, есть два гендерных местоимения – *он* и *её*. В переводе на персидский язык данное предложение выглядит так: او هر روز او را می بیند. *U här ruz u ra tibiräd*. В персидском варианте не ясно, кто кого видит каждый день – *он видит её* или *она видит его*. Поэтому переводчику приходится прибегать к следующему переводу: آندری هر روز او را می بیند. *Andrey här ruz u ra tibiräd* – Андрей каждый день видит её или او هر روز کاتیا را می بیند *U här ruz Katya ra tibiräd* – Он каждый день видит Катю.

В предложении *Виктор очень любит Анну. Он всегда смотрит на её фотографию.* Во втором предложении есть гендерное личное местоимение *он* и гендерное притяжательное местоимение *её*. В переводе на персидский язык данное предложение выглядит следующим образом: او همیشه به عکس او نگاه می کند. *U hämišeh äks u ra neqah mikonäd*. Как видим, данный перевод двусмыслен и не ясно, кто на чью фотографию смотрит. Поэтому лучшим вариантом перевода является: *Victor hämišeh äks-e u ra* *ویکتور همیشه عکس او را نگاه می کند*.

neqah mikonād или *او همیشه عکس آنرا را نگاه می کند U hämiše äks-e Anna ra neqah mikonād.*

Следовательно, перевод текста с русского языка на персидский является непростым процессом. В процессе перевода наблюдается не только столкновение двух культур, металитетов и т. д., но и две разные языковые системы. Дословный перевод на персидский язык способствует его неясности, искажает оригинал, поэтому для правильной передачи важен правильный и творческий подход (особенно в случае художественного перевода).

В ходе исследования понятий гендера и гендерно-маркированной лексики мы сделали вывод, что в персидском языке существуют способы выражения гендерно детерминированной лексики, которые характеризуются относительным разнообразием словообразовательных моделей. Семантика мужского и женского пола отражается в лексике, относящейся к терминам семейного родства, статуса, а также в некоторых речевых формулах – при обращении. Подобные исследования только начали проводиться, и для получения более подробных результатов необходимо дополнительное изучение гендерно детерминированной лексики. Исходя из этого, дальнейшими темами наших исследований будут выявление номинаций лиц мужского и женского полов в русском и персидском языках, их классификация с учётом переводческой эквивалентности, установление языковых средств, используемых для русско-персидского перевода гендерных номинаций с учётом степени их семантической эквивалентности и формального выражения гендера, анализ пословиц и поговорок, содержащих в своём составе гендерные номинации, а также раскрытие способов их перевода с русского на персидский язык.

Список источников

1. Богачева О. Выпускная квалификационная работа Гендерная проблематика в шведском языке (на примере политического дискурса) / О. Богачева. – Санкт-Петербург, 2022. – 99 с.
2. Бурукина О. С. Гендерный аспект перевода / О. С. Бурукина // Гендер как интрига познания. – Москва : Рудомино, 2000. – С. 99–107.
3. Кирилина А. В. Развитие гендерных исследований в лингвистике / А. В. Кирилина // Филологические науки. – 1998. – № 2. – С. 51–58.
4. Кирилина А. В. О применении приятия «гендер» в русскоязычном лингвистическом описании / А. В. Кирилина // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 2000. – № 3. – С. 28–36.
5. Крылов С. А. Категория рода в семантическом аспекте / С. А. Крылов // Труды Института лингвистических исследований РАН. – 2010. – Т. 6, ч. 2. – С. 341–357.
6. Кузнецов А. М. Феминизм и лингвистика: гендерные аспекты языка / А. М. Кузнецов // Человек: образ и сущность: (Гуманит. аспекты). – Москва, 2005. – С. 165–185.
7. Ласкова М. В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики / М. В. Ласкова. – Ростов-на-Дону, 2001. – 188 с.
8. Луценко Н. А. О перестановке маркированности в грамматических корреляциях / Н. А. Луценко // Системные и функциональные аспекты языка. – Тарту, 1988. – С. 98–105.
9. Мехтиханлы С. Г. К вопросу обучения русскому речевому этикету иранских студентов / С. Г. Мехтиханлы // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка. – Елец, 2023. – С. 137–143.
10. Михайлова А. Г. Социокультурный подход к изучению гендера / А. Г. Михайлова // Вісник СевДТУ. – Севастополь : Севастопольский нац. техн. ун-т, 2009. – Вип. 96: Педагогіка. – С. 41–43.
11. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка / Ю. А. Рубинчик. – Москва : Восточная литература, 2001. – 600 с.
12. Томская М. В. Лингвистические гендерные исследования / М. В. Томская, Л. Н. Маслова // Отечественные записки. – 2005. – № 2 (22). – С. 112–132.
13. Yasir Suleiman. Language and Society in the Middle East and North Africa. – Chapter 10: Gender in a genderless language: The case of Turkish, by Friederike Braun, 1999.

References

1. Bogacheva O. *Vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota. Gendernaya problematika v shvedskom yazyke (na primere politicheskogo diskursa) = Graduation thesis Gender issues in the Swedish language (on the example of political discourse)*. St. Peterburg; 2022:99 p.
2. Burukina O. S. Gender aspect of translation. *Gender kak intriga poznaniya = Gender as an intrigue of cognition*. Moscow: Rudomino; 2000:99–107.
3. Kirilina A. V. Development of gender studies in linguistics. *Filologicheskie nauki = Philological sciences*. 1998;2:51–58.
4. Kirilina A. V. On the use of the concept of “gender” in Russian-language linguistic description. *Nauchnyye doklady vysshey shkoly. Filologicheskiye nauki = Scientific reports of higher education. Philological sciences*. 2000;3:28–36.
5. Krylov S. A. The category of gender in the semantic aspect. *Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN = Proceedings of the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2010;6(2):341–357.
6. Kuznetsov A. M. Feminism and linguistics: gender aspects of language. *Chelovek: obraz i sushshnost: (Gumanitarnye aspekty) = Man: image and essence: (Humanitarian aspects)*. Moscow; 2005:165–185.
7. Laskova M. V. *Grammaticheskaya kategoriya roda v aspekte gendernoy lingvistiki = Grammatical category of gender in the aspect of gender linguistics*. Rostov-on-Don; 2001:188 p.
8. Lutsenko N. A. On the rearrangement of markedness in grammatical correlations. *Sistemnye i funktsionalnye aspekty yazyka = Systemic and functional aspects of language*. Tartu; 1988:98–105.
9. Mekhdikhanli S. Q. On the issue of teaching Russian speech etiquette to Iranian students. *Aktualnye problemy sovremennogo yazykoznavaniya i metodiki prepodavaniya yazyka = Current problems of modern linguistics and methods of language teaching*. Yelets; 2023:137–143.
10. Mikhaylova A. G. Sociocultural approach to the study of gender. *Visnik SevDTU = Bulletin of SevDTU*. Sevastopol: Sevastopol National Technical University; 2009; 96:41–43.
11. Rubinchik Yu. A. *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka = Grammar of the modern Persian literary language*. Moscow: Vostochnaya literature; 2001:600 p.
12. Tomskaya M. V., Maslova L. N. Linguistic gender studies. *Otechestvennyye zapiski = Otechestvennyye zapiski*. 2005;2(22):112–132.
13. Yasir Suleiman. *Language and Society in the Middle East and North Africa*. Chapter 10: “Gender in a genderless language: The case of Turkish”, by Friederike Braun, 1999.

Информация об авторах

С. Мехтиханлы – кандидат филологических наук, ассистент профессора, заведующий кафедрой русского языка;

Ш. Набати – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Information about the authors

S. Mehdikhanli – Candidate of Philology, is Assistant Professor, Head of the Department of Russian Language;

Sh. Nabati – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2025; одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 16.03.2025.

The article was submitted 15.02.2025; approved after reviewing 12.03.2025; accepted for publication 16.03.2025.

Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 63–72.
Humanitarian Researches. 2025;1(93):63–72.

Научная статья
УДК 811.133.1

**СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФЕМИНИЗАЦИИ НАЗВАНИЙ
ПРОФЕССИЙ, ДОЛЖНОСТЕЙ И ТИТУЛОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Френкель Ирина Анатольевна

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия, frenkel-mif@rambler.ru

Аннотация. Целью данной статьи является проведение сравнительно-сопоставительного анализа функционирования феминитивов в русском и французском языках с ранних эпох и до настоящего времени. В работе исследуются источники образования, социальные, экономические, политические и исторические аспекты, культурные установки, способствующие распространению женских форм, причины их замены на словоформы мужского рода, позиции Французской академии и различного рода институтов, регламентирующих указанный процесс как во Франции, так и России. Основываясь на анализе научной литературы, в работе выявляются общие характеристики функционирования феминитивов в обоих языках, определяются семантические и грамматические особенности лексем женского рода, замедляющие процесс феминизации, а также выявляется специфика использования указанных лексем на лексикографическом и дискурсивном уровнях. В результате проведённого исследования делается вывод о том, что данное явление, несмотря на то, что оно является структурно обусловленным и свойственным обоим языкам, имеет ряд общих параметров лингвистического и стилистического плана, характеризуется наличием в каждом лингвистическом сообществе своего собственного пути развития, определяемого историческими особенностями функционирования указанных единиц, степенью государственного регулирования анализируемого процесса. Данный факт связан с неоднозначным пониманием равенства полов в обеих странах и гендера в целом, политическими установками, социальным, экономическим и культурным состоянием сообщества, спецификой менталитета и степенью подверженности процессами глобального масштаба.

Ключевые слова: французский язык, русский язык, исторический аспект, способы феминизации, профессии, должности, титулы, суффиксальное образование, сравнительный анализ

Для цитирования: Френкель И. А. Сравнительно-сопоставительный анализ процесса феминизации профессий, должностей и титулов во французском и русском языках // Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 63–72.

Original article

**COMPARATIVE-CONTRASTIVE ANALYSIS OF FEMINIZATION OF NAMES OF PROFESSIONS,
POSITIONS AND TITLES IN FRENCH AND RUSSIAN**

Frenkel Irina A.

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia, frenkel-mif@rambler.ru

Abstract. The purpose of this article is to conduct a comparative analysis of the functioning of feminines in Russian and French from the early eras to the present. The paper examines the sources of education, social, economic, political, historical aspects, cultural attitudes that contribute to the spread of feminine forms, the reasons for their replacement by masculine word forms, the position of the French Academy, and various institutions that regulate this process both in France and Russia. Based on the analysis of

scientific literature, the paper identifies the general characteristics of the functioning of feminines in both languages, identifies the semantic and grammatical features of feminine lexemes that slow down the process of feminization, and identifies the specifics of using these lexemes at the lexicographic and discursive levels. As a result of the research, it is concluded that this phenomenon, despite the fact that it is structurally determined and characteristic of both languages, has a number of common linguistic and stylistic parameters, is characterized by the presence in each linguistic community of its own path of development, determined by the historical features of the functioning of these units, the degree of state regulation of the analyzed process. This fact is associated with an ambiguous understanding of gender equality in both countries and gender in general, political attitudes, the social, economic and cultural state of the community, the specifics of the mentality and the degree of exposure to global processes.

Keywords: French language, Russian language, historical aspect, methods of feminization, professions, positions, titles, suffix formation, comparative analysis

For citation: A comparative analysis of the process of feminization of professions, positions and titles in French and Russian. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2025;1(93):63–72 (In Russ.).

Языковые нововведения по-разному входят в языковую систему, часто встречая сопротивление со стороны лингвистического сообщества.

Данный факт касается актуальной в настоящее время проблемы образования и функционирования феминативов, непосредственно связанных со словообразовательной, грамматической системой, категорией рода и в целом с гендером. Каждый из анализируемых языков обладает определённой спецификой выражения и содержания грамматической категории рода, которые в ряде случаев могут не совпадать даже в рамках одного языка, например: а) фр.: *une sentinelle*, *f* – часовой, *mannequin*, *m* – манекенщица, *truanderie*, *f* – сброд; нищие; бродяги; б) рус.: *сирота*, *умница*, *коллега*, *всезнайка*, *пряха*, *няня* и др. В обоих языках также присутствуют образования, вошедшие в язык и зафиксированные в лексикографических источниках (*ouvrier – ouvrière / рабочий – рабочая*), а также новообразования, отсутствующие в словарях и вызывающие неоднозначное к ним отношение (*chefesse – шефиня*).

Указанные лексемы относятся к феминитивам – наименованиям лиц женского пола, образованным от слов мужского рода или имеющим самостоятельное происхождение. В большинстве случаев в данный разряд включаются слова женского рода, входящие в категорию *nomina agentis*, служащие для наименования деятеля; *nomina attributiva*, представляющие собой наименования носителя признака; термины родства, обозначения различного рода принадлежности (национальные, религиозные, социальные, возрастные) [2], образование и роль которых не находят однозначного решения в различных языковых сообществах. Использование феминитивов трактуется исследователями по-разному: с одной стороны, как явление, обусловленное структурой языка, с другой – как требование феминисток, направленное на устранение неравноправия между полами, рассматриваемого как проявление андроцентризма, выражающегося в отождествлении понятий *человек* и *мужчина*, например *homme* (фр.), *man* (англ.); производность женских форм от существительных мужского рода и частотность наличия у первых негативной окраски; использование форм мужского рода для обозначения лиц любого рода, т. е. неспецифицированное употребление, доминирование лексем мужского как выражение общечеловеческого, приводящие к наличию в языке гендерных асимметрий и др. [5].

В научных работах, посвящённых изучению функционирования феминитивов в современном русском языке, подчёркивается неоднозначность указанного процесса, связанная со спецификой возникновения и распространением данного явления, обусловленного различными аспектами языкового, исторического, общественного и политического плана.

Согласно проведённым исследованиям, до начала XIX века русскому языку было свойственно наличие следующих явлений, доказывающих его предрасположенность к образованию феминитивов и, соответственно, исторический характер данной тенденции, проявляющийся в использовании: а) различных форм для обозначения представителей разных полов; б) только женского рода – для исконного и традиционного женского труда: *кружевница, прачка, няня*; с) парных наименований, имеющих гендерно маркированные суффиксы. Данного рода явления свидетельствуют об исторической склонности русского языка к наличию и функционированию коррелятивных пар: *наборщик – наборщица, гувернёр – гувернантка* [1].

В последующие века появляются женские форм с соответствующими суффиксами: *ключник – ключница, старец – старица* (VI–XIV вв.); *болгарка, цыганка, воровка*, а также новообразования, являющиеся самостоятельными номинациями женщин по профессии: *ткаля, пряля, швея, скатерница, мытница* (XIV–XVII вв.) (Ю. С. Азарх, цит. по [2]).

В середине XIX века отмечаются первые проявления тенденции использования слов мужского рода с обобщённым значением, в которых пол не является ярко выраженным, а маркированным, т. е. имеющим добавочное значение выступает женский род (К. Аксаков).

Начиная со второй половины XIX – начала XX века, в период Первой мировой войны и в революционные годы, наблюдается значительное увеличение женских наименований, обусловленное широкой вовлечённостью женщин в общественную и трудовую деятельность, образованных различными суффиксами в зависимости от сферы употребления: в промышленности – *вагонщица / грузчица*, в общественной деятельности – *вузовка*.

К 1930-м годам, несмотря на распространённость феминитивов в единственном числе в сфере рабочих, значительно возрастают следующие тенденции: доминирование форм мужского рода существительных множественного числа: *кандидаты, студенты* (явление, возникшее ранее среди интеллигенции); замена форм женского рода на мужской в том случае, если женский труд в данной сфере становится обыденным¹.

В последующие годы распространение слов мужского рода в обобщённом значении связывается с определёнными явлениями культурного плана, начинающимися ещё в послереволюционной России, а именно: культивирование образа активной асексуальной женщины (Н. Захарова); маскулинизация визуального облика женщины, уравнивание женского и мужского начал (Е. С. Турутина), официальная репрезентация феминности, окрашенной андрогинными чертами (Н. В. Захарова).

В дальнейшем визуальный облик женщины меняется: в 1930-е годы с возрастанием значимости не только промышленного, но и демографического роста, культивируются образы «женщины-работницы» и «женщины-матери»; в 1950-х годах, в связи с необходимостью укрепления института семьи и брака, значимыми представляются гендерные роли патриархального общества – *женщина-хозяйка* и *женщина-кокетка*. В последующем наблюдается процесс замедления использования феминитивов и значительное распространение форм мужского рода, особенно для номинации статусных профессий и должностей с целью соотносённости не с полом, а с понятием *человек* (В. В. Виноградов). Данный процесс наблюдается в официально-деловом дискурсе, административной документации (Б. Н. Тимофеев)².

Русские феминитивы, как показывают проведённые исследования, отражают не только степень вовлечённости женщин в различные сферы деятельности в зависимости от эпохи, но и технологические, политические

¹ Русский язык и советское общество Социол.-лингвист. Исследование: в 4 т. / [АН СССР Ин-т рус. яз.]; под ред. М. В. Панова. Москва: Наука, 1968.

² Представленные точки зрения цитируются по [1].

и общественные изменения: VII век – *кружевница* и др.; XVIII век – *блинница*, *молочница* и др.; начало и середина XX века – *комиссарка*, *председательница*, *радистка* и др.; конец XX века – *бизнесвумен*, *чиновница*, *дальнобойщица*, *визажистка*; начало XXI века – *айтишница*, *спикерша*, *тьюторша*, *копирайтерша* и др. (А. С. Васильева [цит. по: 5]).

Исторический и лингвистический аспекты образования феминитивов во французском языке также имеют свои специфические особенности, в том числе объясняемые генетическим родством с латынью. Так, например, греко-латинский суффикс *-issa*, происходящий из богословского языка, является основой для образования существительных женского рода и обозначения званий: *abatissa* – фр. *abbesse* /аббатиса (VI в.) [6, с. 289]. Традиция при вступлении в брак брать фамилию мужа и принимать его профессиональный статус с феминизированным названием, независимо от социального происхождения, восходит к брачной системе древних кельтов и реализуется уже в старофранцузском языке: *la fermière* – *l'épouse du fermier* – жена фермера; *la reine* – *l'épouse du roi* – жена короля; *orfèvre* – *l'épouse de l'orfèvre* – жена ювелира; *l'ambassadrice* – *l'épouse de l'ambassadeur* – жена посла [17; 21].

Парижский реестр размеров (1296–1297) (*Livre de la Taille* (1296–1297)), включает 45 наименований профессий в женском роде, что является свидетельством высокого уровня феминизации в Средние века [21], законодательного присутствия женщин на социальной лестнице: *chirurgiennes* – эквивалент современного термина *медсестра* и др. [20].

В научной литературе отмечается (Viennot, 2017), что с середины XVII века французский язык приобретает признаки сексизма и в нём начинается процесс маскулинизации, в том числе под влиянием Французской академии, заключающийся в повышении качественной и количественной значимости мужского грамматического рода по сравнению с женским с целью придания первому большей степени благородства и лишения женщины места как в социальном, так и языковом пространствах [21].

С точки зрения исследователей, факторами, способствующими процессу дефеминизации, являются следующие: влияние мужественного образа «Короля-Солнца» [20]; восприятия мужского рода как более благородного, свидетельствующего о превосходстве мужчины над женщиной [19]; изменения во французском менталитете (Viennot, 2017) [21]. С другой стороны, данные ряда грамматических изданий более позднего периода по-прежнему свидетельствуют о наличии лингвистических средств разграничения полов, отсутствия «компаний» по маскулинизации языка [21]. С явной очевидностью вопрос об образовании женских форм существительных, обозначающих различные виды деятельности, возникает во Франции во второй половине XX века и объясняется распространением философии постмодернизма, феминизма, активизацией общественной и трудовой деятельности женщин, выполнением ими традиционно мужских функций, в том числе на руководящих и государственных должностях. В связи с этим в 1984 году создаётся Терминологическая комиссия по феминизации названий профессий (*Commission de terminologie pour la féminisation des noms de métiers, de grades et de fonctions*), декларирующая, что использование мужского рода к качеству немаркированного существительного способствует гендерному неравенству.

Выступая против различного рода правительственных циркуляров, Французская академия на протяжении длительного времени декларирует приверженность к использованию форм мужского рода для обозначения качеств, общих для обоих полов, нейтрализующих разницу между ними, подчеркивающих идентичность роли и звания вне зависимости от пола их обладателя, выступает за естественный процесс феминизации, исключая различия различного рода предписания, не соответствующие правилам французского

языка, разрушающие его систему, вызывающие многочисленные языковые несоответствия и лингвистическую неопределённость [18].

В настоящее время, учитывая широкое распространение феминитивов, представители Академии смягчают свои позиции даже в отношении юридического и политического дискурса, положительно относятся к конкуренции различных форм с целью выбора лучшей из них.

Таким образом, процесс феминизации названий профессий, должностей и званий в обоих языках представляет собой актуальное во все времена лингвистическое явление, непосредственно связанное с политическими и социальными процессами мирового и национального уровня, историческую тенденцию, подтверждающуюся наличием женских форм наименований уже на начальных этапах развития языков, а также общепринятую языковую практику, обусловленную как структурой языка, его эволюцией [11], так и ростом социальной и трудовой активности женщины.

Проведённый анализ демонстрирует общие тенденции, касающиеся ограничений, препятствующих распространению феминитивов. На лингвистическом уровне к ним относят, например, избыточность, так как мужской род сам по себе обладает нейтральной функцией обозначения профессии, а соотнесённость с конкретным родом выражается синтаксически с помощью согласования (Д.Э. Розенталь [цит. по: 2; 18]). На стилистическом и эстетическом уровнях в обоих языках проявляются следующие тенденции:

1. Полисемия / омонимия, приводящие к смешению референтов: рус.: *матроска / матросская блуза с большим отложным воротником*; фр.: *une cafetière* – хозяйка кафе / кофейник; *entraîneuse* – женщина-тренер / танцовщица в кабаре, приглашающая посетителей танцевать [16]; *une balayeuse* – метельщица / машина для подметания [20]. Подобного рода совпадения возможны и для мужских форм, например: рус.: *травник* – целитель / пособие по употреблению травянистых растений; фр.: *avocat* – адвокат / авокадо [20].

2. Неблагозвучность (эффект эстетического плана): фр.: *ministresse* [9]. Данная особенность свойственна также и формам мужского рода, например, *maïeuticien* – лексема, введённая Французской Академией для обозначения функций акушерки, выполняемых мужчиной, что повлекло за собой звуковое изменение (*mailloticien*), вызванное ассоциацией со словом *maillot* (общ. майка) [20]; рус.: *докторка, докториня, докторица*.

3. Уничижительная окраска, возникающая из-за ассоциации с другими словами: фр.: *écrivaine* – писательница / *vilaine* – плохая, мерзкая [18]; рус.: *штукатурка*: феминитив / отделочный слой, образуемый в результате затвердевания строительного раствора. В ряде случаев отрицательную коннотацию имеют парные французские наименования, например: *tâcheron / tâcheronne* [15].

4. Девалоризация, вызванная издревле существующими формами женского рода, номинирующими жену в соответствии со статусом её мужа, имеющими в настоящее время пренебрежительный оттенок в случае их употребления для номинации женской профессии: фр.: *une préfète*; рус.: *генеральша, бизнесменша, директорша*. Подобного рода факторы, касающиеся негативной окраски феминитивов, влекут за собой отказ от их применения по отношению к должностям высокого ранга, выполняемым женщинами в престижных учреждениях [15, с. 64; 20].

5. Наличие следующих языковых единиц: а) противостоящих процессу феминизации: фр.: *l'agente, la docteur(e), l'experte, la médecin, la procureur(e), la substitute, la témoin* [8]; рус.: *юристка, дирижерка, президентка* [5]; б) разговорных синонимов, образованных по разным моделям: фр.: *authoressse, auteresse, auteure, autrice* – женщина-автор [3]; рус.: *лекарка / лекарша / лекариха; санитарка – санитарница* [2].

6. Женские формы, образованные на основе иноязычных лексем мужского рода с использованием соответствующих суффиксов: рус.: *бизнесмен – бизнесменка* (С. Белова [цит. по: 2]); фр.: окончание английских слов *-er (dealer, speaker)*, интерпретируемое как эквивалент французского суффикса *-eur (м. р.) / -euse (ж. р.): marketeuse, relookeuse, skateboardeuse, skateuse, sniffeuse, surfeuse, taggeuse, tchatteusewebdesigneuse, zappeuse*) и др. [8].

К отличительным чертам социального плана можно отнести, например, наличие недифференцированных названий воинских специальностей, званий должностей в русском языке: *офицер, снайпер, министр, академик*. Во французском языке, несмотря на то, что дискурс ВС Франции в целом является андроцентричным, в нём отмечается увеличение феминизированных форм, обусловленное широким вовлечением женщин в данный род деятельности. Достаточно распространёнными формами феминизации являются, например: а) аналитические способы образования с помощью лексем *femme* или арктикля женского рода: *femme commando* – женщина-десантник; *la lieutenant-colonel* – подполковник; *la commandant* – майор; в) синтетические: *la cynotechnicienne* – кинолог-женщина; *l'aviatrice* – пилот и др. [10].

Регулирование функционирования феминативов во Франции и франкофонных странах осуществляется благодаря работе организаций различного уровня, в том числе правительственных, публикаций, значительного количества справочников. Данного рода документы публикуются также и в других странах, например в Бельгии, Швейцарии, Квебеке [см. подробнее: 9].

В России, несмотря на то, что использование феминитивов является также исторической тенденцией, вопрос об их функционировании в настоящее время не находит отражения на государственном уровне, но широко освещается в российском научном сообществе.

В соответствии с проведёнными исследованиями фиксация форм женского рода по-разному представлена и в лексикографических источниках. Так, наибольшее количество французских феминитивов зарегистрировано в «Справочнике по феминизации» (далее – «*Le Petit Robert u Larousse*»), наименьшее – в «Словаре Французской академии» [14]. В русском языке отмечается значительное превосходство наименований деятелей, зафиксированных, например, в «Национальном корпусе русского языка» по сравнению с «Новейшим большим толковым словарём русского языка» [2]. В «Общероссийском классификаторе профессий ...» содержится 5556 записей, только 25 – женского рода, обозначающих, например, исконно женские профессии: *акушерка, вышивальщица, кружевница, модистка головных уборов, педикюрша, санитарка*.

В отличие от русского языка, использование женских форм наименований во французском языке, несмотря на существующие тенденции к сопротивлению [11], рассматривается как основополагающее правило данного языка [12], получающее всё большее распространение, что доказывается в том числе многочисленными социологическими исследованиями, проводимыми в европейских странах, свидетельствующими об актуальности данного языкового явления, принимаемого большинством населения [8].

В России процесс внедрения феминитивов, как уже говорилось выше, не осуществляется на государственном уровне, но находит своё отражение в значительном количестве научных исследованиях [1]. Характеризуя общие тенденции функционирования данных единиц, отмечается, что последние становятся в настоящий период «частью общественного дискурса, опережая или игнорируя лингвистические данные исследований [7, с. 127].

В целом к особенностям использования женских форм наименований в русском языке, в отличие от французского, относятся: стилистическая окраска, частотность лексем, принадлежащих к разговорно-сниженному пласту лексики или имеющих пренебрежительный оттенок (З. И. Минеева),

преобладание форм мужского рода в качестве нейтральных, использование феминитивов в разговорном, публицистическом, а также в художественном стилях (О. В. Григоренко [цит по: 2]), широкое использование термина *женщина* при переводе французских феминитивов на русский язык.

Сравнительно-сопоставленный анализ научной литературы позволил выявить и ряд значимых отличий.

Некоторыми французскими исследователями отмечается, что процесс маскулинизации, определяемый как преднамеренная политика, проводимая мужчинами, заключается в повышении качественного и количественного превосходства мужского грамматического пола с целью лишения женщин места как в обществе, так и в языке, начался в XVII веке (Viennot, 2017) [21]. Отмечается также, что, несмотря на декларацию прав человека и гражданина («*Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen*») – важнейшего документа Великой французской революции, определяющего индивидуальные права человека, применяемого, по мнению ряда лингвистов, только по отношению к мужчинам [20], право голоса, предоставленного женщинам приказом генерала де Голля 21 апреля 1944 года, активная борьба за феминизацию языка начинается только во второй половине XX столетия. Данное явление является обусловленным не только указанными выше причинами, но и изменением научной парадигмы, распространением идей постмодернизма и феминизма, развитием гендерных исследований.

В России, как уже было сказано выше, интенсивный процесс распространения феминистских тенденций происходит на рубеже XX века и сопровождается политическими декларациями о равноправии полов. В дальнейшем популяризация маскулинного образа, представляемого как результат проявление социального равенства, приводит к закреплению формы мужского рода как всеобщего, нейтрального термина, постепенной замене феминитивов. Во французском языке данная концепция разделяется в основном представителями Академии. Симптоматичным является и тот факт, что в отечественной науке гендерные исследования начинаются позже, чем на Западе и в другой социально-экономической ситуации. С точки зрения исследователей, данное явление объясняется не отсутствием интереса к феноменам языка, связанным с полом, а с отсутствием самой дискурсивной практики (феминистского дискурса), наличием мужской и женской референций в морфологическом и грамматическом строе русского языка [6, с. 138–143].

Свидетельством разграничения полов, а не их уравнивания, в том числе на лингвистическом уровне, является введение во Франции инклюзивного письма (*écriture inclusive*), используемого в значительном количестве университетов, основными правилами которого являются: согласование грамматического рода с полом референта при номинации профессий, использование мужского и женского рода в алфавитном порядке, интерпункта (*les candidat·es – кандидат·ку*), гендерно-нейтральных слов («*les membres font...*» вместо «*elles et ils font...*»), отказ от антономасий типа *l'Homme / Femme*, заменяемых гендерно-нейтральными выражениями («*droits humains*» или «*droits de la personne humaine*», а не «*droits de l'Homme*») [13]. В то же время во Франции на законодательном уровне наблюдается уравнивание полов в рамках терминов родства, проявляющиеся в замене лексем *père* – отец, *mère* – мать на нейтральное слово *родитель*, предписанное для циркулирования в школьных формулярах: *родитель 1*, *родитель 2*, а также исключение из употребления «*nom de jeune fille*» – девичья фамилия, «*mademoiselle*» – мадемуазель, «*nom patronymique*» – отчество, «*chef de famille*» – глава семьи. Данный факт отражает глобалистские тенденции, характеризующиеся отрицанием дихотомии биологического пола, внедрением идеи множественности *гендера* и разрушением существующих ранее процессов ритуализации пола, включением детей в процесс гендеризации [7, с. 112]. Понятие «гендер»

при этом «редуцируется до нейтрального маркера сексуальной ориентации или любой самоидентификации вообще» [7, с. 125].

Несмотря на наличие противоборства глобалистских и патриархальных тенденций, в России признаётся биологический пол, отражающий природные особенности индивида, выражаемые в категориях *мужчина* / *женщина*, а сам человек трактуется как «биосоциальное существо» [7, с. 119].

Таким образом, проведённое исследование показывает, что причины различной степени распространённости феминитивов зависят не только от грамматических особенностей языков, социально-экономической и политической ситуации, но и от менталитета народа, его интеллектуальных установок и культурных традиций, отражающих отношение к гендерным процессам и событиям глобального масштаба.

Список источников

1. Беркутова В. В. Феминитивы в русском языке: исторический аспект / В. В. Беркутова. – URL: <https://scipress.ru/philology/articles/feminativy-v-russkom-yazyke-istoricheskij-aspekt.html> (дата обращения: 08.01.2025).
2. Беркутова В. В. Феминитивы в русском языке: лингвистический аспект / В. В. Беркутова. – URL: <https://scipress.ru/philology/articles/feminativy-v-russkom-yazyke-lingvisticheskij-aspekt.html> (дата обращения: 08.01.2025).
3. Богданова Е. А. Феминизация названий профессий (на примере французского языка) / Е. А. Богданова. – URL: <file:///C:/Users/Нр/Downloads/feminizatsiya-nazvaniy-professiy-na-primere-frantsuzskogo-yazyka.pdf> (дата обращения: 15.02.2025).
4. Доза А. История французского языка : пер. с фр. / А. Доза ; под ред. и с предис. М. С. Гурычевой. – Изд. 3-е, стереотип. – Москва : КомКнига, – 2006. – 472 с. – (История языков народов Европы).
5. Жмаченко А. М. Именованье социального и профессионального статуса женщины в современном русском языке / А. М. Жмаченко, О. А. Мещерякова. – URL: <https://nvjournal.ru/article/34-imenovanie-sotsialnogo-i-professionalnogo-statua/> (дата обращения: 15.02.2025).
6. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – URL: <https://textarchive.ru/c-1698417-pall.html> (дата обращения: 15.02.2025).
7. Кирилина А. В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия / А. В. Кирилина. – URL: <file:///C:/Users/Нр/Downloads/gender-i-gendernaya-lingvistika-na-rubezhe-tretiego-tysyacheletiya.pdf> (дата обращения: 11.01.2025).
8. Корж В. И. К проблеме суффиксального образования феминитивов в современном французском языке / В. И. Корж, И. В. Скуратов. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-suffiksalnogo-obrazovaniya-feminitivov-v-sovremennom-frantsuzskom-yazyke/viewer> (дата обращения: 08.01.2025).
8. Миретина М. С. Феминизация названий профессий, должностей, титулов и званий на материале франкоязычной прессы (Франция, Бельгия, Швейцария, Квебек) / М. С. Миретина. – URL: <file:///C:/Users/Нр/Downloads/feminizatsiya-nazvaniy-professiy-dolzhnostey-titulov-i-zvaniy-na-materiale-frankoyazychnoy-pressy-frantsiya-belgiya-shveytsariya-kvebek.pdf> (дата обращения: 08.01.2025).
10. Сдобнова Ю. Н. Гендерные аспекты институционального дискурса Вооружённых сил Франции / Ю. Н. Сдобнова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-aspekty-institutsionalnogo-diskursa-vooruzhennyh-sil-frantsii> (дата обращения: 03.01.2025).
11. Таннен Д. Ты меня не понимаешь. (Почему мужчины и женщины не понимают друг друга) / Д. Таннен. – Москва : Вече Персей АСТ, 1996. – 283 с.
12. Толстокорова А. В. Гендерно-чувствительная реформа языка как элемент глобальной социальной политики: опыт международного женского движения / А. В. Толстокорова // Журнал исследований социальной политики. – 2005. – Т. 3, № 1. – С. 87–110.
13. Ульяницкая Л. А. Феминизация языка в социально-политическом пространстве России и Франции / Л. А. Ульяницкая. – URL: <https://discourse.etu.ru/assets/files/diskurs-3-2020-137-154.pdf> (дата обращения: 05.01.2025).
14. Читахова Л. Проблемы феминизации на материале словарей / Л. Читахова, М. Огородов, Н. Селиванова. – URL: <file:///C:/Users/Нр/Downloads/yazykovye-i->

sotsialnye-aspekty-funktsionirovaniya-feminitivov-v-sovremennom-frantsuzskom-yazyke-slovarnoe-issledovanie.pdf (дата обращения: 07.11.2024).

15. Bochnakova Anna. Féminin et féminisation français contemporain / Anna Bochnakova. – URL: <https://www.eer.cz/pdfs/eer/2007/01/06.pdf> (дата обращения 08.01.2021).

16. Dister Anne. De l'ambassadrice à la youtubeuse : ce que disent les dictionnaires de référence sur le féminin des noms d'agents / Anne Dister. – URL: <https://journals.openedition.org/rsp/457?lang=en> (дата обращения: 08.01.2025).

17. Huet Anaïs. Féminiser la langue, ce n'est pas la tordre, c'est revenir à un usage naturel et ancien / Anaïs Huet. – URL: <https://www.europe1.fr/societe/feminiser-la-langue-ce-nest-pas-la-tordre-cest-revenir-a-un-usage-naturel-et-ancien-3862355> (дата обращения: 10.03.2021).

18. La féminisation des noms de métiers, fonctions, grades ou titres – Mise au point de l'Académie française. – URL: <https://www.academie-francaise.fr/actualites/la-feminisation-des-noms-de-metiers-fonctions-grades-ou-titres-mise-au-point-de-lacademie> (дата обращения: 08.01.2021).

19. Langage en tous genres. Le langage non discriminatoire : pourquoi ? – URL: <https://www.unine.ch/epicene/le-langage-non-discriminatoire-pourquoi/> (дата обращения: 10.03.2021).

20. Marie-Jo Mathieu. La Féminisation dans la langue / Mathieu Marie-Jo, Jean-Marie Pierrel. – URL: https://shs.hal.science/halshs00397463/file/La_Feminisation_dans_la_langue.pdf (дата обращения: 05.01.2025).

21. Piron Sophie. Le masculin polémique : contre-argumentaire historique sur le e féminin et les noms de métiers – URL: <https://www.erudit.org/fr/revues/circula/2022-n15-circula09361/1111707ar/> (дата обращения: 07.02.2021).

References

1. Berkutova V. V. *Feminitivy v russkom yazyke: istoricheskiy aspekt = Feminitives in Russian: Historical aspect*. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/feminitivy-v-russkom-yazyke-istoricheskij-aspekt.html> (accessed: 08.01.2025).

2. Berkutova V. B. *Feminitivy v russkom yazyke: lingvisticheskiy aspekt = Feminitives in Russian: Linguistic aspect*. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/feminitivy-v-russkom-yazyke-lingvisticheskiy-aspekt.html> (accessed: 08.01.2025).

3. Bogdanova Ye. A. *Feminizatsiya professii (na primere frantsuzskogo yazyka) = Feminization of profession names (on the example of the French language)*. URL: <file:///C:/Users/Hp/Downloads/feminizatsiya-nazvaniy-professiy-na-primere-frantsuzskogo-yazyka.pdf> (accessed: 15.02.2025).

4. Doza A. *Istoriya frantsuzskogo yazyka = History of the French language*. Ed. by M. S. Gurycheva. Ed. 3rd. Moscow: KomKniga; 2006:472 p.

5. Zhmachenko A. M., Meshcheryakova O. A. *Imenovaniye sotsialnogo i professionalnogo statusa zhenshchiny v sovremennom russkom yazyke = Naming the social and professional status of women in the modern Russian language*. URL: <https://nvjournal.ru/article/34-imenovanie-sotsialnogo-i-professionalnogo-statul/> (accessed: 15.02.2025).

6. Kirilina A. B. *Gender: lingvisticheskiye aspekty = Gender: linguistic aspects*. URL: <https://textarchive.ru/c-1698417-pall.html> (accessed: 15.02.2025).

7. Kirilina A. V. *Gender i gendernaya lingvistika na rubezhe tretogo tysyacheletiya = Gender and gender linguistics at the turn of the third millennium*. URL: <file:///C:/Users/Hp/Downloads/gender-i-gendernaya-lingvistika-na-rubezhe-tretiego-tysyacheletiya.pdf> (accessed: 11.01.2025).

8. Korzh V. I. Skuratov I. V. *K probleme suffiksalnogo obrazovaniya feminitivov v sovremennom frantsuzskom yazyke = On the problem of suffixal formation of feminitives in modern French*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-suffiksalnogo-obrazovaniya-feminitivov-v-sovremennom-frantsuzskom-yazyke/viewer> (accessed: 08.01.2025).

9. Miretina M. S. *Feminizatsiya nazvaniy professiy, dolzhnostey, titulov i zvaniy na materiale frankoyazychnoy pressy (Frantsiya, Belgiya, Shveytsariya, Kvebek) = Feminization of names of professions, positions, titles and ranks based on the French-language press (France, Belgium, Switzerland, Quebec)*. URL: <file:///C:/Users/Hp/Downloads/feminizatsiya-nazvaniy-professiy-dolzhnostey-titulov-i-zvaniy->

na-materiale-frankoyazychnoy-pressy-frantsiya-belgiya-shveysariya-kvebek.pdf (accessed: 08.01.2025).

10. Sdobnova Yu. N. *Gendernyye aspekty institutsionalnogo diskursa Vooruzhennykh sil Frantsii = Gender aspects of the institutional discourse of the French Armed Forces*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyye-aspekty-institutsionalnogo-diskursa-vooruzhennykh-sil-frantsii> (accessed: 03.01.2025).

11. Tannen D. *Ty menya ne ponimayesh. (Pochemu muzhchiny i zhenshchiny ne ponimayut drug druga) = You don't understand me. (Why Men and Women Don't Understand Each Other)*. Moscow: Veche Persey AST; 1996:283 p.

12. Tolstokorova A. V. Gender-sensitive language reform as an element of global social policy: the experience of the international women's movement. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki = Journal of Social Policy Studies*. 2005;3(1):87–110.

13. Ulyanitskaya L. A. *Feminizatsiya yazyka v sotsialno-politicheskom prostranstve Rossii i Frantsii = Feminization of language in the socio-political space of Russia and France*. URL: <https://discourse.etu.ru/assets/files/diskurs-3-2020-137-154.pdf> (accessed: 12.11.2025).

14. Chitakhova L., Ogorodov M., Selivanova N. *Problemy feminizatsii na materiale slovarey = Problems of feminization based on the material of dictionaries*. URL: <file:///C:/Users/Hp/Downloads/yazykovye-i-sotsialnye-aspekty-funktsionirovaniya-feminitivov-v-sovremennom-frantsuzskom-yazyke-slovarnoe-issledovanie.pdf> (accessed: 07.02.2021).

15. Bochnakova Anna. *Femininity and Feminization in Contemporary French*. URL: <https://www.eer.cz/pdfs/eer/2007/01/06.pdf> (accessed: 08.01.2021).

16. Dister Anne. *From Ambassador to YouTuber: What the Reference Dictionaries Say About the Feminine Forms of Agents' Nouns*. URL: <https://journals.openedition.org/rsp/457?lang=en> (accessed: 15.02.2021).

17. Huet Anaïs. *Feminizing language isn't about twisting it, it's about returning to a natural and ancient usage*. URL: <https://www.europe1.fr/societe/feminiser-la-langue-ce-nest-pas-la-tordre-cest-revenir-a-un-usage-naturel-et-ancien-3862355> (accessed: 10.03.2021).

18. *The feminization of job titles, functions, ranks, and titles – Update from the Académie française*. URL: <https://www.academie-francaise.fr/actualites/la-feminisation-des-noms-de-metiers-fonctions-grades-ou-titres-mise-au-point-de-lacademie> (accessed: 08.01.2021).

19. *Language of all kinds. Non-discriminatory language: why?* URL: <https://www.unine.ch/epicene/le-langage-non-discriminatoire-pourquoi/> (accessed: 10.03.2021).

20. Mathieu Marie-Jo, Jean-Marie Pierrel. *Feminization in language*. URL: https://shs.hal.science/halshs00397463/file/La_Feminisation_dans_la_langue.pdf (accessed: 05.01.2025).

21. Piron Sophie. *The polemical masculine: historical counter-argument on the feminine e and job titles*. URL: <https://www.erudit.org/fr/revues/circula/2022-n15-circula09361/1111707ar/> (accessed: 07.02.2021).

Информация об авторе

И. А. Френкель – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

I. A. Frenkel – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.03.2025; одобрена после рецензирования 04.04.2025; принята к публикации 08.04.2025.

The article was submitted 10.03.2025; approved after reviewing 04.04.2025; accepted for publication 08.04.2025.

Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 73–79.
Humanitarian Researches. 2025;1(93):73–79.

Научная статья
УДК: 81'373=161.=516.16

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ ВОЗРАСТА
В РУССКОЙ И ТУРКМЕНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КАРТИНАХ МИРА**

Пиримкул Бахадурович Хасанов

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
pirim.hasanov@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема концептуализации понятия «возраст» в русской и туркменской культурах и искусстве. К работе над проблемой привлекаются данные из области лингвокультурологии, которая представляет собой междисциплинарную область исследований, объединяющую лингвистические и культурологические аспекты, а также когнитивной лингвистики, объектом которой становятся универсальные и культуроспецифические концепты. В процессе исследования использовались сравнительный и описательный методы. Особое внимание уделяется устойчивым выражениям, которые отражают в семантике процесс старения, а также связанные с ним физические и социальные аспекты жизнедеятельности. В целях изучения фразеологических единиц, в которых вербализуется возраст, уточняется понятие национальной языковой картины мира, а также факторы, обуславливающие универсальные черты и национально-культурную специфику, в частности искусство. Показано, что в обеих культурах старость воспринимается как время мудрости и опыта, а также как физическое ограничение. Исследование проливает свет на общие черты и различия в представлениях о возрасте в русской и туркменской культурах и выявляет, как уважение к старшим поколениям передаётся в соответствующих языковых пространствах. Концептуализация возраста рассматривается на примере паремий, пословиц и идиом, которые сравнивают молодость и старость и подчёркивают роль пожилых людей в обществе.

Ключевые слова: возраст, фразеологизм, русский язык, туркменский язык, пословицы, идиомы, мудрость, уважение к пожилым людям, культура речи

Для цитирования: Хасанов П. Б. Концептуализация понятия возраста в русской и туркменской художественных картинах мира // Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 73–79.

Original article

**CONCEPTUALIZATION OF THE CONCEPT OF AGE
IN RUSSIAN AND TURKMEN ART PAINTINGS OF THE WORLD**

Pirimkul B. Khassanov

Kuban State University, Krasnodar, Russia, pirim.hasanov@bk.ru

Abstract. The article discusses the problem of conceptualizing the concept of “age” in Russian and Turkmen culture and art. The work on the problem involves data from the field of linguoculturology, which is an interdisciplinary field of research that combines linguistic and cultural aspects, as well as cognitive linguistics, which focuses on universal and culture-specific concepts. Comparative and descriptive methods were used in the research process. Special attention is paid to stable expressions that reflect in semantics the aging process, as well as the physical and social aspects of life related to it. In order to study the phraseological units in which age is verbalized, the concept of the national linguistic picture of the world is clarified, as well as the factors that determine universal features and national and cultural specifics, in particular, art. It is shown that in both cultures old age is perceived as a time of wisdom and experience, as well as as a physical limitation. The study sheds

light on the common features and differences in age perceptions in Russian and Turkmen cultures and reveals how respect for older generations is transmitted in the respective linguistic spaces. The conceptualization of age is examined by the example of proverbs, idioms and idioms that compare youth and old age and emphasize the role of older people in society.

Keywords: age, phraseology, Russian language, Turkmen language, proverbs, idioms, wisdom, respect for older people, culture of speech.

For citation: Khassanov P. B. Conceptualization of the concept of Age in Russian and Turkmen art paintings of the world. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2025;1(93):73–79 (In Russ.).

Концепция возраста является основополагающей темой как в литературе, так и в искусстве. Способы представления возраста отражают социальные, культурные и философские перспективы данного общества. Данное исследование посвящено концептуализации понятия возраста в художественных мировоззрениях русской и туркменской культур, в частности через призму их художественных образов, символов и репрезентаций. Понятие возраста охватывает не только физический процесс старения, но и культурные, эмоциональные и интеллектуальные элементы, связанные с различными этапами жизни. Понимание того, как понятие возраста воплощается в искусстве, даёт глубокое представление о ценностях, приоритетах общества и понимании человеческого опыта [21, с. 41].

Это исследование особенно важно, поскольку оно показывает, как русские и туркменские художественные традиции выработали свои уникальные способы изображения эпохи, установления связей между визуальными и символическими репрезентациями и отражения культурных ценностей, связанных с разными этапами жизни. Изучение концептуализации возраста в этих традициях раскрывает значение возраста в формировании идентичности и интерпретации человеческого опыта на протяжении веков.

В данном исследовании используется сравнительная и описательная методология для изучения концептуализации возраста в русском и туркменском искусстве. В исследовании анализируются культовые произведения искусства, включая картины, скульптуры и традиционные визуальные образы, а также литературные источники, в которых обсуждаются темы, связанные с возрастом. Источники были отобраны из широкого спектра произведений русского и туркменского искусства, от традиционного народного творчества до современных визуальных произведений, при этом особое внимание было уделено тому, как представлена и символизируется эпоха. Сравнительный анализ также учитывает исторический, социокультурный и лингвистический контекст, в котором было создано произведение искусства. Как качественные, так и количественные методы используются для оценки частоты возрастных репрезентаций, визуальных признаков, указывающих на возраст, и того, насколько эти репрезентации различаются или совпадают в двух культурах.

В русском искусстве возраст часто изображается через контрасты молодости и старости, подчёркивая цикличность жизни [10, с. 206]. Русское народное искусство, особенно в его традиционной иконографии, часто делает акцент на мудрости и достоинстве старости. Пожилые люди, такие как старцы и святые, часто изображаются с глубоким выражением лица, что часто символизирует их жизненный опыт и духовную мудрость [13, с. 71]. Пожилые люди почитаются во многих произведениях русского искусства, являясь символами преемственности и нравственной целостности [16, с. 156]. Постоянной темой является визуальное отображение возраста через морщины, осанку и одежду с особым акцентом на связь между старостью и мудростью. В контексте русской литературы и визуальной культуры пожилые люди часто изображаются как мудрые, направляющие фигуры, которые передают знания молодому поколению. Их изображения часто проникнуты чувством уважения,

что наводит на мысль о том, что возраст – это не просто биологический факт, но и глубокий культурный символ. Одной из ключевых особенностей русского изобразительного искусства является использование света и тени, когда пожилые персонажи часто кажутся залитыми мягким, неземным светом, символизирующим их мудрость. Напротив, молодые фигуры часто изображаются более яркими, энергичными красками, символизирующими жизненную силу и энергию молодости [4, с. 42].

В туркменской культуре возраст также играет важную роль в изображении человеческих фигур, хотя часто акцент делается на уважении к старшим [3, с. 43]. Туркменское искусство, испытавшее глубокое влияние традиций Центральной Азии, представляет возраст в несколько ином свете, чем русское искусство. В то время как русские изображения, как правило, акцентируют внимание на контрасте между молодостью и возрастом, туркменское искусство чаще рассматривает возраст как неотъемлемую часть культурной идентичности, особенно в контексте того, что старшие рассматриваются как хранители традиций и мудрости [7, с. 87].

В туркменском изобразительном искусстве старейшины часто изображаются в традиционной одежде и с такими признаками возраста, как седые волосы и бороды, символизирующими их связь с мудростью и знаниями предков [9, с. 167]. Туркменское искусство не идеализирует молодёжь в такой степени, как русское, а скорее представляет возраст как естественную часть жизни. На многих туркменских картинах пожилые люди изображены на фоне пейзажей, что свидетельствует о гармонии между возрастом и миром природы [5]. Пожилые люди рассматриваются как неотъемлемые члены общества, которые руководят не только словами, но и самим своим присутствием и участием в повседневной жизни. Другим важным аспектом туркменского искусства является частое использование животных, особенно лошадей, в изображениях пожилых людей [4, с. 7]. Это символизирует глубокую связь между пожилыми людьми и природой, где старость рассматривается как время размышлений и духовной связи с родной землей. Туркмены, известные своей культурой верховой езды, часто изображают пожилых людей верхом на лошадях или в окружении них, что символизирует силу, выносливость и жизненный опыт [19, с. 55].

Анализ материала показывает, что несмотря на культурные различия, и русское, и туркменское искусство объединяет преклонение перед мудростью, которая приходит с возрастом. Обе традиции признают, что возраст – это не просто физическое состояние, а метафора накопления опыта и знаний. В обеих культурах пожилые люди часто изображаются как символы преемственности и стабильности, а их опыт передаётся будущим поколениям. Общим визуальным мотивом в обеих культурах является изображение пожилых людей в безмятежных, созерцательных позах, часто на фоне, подчёркивающим течение времени. Например, как в русском, так и в туркменском искусстве фигуры пожилых людей изображены в окружении природных элементов, таких как деревья или текущие реки, что символизирует течение времени и цикличность жизни.

Универсальным признаком можно считать тот факт, что и в русском, и в туркменском искусстве подчёркивается взаимосвязь между возрастом и идентичностью. В русской культуре возраст часто ассоциируется с понятием «русской души», а пожилые люди олицетворяют нравственное и духовное начало нации. Эта связь между возрастом и культурной идентичностью усиливается символическим использованием возраста в русском искусстве как способа иллюстрации национального характера и коллективной мудрости.

В туркменской культуре пожилые люди рассматриваются как живое воплощение истории и традиций. Возраст – это признак принадлежности и культурной преемственности, поскольку пожилые люди хранят не только личный

опыт, но и коллективную память туркменского народа. Искусство, в котором представлены пожилые люди, часто изображает их как носителей культурных знаний, связывающих поколения и сохраняющих истории и мудрость прошлого.

Анализ фразеологизмов, связанных с понятием «старость» в русской и туркменской культурах, выявил как сходства, так и различия в восприятии старости. Обе культуры выражают через свои устойчивые выражения важность старости как этапа жизни, который несёт в себе не только физические изменения, но и моральную и культурную ценность [18, с. 47]. В русском языке устойчивые выражения, связанные со старостью, часто ассоциируются с физическими признаками старения или приближением смерти [5, с. 216]. Например, выражение «старость не радость» подчёркивает трудности, с которыми человек сталкивается в зрелом возрасте [8, с. 267]. Ещё одна фраза – «седина в голову, а бес в ребро» – подчёркивает физический признак старости (седые волосы), но также добавляет элемент жизненной силы и энергии, несмотря на старение. Более того, в русском языке старость часто противопоставляется молодости. Выражение «молодость – не оправдание» можно истолковать как напоминание о том, что, несмотря на физическую силу и энергию молодости, опыт и мудрость, которые приходят с возрастом, бесценны. Молодые часто допускают ошибки, но их незнание не служит оправданием для них именно потому, что они не воспользовались советами стариков. Точно так же фраза «старый конь борозды не испортит» подчёркивает ценность пожилых людей и их жизненного опыта [1, с. 60].

В туркменском языке фразеология также богата выражениями, которые подчёркивают значимость старости как периода мудрости и опыта. Такие выражения, как “*ýaşularyň ýaşauşy öňdengiden gelyän baýlykdyr*” («старость – это сокровище жизни»), подчёркивают уважение к пожилым людям и накопленным ими знаниям. Ещё одна идиоматическая фраза, “*garrylyk – ýaşauşyňyzyň baýlugu*” («старость – это богатство жизни»), подчёркивает идею о том, что старость – это не просто стадия упадка, а этап, наполненный бесценным опытом и уроками.

В процессе исследования мы пришли к важному выводу о том, что и в русской, и в туркменской лингвокультурах выражается уважение к пожилым людям, но по-разному [11, с. 200]. В то время как русские выражения, как правило, больше акцентируют внимание на физических, а иногда и негативных аспектах старения, туркменские выражения прославляют мудрость и уважение, которые приходят со старостью.

Кроме того, в обоих языках есть несколько идиом, которые подчёркивают контраст между молодостью и старостью. Например, русское выражение «молодость буйная, старость кроткая» и туркменский эквивалент “*ýaşlyk güýçli, garrylyk akyly*” («в молодости есть сила, в старости – мудрость») показывают, как оба поколения привносят в общество разные, но дополняющие друг друга качества. “*Ýaşularyň söýgüsini hormatla*” («уважайте любовь пожилых людей») – это выражение отражает универсальную ценность опыта и знаний, которые пожилые люди привносят в общество [23, с. 10].

Среди лексических единиц, репрезентирующих градации анализируемого концепта, назовем также: *irki çagalık ýaşu* / ранний младенческий возраст, *mekdebe çenli ýaş* / дошкольный возраст, *mekdep ýaşu* / школьный возраст, *kämillik ýaşuna yetmedik* / несовершеннолетний возраст, *kämillik ýaşu* / совершеннолетний возраст, *ýetginjeklik ýaşu* / подростковый возраст, *orta ýaş* / средний возраст, *ýigitlik ýaşu* / зрелый возраст, *gartaňlyk ýaşu* / старческий возраст, *ruhubelentlik ýaşu* / почтенный возраст, *konstitusiýa ýaşu* / конституционный возраст, *juwanlyk ýaşu* / молодой, юный возраст и т. д. В деривационное поле ключевого слова входят словосочетания *ýaşuly* / почтенный человек, *ýaşkıcı* / младший по возрасту, *ýaşu ýeten* / достигший к определённому возрасту, *ýaşdaş* / ровесники, *ýaş* / молодой, малолетний, *ýaşlykdan* / с малых лет,

ýaşlyk / молодость, ýaş bermek / определить возраст (по внешнему виду), ýaş tarawudy / разница в возрасте и т. д. Традиция уважительно относится к старшим по возрасту нашла отражение в следующих пословицах: uly ýaşlyny sylamak, kiçi ýaşlyny söýmek / уважать взрослых, любить младших; edebiý ýagşysy ulyny sylamak / лучшая манера уважать старших. “Uly ýaşly başlar, kiçi ýaşly işlär” («Начинают взрослые, продолжают младшие») – смысл данной пословицы заключается в том, что если начинаешь какое-либо дело с одобрения старших, то получишь хорошие результаты, или если продолжаешь дела старших, у тебя будет всё благополучно [22, с. 21].

Концептуализация возраста в русской и туркменской художественных традициях раскрывает как общие, так и различные культурные перспективы. Обе традиции подчёркивают мудрость и достоинство возраста, а пожилые люди символизируют преемственность, уважение и знания. Однако русское искусство стремится подчеркнуть контраст между молодостью и возрастом, в то время как туркменское искусство интегрирует возраст как неотъемлемую часть культурной идентичности. Почитание старших и их мудрость являются общей чертой обеих культур, а возраст рассматривается как метафора накопленного опыта и связи с миром природы. Благодаря художественному изображению возраста представители русской и туркменской культур дают представление о том, как возраст формирует культурную идентичность, ценности и культурное взаимопонимание, демонстрируя, что понятие возраста выходит за рамки простой биологии и становится важным символом в изображении человеческой жизни.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта, Наука, 2005. – 416 с.
2. Алпатов В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 15–26.
3. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
4. Арзамасцева И. О концепции «детство» в древнеримской литературе / И. Арзамасцева // Развитие личности. – 2004. – № 1. – С. 42–61.
5. Арьес Ф. Возрасты жизни / Ф. Ариес // Философия и методология истории. – Москва : Прогресс, 1977. – С. 216–245.
6. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва, 1999. – 896 с.
7. Асанов И. Послесловие / И. Асанов // Даль В. И. Пословицы русского народа : в 3 т. – Москва, 1993. – С. 86–89.
8. Аскольдов С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – Москва, 1997. – С. 267–279.
9. Афанасьев Ю. Память, история / Ю. Афанасьев // 50/50: Опыт словаря нового мышления. – Москва, 1989.
10. Афиногентова О. А. Владимир Даль и филология второй половины XIX – начала XX в. / О. А. Афиногентова // Владимир Даль и современная филология : в 2 т. – Н. Новгород, 2001. – Т. 1. – С. 206–210.
11. Ашхарова А. Т. Концепт «Дитя» в русской языковой картине мира / А. Т. Ашхарова. – Архангельск, 2002.
12. Бабкин А. М. Толковый словарь В. И. Даля / А. М. Бабкин // Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля : в 4 т. – Москва, 1955. – Т. 1. – С. III–X.
13. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – Москва, 1961.
14. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М. М. Бахтин // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – Москва, 1997. – С. 227–244.
15. Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов / Б. Х. Бгажноков. – Нальчик, 1983. – 229 с.

16. Бернштам Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве / Т. А. Бернштам. – Санкт-Петербург, 2000. – 398 с.
17. Бессараб М. Владимир Даль / М. Бессараб. – Москва, 1972. – 288 с.
18. Бобунова М. А. Словарь В. И. Даля и словарь языка русского фольклора / М. А. Бобунова // В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – самосознание – культура : в 2 ч. – Иваново, 2001. – Ч. 1. – С. 47–49.
19. Богатова Г. А. Эволюция внеязыковых связей слова и историческая лексикография (Постноминационная часть словарной статьи) / Г. А. Богатова // Вопросы языкознания. – 1981. – № 6. – С. 50–62.
20. Богатова И. Ю. Определение понятий значение и смысл в толковых и терминологических словарях / Г. А. Богатова // Владимир Даль и современная филология : в 2 т. – Н. Новгород, 2001. – Т. 1. – С. 40–43.
21. Валяйбоб А. В. Базовые характеристики лингвокультурного типажа «блогер» в сознании молодого поколения носителей русской лингвокультуры / А. В. Валяйбоб // Гуманитарные исследования. – 2024. – № 3 (91). – С. 17–22.
22. Ниязов С. Рухнама / С Ниязов. – Ашхабад : Ылым, 2001. – 34 с.
23. Туркменские пословицы и поговорки. – Ашхабад : Гюнеш, 2017. – 12 с.

References

1. Alefirenko N. F. *Sovremennyye problemy nauki o yazyke = Modern Problems of Language Science*. Moscow: Flinta, Nauka; 2005:416 p.
2. Alpatov V. M. On the Anthropocentric and Systemocentric Approaches to Language. *Voprosy yazykoznaniiya = Questions of Linguistics*. 1993;3:15–26.
3. Apresyan Yu. D. The Image of Man Based on Language Data: An Attempt at a Systemic Description. *Voprosy yazykoznaniiya = Questions of Linguistics*. 1995;1:37–67.
4. Arzamastseva I. On the Concept of “Childhood” in Ancient Roman Literature. *Razvitiye lichnosti = Personality Development*. 2004;1:42–61.
5. Aries E. Ages of life. *Filosofiya i metodologiya istorii = Philosophy and methodology of history*. Moscow: Progress; 1977:216–245.
6. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka = Language and the world of man*. Moscow; 1999:896 p.
7. Asanov I. Afterword. *Dal V. I. Poslovitsy russkogo naroda: v 3 tomakh = Dal V. I. Proverbs of the Russian people: in 3 vols*. Moscow; 1993:86–89.
8. Askoldov S. A. Concept and word. *Russkaya slovesnost. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya = Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology*. Moscow; 1997:267–279.
9. Afanasev Yu. Memory, history. *50/50: Opyt slovarya novogo myshleniya = 50/50: Experience of the dictionary of new thinking*. Moscow; 1989.
10. Afinogentova O. A. Vladimir Dal and philology of the second half of the 19th – early 20th centuries. *Vladimir Dal i sovremennaya filologiya: v 2 tomakh = Vladimir Dal and modern philology: in 2 vols*. Nizhniy Novgorod; 2001;1:206–210.
11. Ashkharova A. T. *Kontsept “Ditya” v russkoy yazykovoy kartine mira = The concept of “Child” in the Russian linguistic picture of the world*. Arkhangelsk; 2002.
12. Babkin A. M. Explanatory Dictionary of V. I. Dal. *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka Vladimira Dalya: v 4 tomakh = Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl: in 4 vols*. Moscow; 1955;1:III–X.
13. Balli Sh. *Frantsuzskaya stilistika = French Stylistics*. Moscow; 1961.
14. Bakhtin M. M. The Problem of Text in Linguistics, Philology, and Other Humanities. *An Essay on Philosophical Analysis. Russkaya slovesnost. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya = Russian Literature. From the Theory of Literature to the Structure of the Text. Anthology*. Moscow; 1997:227–244.
15. Bgazhnokov B. Kh. *Ocherki etnografii obshcheniya adygov = Essays on the Ethnography of Adyghe Communication*. Nalchik; 1983:229 p.
16. Bernshtam T. A. *Molodost v simbolizme perekhodnykh obryadov vostochnykh slavyan: Uchenie i opyt Tserkvi v narodnom khristianstve = Youth in the Symbolism of the Transitional Rites of the Eastern Slavs: The Teaching and Experience of the Church in Popular Christianity*. St. Peterburg; 2000:398 p.
17. Bessarab M. *Vladimir Dal*. Moscow; 1972:288 p.
18. Bobunova M. A. Dictionary of V. I. Dal and the Dictionary of the Language of Russian Folklore. *V. I. Dal v paradigme idey sovremennoy nauki: yazyk – slovesnost – samosoznanie – kultura: v 2 chastyakh = V. I. Dal in the Paradigm of Ideas of Modern*

Science: Language – Literature – Self-Awareness – Culture: in 2 parts. Ivanovo; 2001;1: 47–49.

19. Bogatova G. A. Evolution of extralinguistic connections of a word and historical lexicography (Post-nomination part of a dictionary entry). *Voprosy yazykoznaniiya = Questions of Linguistics.* 1981;6:50–62.

20. Bogatova I. Yu. Definition of the concepts of meaning and sense in explanatory and terminological dictionaries. *Vladimir Dal i sovremennaya filologiya: v 2 tomakh = Vladimir Dal and modern philology: in 2 vols.* Nizhniy Novgorod; 2001;1:40–43.

21. Valyaybob A. V. Basic characteristics of the linguocultural type “blogger” in the minds of the young generation of carriers of Russian linguoculture. *Gumanitarnye issledovaniya = Humanitarian studies.* 2024;3(91):17–22.

22. Niyazov S. *Rukhnama.* Ashkhabad: Ylym; 2001:34 p.

23. *Turkmenские пословицы и поговорки.* Ashkhabad: Gyunesh; 2017:12 p.

Сведения об авторе

П. Б. Хасанов – аспирант.

Information about the author

P. B. Khassanov – postgraduate student.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 01.03.2025; принята к публикации 15.03.2025.

The article was submitted 10.02.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 80–90.
Humanitarian Researches. 2025;1(93):80–90.

Научная статья
УДК 811.161.1'373.21:2 (470.6)

**ФОРМИРОВАНИЕ ЛУГАНСКИХ АГИОНИМОВ-ОЙКОНИМОВ
КАК ЧАСТИ РУССКОГО САКРАЛЬНОГО ОНОМАСТИКОНА**

Оксана Владимировна Шкуран

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва,
Россия, oksana.shkuran@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0063-464X>

Аннотация. Предметом исследования выбраны национально-культурные особенности агониимов-ойкониимов Среднего Подонцовья, зафиксированные в этнографическом сборнике «Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии. Очерки по этнографии края» (1898), монографии «Исторические аспекты топонимов Луганщины» (2003), которые в диахронии иллюстрируют национально-культурные особенности ойкониимов Луганщины. Изначально поселения назывались слободами, позже – сёлами, посёлками, городами, которые в большей степени сохранили православный смысл ойкониимов. Цель работы – классификация агониимов-ойкониимов Среднего Подонцовья, содержащих религиозный сакральный смысл и названных в честь святых, церковных праздников. Методами исследования выбраны метод лингвистического описания, сбор, обработка и интерпретация материала; этимологический метод. Результаты работы могут быть использованы для составления более подробного историко-лингвистического описания агониимов-ойкониимов всех российских регионов, которые содержат сакральный смысл и отображают национально-культурные особенности топонимического словаря России; при проведении лингвокраеведческой работы в образовательных организациях. Ойкониимы Среднего Подонцовья прошли несколько этапов онимизации, названия с религиозным содержанием населённые пункты получили в дореволюционный период. Такая тенденция характерна для российских ойкониимов, поэтому Среднее Подонцовье Луганщины – это исконно российская этноязыковая и культурологическая территория, обладающая некоей целостностью, заселённая в разные исторические периоды и сохраняющая опыт религиозной православной жизни предыдущих поколений.

Ключевые слова: агониим, ойкониим, лингвокультурологическое поле, сакральный смысл, Луганщина, культурно-национальные особенности, Среднее Подонцовье

Для цитирования: Шкуран О. В. Формирование луганских агониимов-ойкониимов как части сакрального ономастикона // Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 80–90.

Original article

**FORMATION OF LUGANSK HAGIONYMS-OIKONYMS
AS PART OF THE RUSSIAN SACRED ONOMASTICON**

Oksana V. Shkuran

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow,
Russia, oksana.shkuran@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0063-464X>

Abstract. The subject of the study is the national and cultural features of the hagonyms of the Middle Donets region, recorded in the ethnographic collection “The Life and work of peasants of Kharkov province. Essays on the ethnography of the region” (1898), monographs “Historical aspects of the toponyms of the Luhansk region” (2003), which diachronically illustrate the national and cultural features of the oikonyms of the Luhansk region. Initially, settlements were called settlements, later villages, towns, and cities, which largely preserved the Orthodox meaning of oikonyms. The purpose of the work is to classify

hagionyms-oikonoms of the Middle Eastern region, containing a religious sacred meaning and named after saints, church holidays. The research methods chosen are the method of linguistic description, collection, processing and interpretation of material; etymological method. The results of the work can be used to compile a more detailed historical and linguistic description of hagionyms-oikonoms of all Russian regions, which contain a sacred meaning and reflect the national and cultural features of the toponymic dictionary of Russia.; when conducting linguistic and local history work in educational organizations. The oikonoms of the Middle Donets Region went through several stages of onymization, and localities received names with religious content in the pre-revolutionary period. This trend is typical for Russian oikonoms, therefore, the Middle Eastern region of the Luhansk region is a native Russian ethnolanguage and cultural territory with a certain integrity, inhabited in different historical periods and preserving the experience of religious legal life of previous generations.

Keywords: hagionym, oikonym, linguistic and cultural field, sacred meaning, Luhansk region, cultural and national peculiarities, Middle Eastern region

For citation: Shkuran O. V. Formation of Lugansk Hagionyms-oikonoms as Part of the Sacred Onomasticon. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2025;1(93):80–90 (In Russ.).

Интегрированный подход в изучении языковых явлений динамично развивается на стыке лингвистики и истории, географии, культурологии, что в конечном итоге формирует новую методологию. Не является исключением и ономастика, изучающая собственные имена географических и других объектов и получившая статус научной дисциплины с 30-х годов XX века. В России появление ономастики связывают с выходом в свет статьи А. Х. Востокова «Задача любителям этимологии» (1912), призывающая к изучению и систематизации топонимических объектов Российской империи, на год позже в статье Е. Болховитинова «О личных собственных именах славяноросов» (1913) проанализированы христианские, народные, природные имена и отчества. Выход в свет словаря Н. М. Тупиковой «Словарь древнерусских личных собственных имён» (1903) показал необходимость изучения собственных имен в лингвистике, что к концу XIX века дало толчок для дальнейших ономастических исследований в российской науке.

Вклад в развитие современной ономастики внесли ряд российских учёных: В. Д. Бондалетов, А. А. Бурыкин, М. В. Горбаневский, Г. Ф. Ковалёв, И. В. Крюкова, М. Л. Лаптева, В. А. Никонов, Н. В. Подольская, Т. П. Романова, А. В. Суперанская, В. И. Супрун, Л. В. Успенский, Т. В. Шмелева и др., в развитие ономастики Донбасса: В. И. Высоцкий, К. И. Красильников, В. И. Мозговой, Е. С. Отин, В. И. Подов и др.

Современная ономастика имеет ряд разделов, которые изучают различные собственные имена (антропонимы, дромонимы, зоонимы, космонимы, ойконимы, оронимы, теонимы, топонимы, хрематонимы и др.), их языковую, историческую принадлежность, структуру, площадь территории и пр. В 70-х годах XX века Н. В. Подольская вводит термин *агионим* – имя святого [11, с. 26], а И. В. Бугаева уточняет и конкретизирует этот термин, как «имя объектов, на которых почивает благодать Божия или святость через чин прославления или освящение», и определяет агиоантропоним как «аппелятивно-антропонимический комплекс, служащий для номинации прославленных христианских святых» [2, с. 9].

Цель нашего исследования – проанализировать национально-культурные особенности агионимов-ойконимов Среднего Подонцовья, образованных от религиозных наименований в диахроническом срезе.

Ойконимы представляют совокупность названий городов (астионимов) и названий сельских поселений (комонимов). Наиболее ценным в исследовании ойконимического пространства является происхождение населённых пунктов с религиозным смыслом, а в нашем случае – ойконимов Среднего Подонцовья Луганщины. Они запечатлили духовный этап структуризации

Древнерусского государства (X–XVII вв.), он «регламентировался церковью, которая контролировала незыблемость принципов православия при помощи единой системы имянаречения, сплотившей общество идеей созидания» [8, с. 51]. В её основе лежали незыблемые каноны, изложенные в Библии и Евангелии, которые обеспечивали неприкосновенность собственных имён и устойчивость форм их презентации в языке. «В православии это относилось не только к личным именам (Иоанн, Пётр, Мария), но и к топонимам. В названиях Санкт-Петербург, Николаев, Павловск, Елисаветград фиксировались чаще всего не царствующие особы, а именник соответствующих святых, благодаря которым объект приобретал духовного покровителя» [8, с. 53–54].

Агионимами-ойконимами мы называем названия городов, сёл, посёлков, которые происходят от наименований религиозных святых (высших сил, культовых действий, святых людей и др.) и сохранили своё первоначальное происхождение.

Русским сакральным ономастиком мы называем населённые пункты, сохранившие в имянаречениях фрагмент традиционной языковой картины мира русского человека с «ключевыми языковыми единицами с сакральной семантикой, логосом, соединяющем в себе слово, понятие и смысл» [16, с. 137]; «включающие фоновые знания, полученные при соприкосновении с религиозной верой» [15, с. 338].

Агионимы-ойконимы – структурированное название города, слободы, села или посёлка религиозного содержания с целостными и обобщёнными представлениями о позитивном отношении русского человека к православию.

Для более детального изучения ойконимов мы взяли этнографический сборник «Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии. Очерки по этнографии края» под редакцией В. В. Иванова (1898), в котором отображены названия созданных сорока двух населённых пунктов, относящихся к нынешней территории Луганщины (сейчас на административной карте Луганщины расположено 975 городов, посёлков, сёл). Начиная с конца XVII века территория Среднего Подонцовья (ранее Старобельский уезд Харьковской губернии) заселялась русским, украинцами, сербами, хорватами, волохами и другими народностями, объединёнными одним вероисповеданием – православием. Количество православных храмов в Старобельском уезде увеличивалось, приходы управлялись Белгородскими архипастырями. Часто запорожские казаки создавали походные палаточные церкви. К ним назначались священники, которые удовлетворяли «духовные нужды и религиозные потребности казаков, следовавших из Запорожской Сечи на Дон» [7]. По статистике, к 1897 году православие исповедовали 70 % населения, к 1917 году на Луганщине действовало около 300 храмов. В самом Луганске проживало 34 тыс. жителей, по результатам переписи населения, 24 тыс. были православного вероисповедания. Православие принимали представители других конфессий, напр. В. И. Даль, И. А. Тиме, Г. Д. Кальве, Я. Нилус, Ф. Фелькнер и др., среди которых встречается немало известных имён.

Как раз в это время Харьковский губернский статистический комитет обратился к народным учителям по вопросу сбора этнографического материала, который был успешно напечатан в 1898 году 1012-страничным изданием. Авторы обосновывают названия слобод, которые чаще были связаны с географическими особенностями, именем первого поселенца или по имени святого, в честь которого был построен храм. Но даже название поселения не всегда отображало тот религиозный уклад жизни крестьян, которые соблюдали церковные правила православного человека.

Все ойконимы с сакральным смыслом, расположенные у берегов Среднего Подонцовья, можно разделить по понятийно-тематическому признаку, что даёт возможность систематизировать по смысловому сходству, увидеть

особенности религиозных ойконимов, входящих в общее лингвокультурологическое поле:

- с компонентами «Бог», «благо», «Богородица», «Христос»: Благовка, Благодатное, Богородицкое, Христовое (ранее д. Крестовая);
- с компонентом «Троица»: Троицкое;
- с компонентами, называющими православные праздники: Благовещенка, Верхняя и Нижняя Покровка, Нижнепокровка, Новопокровка, Новопрераженное, Новоспасовка, Покровка, Покровское, Прераженное, Успенка, Юрьевка;
- с именами библейских пророков и царей: Ильинка; Давыдовка (первые поселенцы прибыли из Вознесенской Давидовой пустыни Московского уезда);
- с именами апостолов: Новопавловка, Павловка, Павлоград, Першозвановка, Петровка, Петро-Николаевка;
- с именами особо почитаемых святых: Александровка, Алексеевка, Малоалександровка, Малониколаевка, Варваровка, Владимировка, Давыдово-Никольское, Дмитровка, Невское, Лозно-Александровка, Николаевка, Никольское, Новоалександровск, Новоалександровка, Новоандреевка, Новоникольское, Михайловка;
- с компонентом «рай»: Раёвка, Рай-Александровка, Райгородка;
- с компонентами, называющими церковные саны священнослужителей: Дьяково, Поповка, Червонопоповка.

Поскольку религиозное прошлое многих населённых пунктов Луганщины прошло процедуру революционной цензуры (этап вторичной онимизации), то иногда сложно в архивных материалах найти правдивую информацию о происхождении названия. Например, посёлок Благовка имеет две официальные версии происхождения (первоначальное название – Харитоновка – в честь первого владельца хутора, полковника войска Донского И. А. Харитонова, народное название – Благое): 1) хутор вырос на каменистых хрящевых землях, то есть благих, неплодородных; 2) в честь болящей жены священника, поскольку имела слабое здоровье [6]. «СРЯ» так объясняет значение лексемы *благой* – ‘устар. хороший, добрый’; ‘сумасбродный, взбалмошный, блажной’ [12, с. 94], поэтому вызывает сомнение объяснение данного ойконима на официальном сайте г. Ровеньки. Возможно, авторы новой истории происхождения посёлка Благовка имели в виду дериват *блаженный* во втором значении ‘глуповатый, чудаковатый (первоначально юридический)’ [12, с. 96]. В «Православной энциклопедии» *блаженный* имеет несколько значений: (греч. μακάριος, макарис – счастливый, благоденствующий, блаженный) – 1) святой, прославившийся подвигом юродства Христа ради; 2) наименование, прилагательное к некоторым святым, не связанное с подвигом юродства (блаженный Иероним, блаженный Феодорит Кирский и др.); 3) прилагательное, дополняющее титул глав некоторых Поместных Церквей и митрополитов; 4) человек, ведущий праведную жизнь перед Богом (Пс.1:1). Можно предположить, что название поселка имеет религиозное происхождение и связано с понятием «благой, блаженный» [13].

С целью завуалировать глубокий религиозный смысл, заложенный в названиях сёл, приходилось из идеологических соображений их видоизменять, например, село Першозвановка (вместо Первозвановка) названо после открытия храма в честь святого Андрея Первозванного священником Иоанном Кияницей (1883). Святой был одним из апостолов Иисуса Христа и призван был нести христианское вероучение язычникам на Восток. До сих пор ведутся споры по поводу его прихода на русские земли, но это не остановило православных христиан строить храмы в его честь, иметь главный корабельный кормовой флаг Российского флота с изображением Андреевского креста (с 1992 г.). Поселение Первозвановка было основано в 1766 г. генерал-майором Н. Е. Шевичем и заселено русскими, украинцами, сербами,

хорватами, волохами и др. Жители села до сих пор сохраняют православные традиции, поэтому на территории села действует Свято-Андреевский мужской монастырь.

Постройка православных храмов на территории слобод выполняла интегрирующую роль и, по мнению историков, смешивала прибывшее население с основной массой донского и запорожского казачества. Кроме этого, раскольническая оригинальная система вероучения старца Феодосия сначала несла разрушающую роль Русской православной церкви, а, с другой стороны, неустойчивость религиозного сознания и неразборчивость в вере неграмотных казаков, популяризация старообрядчества со временем приобрела мирное сосуществование и не вызывало угрозы Московскому государству, поскольку для донского казачества это был механизм социального равновесия в многонациональном регионе России. Как записано в 1763 г. комиссией по расследованию дела о раскольниках: «во время осмотра, по заказу оной духовной канцелярии, вверх по Дону и Донцу церковного благочиния и свидетельства в церковном служении ... того расколу в станицах немалое число оказалось, а в святых церквях все местные и прочая святая иконы имеют начертания благословенный крест старого обращения» [6].

В 1758 г. князь Б. А. Куракин основывает село Александровка, которое было названо после постройки храма в честь преподобного Александра Свирского. Преподобный святой чудотворец жил в 1448–1533 гг., был особо благочестив, за что был удостоен чести видеть Святую Троицу и Богородицу. Особо почитаем русским народом, мощи хранятся в Ленинградской области в Александро-Свирском мужском монастыре.

В селе Павловка был построен собор Петра и Павла, поэтому старое название Тарабановка по имени основателя села утратило свою актуальность. Прежний хозяин Тарабановки не отличался заботливостью о крестьянах, поэтому его имя было утеряно при покупке другим владельцем.

Поскольку храмы выполняли религиозно-просветительскую функцию, то все праздники и важные события проходили в помещении прихода. Как пишут авторы этнографического сборника, здешние поселенцы ко всякому делу приступали с крестным знаменем и призыванием имени Божьего, Христова. Утром и вечером молились Богу, с молитвой начинали постройку дома, освящали его церковной молитвой. Первым украшением в доме были иконы, перед обедом и после него читали неизменное молитвенное правило. В особых случаях семейного быта в радостных и скорбных событиях служили молебны, в воскресные и праздничные дни посещали церковные службы, исповедовались и причащались, придерживались постов. Особо крестьяне почитали большие религиозные праздники: в повечерье Рождества Христова и Крещения Господнего готовили кутью, узвар из плодов и ставили под образа в сенях; на Крещение несли в дом освященную воду и сохраняли для болящих; в четверг Страстной седмицы возвращались из храма с зажжёнными свечами, которыми выжигали кресты на сволоке дома; к Пасхе выпекали куличи (пасхи), заготавливали крашеные яйца; на Троицу дома украшали зеленью, древесными зелёными ветками, цветами и травой выстилали пол; ежегодно отправлялись на богомолье в монастыри, к мощам угодников; подавали милостыню нищим [5, с. 345].

Село Новоалександровка основано позже, в 1825 году, и названо в честь благоверного князя Александра Невского, полководца, сохранившего православие на Руси благодаря своему дипломатическому таланту. Село Невское Кременского района начало свою историю с хутора Очеретина (от укр. Очерет – камыш), в 1922 г. переименовано в с. Первомайка, а в 1963 году в связи с 700-летием со дня смерти Александра Невского получило нынешнее название. Роль московского князя была оценена советскими историками и образ князя стал символом новой пропагандистской доктрины. Уже в 1990-х годах

мощи благоверного князя Александра Невского были перевезены в Александро-Невскую Лавру в Петербург.

В 1640 году слобода Капитанова (нынешняя Дмитриевка Новопсковского района), принадлежащая донскому капитану П. Н. Трубецкому, получила название Свято-Дмитриевка после освящения первого храма в честь св. Дмитрия, митрополита Ростовского, епископа. Святитель прославился как мудрый богослов, прекрасный проповедник, фактический основатель российской исторической науки, «сей богобоязливый муж был острого разума, великого просвещения, искусный в славянском, греческом, латинском, еврейском и польском языках, великую имел склонность к наукам» [4, с. 2]. Сам М. В. Ломоносов составил эпитафию для преподобного, показавшего пример высокой просвещённости и верности православному русскому настроению:

*О вы! что Божество в пределах чтите тесных,
Подобие Его мня быть в частях телесных!
Вперите в мысль, чему святитель сей учил,
Что ныне вам гласит от лика горних сил:
На милость Вышняго, на истину склонитесь,
И матери своей вы Церкви примиритесь.*

В 1917 году, в селе Свято-Дмитриевка была установлена советская власть, которая изменила название села на Дмитриевку.

В честь особо почитаемого праздника Успения Пресвятой Богородицы был основан храм в слободе Ольховой, которое к концу XVIII века было переименовано в посёлок Успенка (параллельное название Успенское), село Преображенное Сватовского района образовано в честь православного праздника Преображения Господнего (около 1850 г.), село Благовещенка Станично-Луганского района – в честь православного праздника Благовещение, село Богородицкое, село Покровское Троицкого района – в честь Покрова Пресвятой Богородицы и построенной церкви Покрова Богородицы. Сёла Верхняя и Нижняя Покровка названы первыми поселенцами в память о своей малой родине в Воронежской губернии, а слова *верхняя* и *нижняя* указывают на географическое положение села по отношению к реке Гнилая Плотва, впадающая в Северский Донец.

Как видим, крестьяне почитали православных святых и называли поселения или слободы их именами: Айдар-Николаевка, Николаевка, Малониколаевка, Никольское, Новоникольское, Давыдово-Никольское – в честь архиепископа Мирликийского Николая Чудотворца. Этот святой особо почитаем во всём мире и является покровителем не только моряков, купцов, детей, но и целомудренных и благочестивых девушек. Его тайная помощь в городе Патары, подброшенная ночью на окно несчастной семьи трём дочерям разорившегося отца, спасла честь их честь и стала символом безвозмездной помощи для нуждающихся при молитвенном обращении к святому Николаю Чудотворцу. Первая часть села Давыдово-Никольское образована от имени первого владельца серба Давида Божедаровича, который построил храм св. Николая; Айдар – от названия реки Айдар; часть слова *ново-*, *мало-* – для временного и территориального различия. По мнению В. И. Высоцкого, исследователя исторического аспекта топонимов Луганщины, буква И была заменена на Ы по идеологическим соображениям [3, с. 23].

Село Алексеевка Кременского района названо в честь особо почитаемого человека Божиего Алексия. По всей вероятности, первые поселенцы читали и знали историю сына, покинувшего знатную римскую семью и в течение семнадцати лет подвижничества помогал и поддерживал душевных и телесных болящих. Молва о его святости распространилась на основе устного предания, а позже (IX в.) появилась греческая версия жития сирийского святого. В Московском государстве житие распространилось из Византии, в 1890 г. он стал небесным покровителем Забайкальского казачьего войска.

Н. Римский-Корсаков посвятил кантату, А. Радищев упоминает историю святого Алексия в песне слепого солдата в «Путешествии из Петербурга в Москву». Это свидетельствует о духовной образованности жителей села Алексеевка, поскольку приобретение книг доставалось нелегко. Приходилось выезжать в столичные города, посещать паломничество для приобретения житийной литературы.

В честь предводителя святого воинства ангелов архангела Михаила названо село Михайловка Кременского района, посёлок городского типа Михайловка Перевальского района, поскольку первые храмы были построены в его честь [3, с. 26]. Он считается защитником веры, помогает людям в военных делах, на суше и воде. Имя архангела Михаила не единожды упоминается в «Книге пророка Даниила», два раза в Новом Завете. «В «Откровениях» Иоанна Богослова архангел Михаил ведёт небесную битву с семиглавым и десятирогим драконом. Религиозная традиция приписывает ему победу над злом и сатаной и определяет его решающую роль на Страшном Суде.

Интересно, на наш взгляд, происхождение топонима Райгородка. В 1759 году поселение Яндиловка (по имени первого поселенца Яндила) стала называться Райгородка после того, как полковой начальник уездного города Славяносербска, проезжая все поселения казачества, пришёл в восторг от красивой местности, называя это место раем, и дал название Райгородка. Народ в этой местности по большей части читал Евангелие, Псалтырь, жития святых, церковные богослужения, сказки и отрывки из русской истории об Иване-царевиче и Сером волке, Крещении Руси, Александре Невском; среди крестьян распространялись книги духовно-нравственного содержания из церковного фонда или приобретённые на ярмарках [5, с. 528]. Такая же участь постигла и село Раёвка Славяносербского района: как пишет генерал С. С. Писчевич, весь правый берег Северского Донца был покрыт густыми лесами с разнообразием флоры и фауны [6].

Слобода Поповка Старобельского уезда получила название от церковного сана владельца водяной мельницы. Поскольку в народе его называли попом, то и слобода была названа Поповкой. До церковных реформ Никона (до XVII в.) всех священников называли попами, их жен – попадьями, дочерей – поповнами, сыновей – поповичами, что не вызывало негативной реакции у священства. В ПЦС отмечено, что слово попъ – «это испорченное слово, вошедшее въ употребление вмѣсто греч. татас папа, т. е. отецъ» [13, с. 457]. Причины особой языковой выразительности и популярности в народной речи связано, по мнению Н. А. Синицы, с тем, что в лингвокультурной традиции крестьяне чаще общались с протоиереями, иереями и дьяконами, а не с высшими представителями духовенства, поэтому и создали достаточно экспрессивный фонетический фон и уничижительную коннотацию по отношению к священству [14, с. 40–41]. В паремиологии особенно ярко показано отношение русского народа к попам, напр.: *Всякий поп по-своему обедню служит; Дурной поп, дурна его молитва; Ждучи поп усопших, да сам уснул; Завистливый поп два века живёт; Звони, поп, в колокола, чтобы попадья не спала; Знает и поп, что мужик добр; И худой поп обвенчает, а хороший не развенчает; Идёт поп дорогою, а чёрт поперёк; Каждый поп по-своему службу правит; Каждый поп хвалит своих святых; Каждой поп по-своему поёт* [1, с. 234–236]. Как видим, при всей ритуальной необходимости присутствия священника в селе, народная мудрость высмеивает человеческие пороки через его обличение. В народной картине мира священник-поп вписывается в систему социальных отношений, связанных с просвещением населения. Благодаря ему крестьяне читали книги религиозного содержания, которые выписывали из Москвы, Киева, они связывали народные приметы с двенадцатыми православными праздниками. Напр.: *яркие звезды в Рождественское надвечерье – к урожаю; на Сретение много снега – к долгой*

зиме; погода на Благовещение – такова погода на Пасху; откуда дует ветер на Покрова – оттуда придёт и зима; на святого Николая снег или дождь – к урожаю и др. [5, с. 846].

С названием Поповка в Кременском районе сохранилось село, которое названо в честь первых владельцев с одноименной фамилией и к церковному сану не имеют прямого отношения. Возможно, фамилия получена в наследство от прошлых семейных представителей духовенства. А вот название села Червонопоповка старожилы объясняют так: «Название села связано с поповской семьей, но больше всего с их дочерью, поповкой, которая была невиданной красы и доброго сердца. Это было казацкое поселение, в котором священник занимал не последнюю роль. Но при каких-то загадочных обстоятельствах он был убит, и его дочь взяла на себя попечительские обязательства о казаках. Так и называли село в её честь, червона (рус. красная) – значит, красивая, поповка – дочь попа» (записано со слов А. Коляды).

Единичное название село Варваровка сохранило почитание к святой великомученице Варваре. Она была из сирийского знатного языческого рода, особо любима отцом, который запрещал общаться с христианами. За искренне исповедание христианства была жестоко казнена и обезглавлена отцом. Мощи великомученицы Варвары хранятся в кафедральном соборе святого князя Владимира в г. Киеве, привезённые в XI веке византийской княжной Варварой, вступающей в брак с русским князем Михаилом Изяславичем. В селе Варваровка в 1860 году был сооружён каменный храм, церковь пророка Ильи и храм в честь великомученицы Варвары, открыт Свято-Ильинский мужской монастырь, который в советское время был частично разрушен. Возобновил свою деятельность в 2003 году и сформировал монашескую общину.

С приходом советской власти на Луганщине происходили идеологические изменения во всех сферах жизни, в названиях поселений в том числе (в 1940 году на территории Луганщины остался действующим только один храм в Александровке под Луганском). Например, село Церковное, основанное во второй половине XVIII века поручиком Сребреницким и получившее название от балки Церковный Яр, было традиционно переименовано в село Красное. Или же параллельно использовались два названия, например: село Царёвка или Царёвка-Петропавловка (от имени апостолов Петра и Павла). Кроме этого, для устранения религиозных названий происходило объединение нескольких сёл под одним революционным названием, например сёла Вознесеновка, Новониколаевка, Васильевка в сентябре 1956 года были объединены в один город сначала Краснопартизанск, потом укр. Червонопартизанск. Село Красный Деркул было переименовано из хутора Ларионов-Деркульский, названный в честь владельца земли и настоятеля Свято-Троицкого храма в Беловодске.

Сейчас в Луганской Народной Республике 31 административно-территориальная единица, в том числе 14 городов республиканского значения и 17 районов. Муниципальное устройство сформировано в рамках Закона Луганской Народной Республики от 14.03.2023 «Об образовании на территории Луганской Народной Республики городских округов и муниципальных округов, установлении их границ» и создано 28 муниципальных образований (11 городских округов и 17 муниципальных округов), среди которых сохранилось название Троицкого округа. Топоним произошёл от названия Новотроицкой слободы, образованной в результате объединения слободского поселения Кальновка и соседних хуторов, принадлежащих князю Голицыну в 1815 году, главного события – открытия церкви в честь Святой Троицы. В республике насчитывается 975 населённых пунктов, среди них 787 сельских, 109 городских. Только 5 % ойконимов от общего числа населённых пунктов Луганской Народной Республики содержат религиозный сакральный смысл и сохранили своё первоначальное имя. Этот революционный

(социалистический) этап (1917–1991) был направлен на кардинальную перестройку мира, поэтому «изменяя коннотации СИ по своему усмотрению, они не обращали внимание ни на объект с его устоявшейся адресно-выделительной функции, ни тем более на мнение церкви или горожан» [10, с. 52].

По всей территории России расположены города, сёла и деревни с одноимёнными названиями. Мы проанализировали административную карту и сравнили подобные названия населённых пунктов Среднего Подонцовья и пришли к выводу, что больше всего встречаются такие ойконимы: Александровка (более 400), Алексеевка (более 300), Ильинка (50), Поповка (59), Новопокровка (48), Михайловка (44), Павловка (более 40), Успенка (34), Новоалександровка (28), Владимировка (26), Новопавловка (25), Юрьевка (24), Богородицкое (21), Давыдовка (16), Раёвка (16), Покровское (11). Единичные случаи ойконимов в Среднем Подонцовье: сёла Благовещенка, Давыдово-Никольское, Лозно-Александровка, Малониколаевка, Новопретворенное и др.

Таким образом, можно выделить три этапа онимизации Луганщины. Первый связан с первыми поселениями XVII – первой половины XVIII века, а обзор агонимов-ойконимов показал глубокую религиозную жизнь первых жителей у берегов среднего течения Северского Донца. Второй этап онимизации XVIII–XIX веков показал преемственность традиций и сохранение религиозного смысла в названиях населённых пунктов. Несмотря на активные антирелигиозные противодействия советской власти, на третьем этапе онимизации лишь незначительная часть сел претерпела смену названия, полученную ранее, а количество ойконимов с социалистической доктриной увеличилось в геометрической прогрессии. Такой научный обзор ойконимического материала необходим для выявления сакральных базовых элементов и сопоставления с топонимическим материалом смежных регионов, для выявления сакрального ономастикона России.

Список источников

1. Большой словарь русских пословиц / ред. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – Москва : ОЛМА МЕДИА ГРУПП, 2010. – 1023 с.
2. Бугаева И. В. Агонимы в православной среде: структурно-семантический анализ / И. В. Бугаева. – Москва : РГАУ – МСХА им. К. А. Тимирязева, 2007. – С. 138.
3. Высоцкий В. И. Исторические аспекты топонимов Луганщины / В. И. Высоцкий. – Луганск, 2003. – 196 с.
4. Житие, иже во святых отца нашего Димитрия, митрополита Ростовского, чудотворца // Димитрий, митрополит Ростовский, святитель. Сочинения. – Москва, 1839. – Т. 1. – С. 2.
5. Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии. Очерки по этнографии края / под ред. В. В. Иванова. – Харьков : Харьковский Губернский статистический комитет, 1898. – Т. 1. – 1012 с.
6. История Луганского края. – URL: <https://letopis.donbass-name.ru/istorija-luganskogo-kraja-glava-1-ocherki> (дата обращения: 20.01.2025).
7. Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Церкви и приходы за истекший XXVIII век : в 2 т. – Екатеринослав: Тип. Я. М. Чаусский, 1880. – Вып. 1–2.
8. Митрополит Филарета (Гумилевский). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. – Харьков. 1857–1858. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Chernigovskij/istoriko-statisticheskoe-opisanie-harkovskoj-eparhii/ (дата обращения: 10.01.2025).
9. Мозговой В. И. Уроки идеологизации онимного пространства / В. И. Мозговой // Ономастика Поволжья / науч. ред.: Е. Н. Бекасова, В. И. Супрун; сост.: П. А. Якимов. – Оренбург : Оренбургская книга, 2021. – С. 53–56.

10. Мозговой В. И. Скрытая номинация и кризис в ономастике / В. И. Мозговой // Материалы XXII Международной научной конференции / ред. кол.: Н. И. Данилина, В. И. Супрун. – Саратов : Саратовский гос. мед. ун-т, 2024. – С. 50–56.
11. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская ; отв. ред. А. В. Суперанская. – Москва : Наука, 1978. – 198 с.
12. Полный православный церковнославянский словарь (ПЦС). – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Djachenko/polnyj-tserkovnoslavjanskij-slovar/16 (дата обращения: 13.01.2025).
13. Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; [гл. ред. А. П. Евгеньева ; выполн. Л. П. Алекторовой и др.]. – Изд. 3-е, стер. – Москва : Русский язык, 1985–1988.
14. Саница Н. А. Языковой образ священнослужителя в русской и польской традициях (рус. поп, польск. ksiądz) / Н. А. Саница // Славянский альманах. – 2013. – Т. 2012. – С. 410–424. – EDN PZUWXT.
15. Шкуран О. В. Языковые единицы с сакральной семантикой: лингвокультурологический и лексикографический аспекты / О. В. Шкуран // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 336–352. – DOI 10.22363/2313-2299-2019-10-2-336-352. – EDN ZTKKCU.
16. Шкуран О. В. Аксиологический аспект языковой репрезентации образа Донбасса в медиaprостранстве / О. В. Шкуран // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2021. – № 3 (35). – С. 123–137. – EDN WAPJID.

References

1. *Bolshoy slovar russkikh poslovits = The Large Dictionary of Russian Proverbs*. Ed. by V. M. Mokienko, T. G. Nikitina, E. K. Nikolaeva. Moscow: OLMA MEDIA GRUPP; 2010:1023 p.
2. Bugaeva I. V. *Agionimy v pravoslavnoy srede: strukturno-semanticheskij analiz = Hagionyms in the Orthodox Environment: Structural and Semantic Analysis*. Moscow: Moscow Timiryazev Agricultural Academy; 2007:138.
3. Vysotskiy V. I. *Istoricheskie aspekty toponimov Luganshchiny = Historical Aspects of Toponyms of Lugansk Region*. Lugansk; 2003:196 p.
4. The Life of Our Sainted Father Dmitry, Metropolitan of Rostov, Wonderworker. *Dimitrij, mitropolit Rostovskij, svyatitel. Sochineniya = Works*. Moscow: 1839; 1:2.
5. *Zhizn i tvorcestvo krestyan Kharkovskoy gubernii. Oчерki po etnografii kraja = Life and work of peasants of the Kharkov province. Essays on the ethnography of the region*. Ed. by V. V. Ivanov. Kharkov: Kharkov Provincial Statistical Committee; 1898; 1: 1012 p.
6. *Istoriya Luganskogo kraja = History of the Lugansk region*. URL: <https://letopis.donbass-name.ru/istorija-luganskogo-kraja-glava-1-ocherki> (accessed: 20.01.2025).
7. *Materialy dlya istoriko-statisticheskogo opisaniya Ekaterinoslavskoy eparkhii. tserkvi i prikhody za istekshiy XXVIII vek = History of the Lugansk region*. URL: <https://letopis.donbass-name.ru/istorija-luganskogo-kraja-glava-1-ocherki> (accessed: 20.01.2025).
8. Mitropolit Filareta (Gumilevskiy). *Istoriko-statisticheskoe opisanie Kharkovskoy eparkhii = Historical and statistical description of the Kharkov diocese*. Kharkov. 1857–1858. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Chernigovskij/istoriko-statisticheskoe-opisanie-harkovskoj-eparhii/ (accessed: 10.01.2025).
9. Mozgovoy V. I. *Lessons in the ideologization of the onimnogo space. Onomastika Povolzhya = Onomastics of the Volga region*. Ed. by E. N. Bekasova, V. I. Suprun. Orenburg: Orenburgskaya kniga; 2021:53–56.
10. Mozgovoy V. I. Hidden nomination and crisis in onomastics. *Materialy XXII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii = Materials of the XXII International scientific conference*. Ed. by N. I. Danilina, V. I. Suprun. Saratov: Saratov State Medical University; 2024:50–56.

11. Podolskaya N. V. *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii = Dictionary of Russian onomastic terminology*. Ed. by A. V. Superanskaya. Moscow: Nauka; 1978:198 p.
12. *Polnyy pravoslavnyy tserkovnoslavyanskiy slovar = Complete Orthodox Church Slavonic Dictionary*. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Djachenko/polnyj-tserkovnoslavyanskiy-slovar/16 (accessed: 13.01.2025).
13. *Slovar russkogo yazyka: v 4 tomakh = Dictionary of the Russian language: in 4 vols*. Ed. by A. P. Evgenev. Ed. 3rd. Moscow: Russkiy yazyk; 1985–1988.
14. Sinita N. A. *Linguistic image of a clergyman in Russian and Polish traditions (Russian pop, Polish ksiądz)*. *Slavyanskiy almanakh = Slavic almanac*. 2013;. 2012:410–424. EDN PZUWXT.
15. Shkuran O. V. *Language units with sacred semantics: linguacultural and lexicographic aspects*. *Vestnik RUDN. Seriya "Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika" = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*. 2019;10(2):336–352. DOI 10.22363/2313-2299-2019-10-2-336-352. EDN ZTKKCU.
16. Shkuran O. V. *Axiological aspect of linguistic representation of the image of Donbass in the media space*. *Uchenye zapiski nacional'nogo obshchestva prikladnoj lingvistiki = Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics*. 2021;3(35):123–137. EDN WAPJID.

Информация об авторе

О. В. Шкуран – кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

Information about the author

O. V. Shkuran – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.03.2025; одобрена после рецензирования 08.04.2025; принята к публикации 10.04.2025.

The article was submitted 10.03.2025; approved after reviewing 08.04.2025; accepted for publication 10.04.2025.

Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 91–98.
Humanitarian Researches. 2025;1(93):91–98.

Научная статья
УДК 81.25

ХАРАКТЕРИЗАЦИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО В МЕМУАРАХ Т. А. КУЗМИНСКОЙ

Токарев Григорий Валериевич

Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, grig72@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей характеристики Л. Н. Толстого в книге Т. А. Кузминской «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне». Целью данной статьи является экспликация образа Л. Н. Толстого в мемуарах Т. А. Кузминской. Поставленная цель достигается методами дискурсивного, прагматического, компонентного анализа. Определено, что мемуары дают благодатную почву для характеристики человека. Установлено, что на протяжении всего повествования Кузминская перфекционирует Толстого. Татьяна Андреевна выделяет Льва Николаевича, противопоставляя его другим. Она отмечает в нём внимание, рефлексивность, сопереживание. Выявлено, что для повышения степени объективности своей точки зрения она упоминает мнения других людей. Мемуаристка отмечает умение Толстого быть душой компании. Определено, что главной чертой жизненной позиции Толстого Т. А. Кузминская считает любовь ко всему. Говоря об отрицательных качествах характера Л. Н. Толстого, мемуаристка воздерживается от осуждения. Воспоминания пропитаны глубоким уважением к личности Толстого. Лев Николаевич показан деятельным, наблюдательным, общительным человеком. Толстой изображён как требовательный муж, руководствующийся принципами и не желающий учитывать жизненные обстоятельства. Ещё одно качество Толстого – ретроградство, неприятие нового, критиканство – дано в добродушной и ироничной аранжировке. Характеризация Толстого осуществляется в разных формах: прямым наименованием, ситуативно, в пересказе типичных случаев, в ходе внутреннего рассуждения. При характеристике Толстого очевидно желание пишущей понять его жизненную позицию. В качестве главных личностных черт в Толстом Татьяна Андреевна отмечает любовь к жизни, понимание её смысла. Объективация черт характера Льва Николаевича осуществляется на широкий спектр вербальных средств, среди которых можно выделить эталоны, оценочные слова и др. В мемуарах Т. А. Кузминской Толстой представлен живой, динамичной, развивающейся личностью. Кузминская использует разные способы презентации аксиологических ситуаций: эксплицитные, с использованием оценочных слов, имплицитные, посредством аллюзий, опоры на детали. Мемуаристка даёт возможность читателю самому сформировать модус к представленной информации.

Ключевые слова: личностный дискурс, мемуары, Т. А. Кузминская, Л. Н. Толстой, характеристика

Для цитирования: Токарев Г. В. Характеризация Л. Н. Толстого в мемуарах Т. А. Кузминской // Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 91–98.

Original article

CHARACTERIZATION OF L. N. TOLSTOY
IN THE MEMOIRS OF T. A. KUZMINSKAYA

Grigory V. Tokarev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia, grig72@mail.ru,
http://orcid.org/0000-0002-2362-0902

Abstract. The present article is devoted to an analysis of the peculiarities of Leo Tolstoy's characterization in Tatyana A. Kuzminskaya's book 'My Life at Home and in Yasnaya Polyana'. The purpose of this article is to explicate the image of Leo Tolstoy in T.A. Kuzminskaya's memoirs. The set goal is achieved by the methods of discourse, pragmatic, component analysis. The paper determines that memoirs provide rich soil for characterization of a person. The article establishes that throughout the narrative Kuzminskaya perfectionises Tolstoy. Tatyana Andreevna distinguishes Leo Tolstoy from his contemporaries by highlighting his distinctive qualities. She identifies three key characteristics that set him apart: attention, reflexivity and empathy. In addition, the author has revealed that in order to enhance the objectivity of her perspective, she has drawn upon the opinions of other individuals. The memoirist acknowledges Tolstoy's capacity to be the life of the party. The article asserts that the predominant characteristic of Tolstoy's life perspective, as outlined by T.A. Kuzminskaya, is an affection for all aspects of life. When addressing the less favorable aspects of Tolstoy's character, the memoirist avoids any form of condemnation. The memoirs are characterized by a profound respect for Tolstoy's personality, portraying him as an active, perceptive, and outgoing person. Tolstoy is depicted as a demanding husband, guided by principles and unwilling to consider the circumstances of life. Another of Tolstoy's qualities, namely retrogradism, or the rejection of the new and criticism, is presented in a good-natured and ironic manner. Tolstoy's characterization is multifaceted, encompassing direct naming, situationally-based depictions, the retelling of typical cases, along with internal reasoning. The writer's objective in characterizing Tolstoy is evident, as Tatiana Andreevna underscores his profound love for life and keen understanding of its meaning. The etalons, evaluative vocabulary and other verbal means are instrumental in the objectification of Leo Nikolaevich's character traits. In T.A. Kuzminskaya's memoirs, Tolstoy is portrayed as a lively, dynamic and evolving personality, with Kuzminskaya employing a range of techniques to present axiological situations, including the use of evaluative words for explicit exposition, and implicit presentation through allusions and emphasis on details. The memoirist facilitates the formation of a *modus vivendi* among readers, offering them a comprehensive understanding of the presented information.

Keywords: personal discourse, memoirs, T. A. Kuzminskaya, L. N. Tolstoy, characterization

For citation: Tokarev G. V. Characterization of L. N. Tolstoy in the memoirs of T. A. Kuzminskaya. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2025;1(93):91–98 (In Russ.).

Введение. Мемуары представляют собой один из ценных документальных источников изучения личности. Т. В. Сухотерина отмечает: «Эпистолярное наследие (письма, поздравления, записки и т. д.) являются важнейшей стороной духовной культуры человека, следовательно, требуют к себе особого внимания лингвистов как к факту общей речевой культуры общества [7, с. 38]. В мемуарах может быть воссоздан портрет человека, который показан через призму субъективности. В то же время они отражают стороннюю точку зрения, что способствует объективному восприятию личности. Тем самым мемуары представляют собой плоскость для характеристики человека. В отличие от других, невербальных текстов культуры, они позволяют насыщеннее передать и событийный, и эмотивно-оценочный аспекты действительности. В воспоминаниях пишущий как бы повторно проживает наиболее важные события. О. С. Панкратова отмечает: «...мемуары рассматриваются как сложная система взглядов и воззрений человека, складывавшихся под воздействием

множества различных фактов [4, с. 93]. Несмотря на ценность рассматриваемого эмпирического материала, исследования мемуаров имеет фрагментарный характер [1; 5; 6 и др.].

Неординарность, масштабность личности Льва Толстого вызывали желание у его современников сохранить свои впечатления об этом человеке. В ряду этих людей достойное место занимает Татьяна Андреевна Кузминская (Берс), младшая сестра жены Льва Николаевича – Софьи Андреевны, написавшая книгу «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне». Текст воссоздаёт колоритный образ эпохи, рисует портреты окружения Татьяны Андреевны. Е. Л. Шкляева пишет: «Главным свидетельством подлинности всего описываемого в мемуарах является Ясная Поляна, которая самим фактом своего существования подтверждает “правдивость” повествования. Ясная Поляна (усадебно-музей уже при жизни мемуаристки, вечное остановленное мгновение) в тексте воспоминаний Т. А. Кузминской не географическое понятие, а особый (усадебный) мир» [8, с. 71]. Значительное место в воспоминаниях отведено Л. Н. Толстому. Повествование отражает большую часть жизни Льва Николаевича, от времени его сватовства до смерти. Безусловно, он был одним из важнейших людей в жизни Татьяны Андреевны. В воспоминаниях она пишет: «...я с благодарностью вспоминаю своего лучшего, гениального спутника – Льва Николаевича...» [2]. В мемуарах Т. А. Кузминской исследователей интересовала категория образа автора, воплощение дворянского быта второй половины XIX века [8 и др.]. При этом книга даёт благодатный материал для изучения различных вербальных проявлений личности.

Целью данной статьи является экспликация образа Л. Н. Толстого в мемуарах Т. А. Кузминской. Заметим, что данный аспект этого текста не был предметом научного описания, что определяет актуальность нашего исследования. Поставленная цель достигается методами дискурсивного, прагматического, компонентного анализа.

Исследование. На протяжении всего повествования Кузминская перфекционирует Толстого. Всё, что он ни делает, она высоко оценивает, используя для этого наречия степени: «*Лев Николаевич сел за рояль и блестяще сыграл что-то вроде увертюры // Лев Николаевич, как и всегда, читал превосходно*» [2].

Исключительностью характеризуются и эталоны, с которыми она сопоставляет Толстого. Так, он для неё чистый источник. Контекст употребления данного эталона эксплицирует семы 'чистота', 'исцеление': «*Для меня он был чистый источник, освежающий душу и исцеляющий раны*» [2]. Для характеристики Толстого она выбирает существительные *руководитель, судья, советчик*, указывающие на доминирующую роль человека, влияющего на жизнь другого. Характеристика *друг*, подчёркивает духовную близость: «*Я была свидетельницей всех ступеней переживаний этого великого человека, как и он был руководителем и судьей всех моих молодых безумств, а позднее – другом и советчиком*» [2]. Усиливает характеристику выделительно-ограничительная частица *только*, наречие степени *слепо*, в также глаголы *верила, слушалась*, указывающие на подчинение субъекту: «*Ему одному я слепо верила, его одного я слушалась с молодых лет*» [2].

Татьяна Андреевна выделяет Льва Николаевича, противопоставляя его другим. Она отмечает в нём внимание, рефлексивность, сопереживание. Для повышения степени объективности своей точки зрения она упоминает мнения других людей: «*Он не был, как другие, и не походил на обыкновенного гостя. Его не надо было занимать в гостиной. Он был как бы всюду. И этот интерес, и участливость проявлял он и старому, и малому, и даже нашим домашним людям*» [2]. Мемуаристка отмечает умение Толстого быть душой компании, используя слова с положительной оценочностью – *довольные, милённые, оживлённо, содержательно, оживить*: «*Не раз беседовал он*

с нашей няней Верой Ивановной и старой Трифоной, и все уходило от него довольные и умилённые. Где находился он, там бывало оживленно и содержательно. Все в нашем доме любили его. Даже апатичный денщик наш хохол Прокофий говорил про него: – Как граф придут, всех оживят» [2].

Татьяна Андреевна выделяет главную черту жизненной позиции Толстого – любовь ко всему, используя символы *огонь*, *рычаг*, образная семантика которых актуализирует смыслы «тепло», «жизнь», «движение»: «И он ловил их и заражал своим внутренним священным огнём. Он понял, что в жизни есть один рычаг – любовь» [2].

По всей вероятности, это качество делало Толстого привлекательным, сильным, с нравственным стержнем в глазах других людей: «Он, конечно, не знал того, что привлекательную сторону его наружности составляла духовная сила, которая жила в его глубоком взгляде, он сам не мог видеть и поймать в себе этого выражения глаз, а оно-то и составляло всю прелесть его лица» [2].

Кузминская видит в Толстом потребность и умение любить простого человека: «... Любовь к народу жила в нём с детства. Меня удивляло, с какой нежностью он относился к мальчишкам (как я звала их), ученикам своим. Он так заботился о них, интересовался ими» [2].

Кузминскую удивляет его симпатия к убогим, слабым людям: «Странно, Лев Николаевич прямо любил “божьих людей”: недоразвитых, полусумасшедших, скитальцев, странниц и даже пьяненьких, как он сам однажды выразился: – Ужасно люблю пьяненьких» [2]. Слово *пьяненькие* используется в роли эталона слабого, странного человека. Этот признак также подчёркивает искренность, бескорыстность, доброту чувства Толстого.

И при этом она отмечает некую горделивость по отношению к соседям-помещикам, которые были ему не интересны: «Да к тому же Лев Николаевич ни с кем из соседних помещиков не знался. Он не любил это общество, относился почти ко всем с насмешкой и называл их “благородное дворянство”, как-то особенно смешно выговаривая слова. Как ни странно сказать, но он был горд и всю свою жизнь боролся с этим чувством, сознавая его в себе, равно как и осуждение. Он признавал людей своего круга и крестьян, называя деревню “le beau monde” (высший свет (фр.)), но это, конечно, не значит, чтобы он не имел друзей и знакомых в других слоях общества» [2]. Ключевые для этого фрагмента словосочетания *благородное дворянство*, *высший свет* генерируют ироническую прагматику, вскрывают не только отношение Толстого к данным реалиям, но и особенности его характера.

Кузминская отмечает скромность Толстого. Эта характеристика касалась его отношений с книгоиздателями: «По этому видно, как Лев Николаевич не знал себе цены» [2].

Татьяна Андреевна рисует Толстого очень внимательным человеком. Она вспоминает несущественные детали, в которых проявляется это качество: «На всякой станции Лев Николаевич подходит к возку и осведомляется о нашем дорожном духе и положении: “А тебя не качает? Ты не кашляла?” – заботливо спрашивает он» [2]. И в то же время она отмечает вспыльчивость Толстого. Так, Татьяна Андреевна вспоминает ссору Льва Николаевича и Софьи Андреевны. Она характеризует эмоциональное состояние Толстого с опорой на слова *громко закричал, раздражённые голоса, бледный с трясущейся губой*. При этом Татьяна Андреевна отмечает, что она видела только однажды таким Льва Николаевича: «Но такая бурная сцена была единственной в их жизни, и никогда, насколько я знаю, больше не повторялась» [2]. Даже говоря о каких-то отрицательных качествах, Кузминская

воздерживается от осуждения. Воспоминания пропитаны глубоким уважением к личности Толстого,

Автор мемуаров отмечает некоторую растерянность Толстого перед будущим, неуверенность в принятии решений: «Лев Николаевич вообще имел привычку загадывать на пасьянсах и различных мелочах о том, “как ему поступить?” или “что будет?”» [2].

Толстой показан деятельным, наблюдательным, общительным человеком – тем, чем он отличался от других. Существительные *пчёлы, бараны, поросята* выступают в виде презентантов фреймов домашних занятий. Они создают эффект неоправданного ожидания: читатель с именем Толстого, графа, великого писателя, ассоциирует интеллектуальные занятия и вдруг узнаёт о его увлечении обычными делами: «Лев Николаевич, хотя и поглощён хозяйством – пчёлами, баранами, поросятами и т. п., но, любя молодёжь, уделяет нам часть своего времени и принимает участие в пикниках, кавалькадах и прогулках» [2]. Наблюдательность Толстого воплощается деталью записная книжка: запись обыденных вещей показывает Толстого как незаурядного человека: «Летом он почти совсем не писал, но мне казалось, многое записывал в свою книжечку, которую он носил постоянно в кармане. Однажды я спросила его: “Что это ты всё пишешь в свою книжечку?” Он усмехнулся: “Да вас записываю”, – сказал он. “А что в нас интересного?” – добивалась я. “Это уж моё дело. Правда – всегда интересна”» [2]. Перечислением разнообразных видов занятий, которыми увлекался Лев Николаевич, Кузминская пытается показать его многогранность и гениальность, творческое начало и скрыто дать ему оценку: «Утро Лев Николаевич проводил в хозяйстве; всё, бывало, обойдёт или же сидит на пчельнике. Это лето он пристрастился к пчёлам. ... Но не одними пчёлами увлекался Лев Николаевич. Его увлечения были самые разнообразные. То он сажал капусту в огромном количестве, то разводил японских свиней и писал отцу, что он не может быть счастлив, если не купят ему японских поросят, какие есть у известного хозяина Шатилова. ... В это же лето он насадил яблочный сад, сажал кофе – цикорий. Посадка еловых лесов очень занимала его. Сначала я принимала его увлечение как бы за обычное ведение хозяйства и лишь позднее уже поняла, что это было не простое хозяйственное настроение, а творческое увлечение гения, вмещающего в себя не одного человека, а многих разнообразных людей» [2]. И между тем Татьяна Андреевна пишет: «...хозяйство в Ясной Поляне всегда шло плохо», что, видимо, показывает, что занятия Толстого были всего лишь увлечением, желанием попробовать что-то новое.

Толстой изображён требовательным мужем, руководствующимся принципами и не желающим учитывать жизненные обстоятельства: «Соня плохо поправлялась. Ребёнок был беспокойный. Няни не было. Лев Николаевич осуждал тех матерей, которые не ходят за детьми сами и не кормят их. Соня кормила, конечно, сама и няни не нанимала в угоду мужу. ... Доктор, осмотрев Соню, сказал, что ей кормить нельзя, и советовал взять кормилицу. Лев Николаевич, был очень недоволен его советом и был ещё более не в духе. ... – Да ведь ты знаешь Левочкины воззрения? Могла ли бы я надеть бальное платье с открытым воротом? Это прямо немислимо. Сколько раз он осуждал замужних женщин, которые “оголяются”, как он выражался» [2].

Ещё одно качество Толстого – ретроградство, неприятие нового, критиканство: «Лев Николаевич вообще не любил всяких новшеств. Мосты на дорогах были сломаны, их объезжали, а весной не раз застревали там экипажи и телеги. Когда, вместо олеина, вошёл в употребление керосин, он критиковал его. Позднее уже, когда появились аэропланы, он говорил:

– Это совершенный вздор. Людей Бог создал без крыльев, и летать им, как птицам, не подобает.

Когда открылась Дума, он с недовольством говорил, что это “ни к чему”, и “совершенно несообразно”. “Чтобы решить что-либо важное, всякий должен обдумать у себя в кабинете, а на народе ничего путного не выйдет. Много баить не подобаит! А в Думе болтовня и руготня” [2]. Повествование об этом качестве Льва Николаевича дано в добродушной и ироничной аранжировке. Очевидно, что говорит любящий человек с целью не критиковать, а ещё раз выразить восхищение близким человеком.

Некоторые качества Толстого раскрываются ситуативно, в пересказе каких-то, вероятно, типичных случаев. В частности, это касается ревности: «Как-то раз приехал в Ясную знакомый нам всем молодой человек – Писарев, светский, милый, но самый обыкновенный. Он редко бывал у нас.

Соня, сидя у самовара, разливала чай. Писарев сидел около неё. Помоему, это была его единственная вина. Писарев помогал Соне передавать чашки с чаем, оказывая и другие мелкие хозяйственные услуги. Он весело шутил, смеялся, нагибаясь иногда в её сторону, чтобы что-либо сказать ей.

Я наблюдала за Львом Николаевичем. Бледный, с расстроенным лицом, он вставал из-за стола, ходил по комнате, уходил, опять приходил и невольно передал мне свою тревогу. Соня тоже заметила это и не знала, как ей поступить.

Кончилось тем, что на другое утро, по приказанию Льва Николаевича, был подан экипаж, и лакей доложил молодому человеку, что лошади для него готовы» [2]. В этом отрывке о ревности говорится скрыто, намёками и с лёгкой иронией. Характеризация осуществляется в форме анекдота.

Отдельные качества личности показаны в ходе рассуждения. Мемуаристка ставит себе вопросы и сама отвечает на них. Она вступает в диалог с Толстым. В данном случае оценка личности открыта. В частности, это касается рассуждений о поиске смысла жизни, счастья: «Он не мог не любить своей жены – матери своих детей, преданной, любящей и посвятившей себя всецело семье. Он не мог отказаться от желания проводить несколько месяцев в Москве, хотя бы для своей работы, как мы увидим по его письму.

И всё это, помимо его, облекалось в какую-то будничную, обычную форму почти мещанского счастья.

Сколько раз в жизни своей он повторял:

– Нет, так жить нельзя! Не в этом счастье!

А в чём? Он искал это счастье всю жизнь, как синюю птицу, а она сидела у него в клетке.

Но всё же видно, как через всю его жизнь, с юных лет, проходили отречение от материального и мучительный самоанализ. Борьба с гордостью, роскошью, осуждением, страстью часто вызывала в нем недовольство собой» [2].

Всегда чувствуется желание пишущей понять Льва Николаевича: «Я была не только удивлена, но поражена этим известием. ... Зачем? Куда ушёл он? И что заставило его покинуть дорогую ему Ясную Поляну? Всю милую привычную ему обстановку и близких людей? Я терялась в догадках, и на все эти вопросы я не находила ответа» [2]. Кузминская показывает Толстого динамичным, в развитии и прибегает к наиболее подходящего для репрезентации данного смысла образу зерна.

«А только отдалённое воспоминание сказанных им слов приходило мне на ум:

“Уйти от всего, уйти от роскоши, от этой жизни, обличающей нас на каждом шагу. Не решаюсь... Ломать что-либо и причинять этой ломкой горе другим – не могу. Надо всегда делать то – где больше самоотречения”.

Он ещё два года назад говорил это мне. А теперь? Видно, созрело это зерно, глубоко запавшее в его сердце» [2].

В качестве главных личностных черт в Толстом Татьяна Андреевна отмечает любовь к жизни, понимание её смысла. Для этого используются контрасты: «Надо было удивляться, как мог вместить в себя один человек столько разнообразных сторон. Что за ширина мысли и чувств, что недостатков и качеств соединял в себе Лев Николаевич!» [2] Кузминская выделяет, по её мнению, главную, проявляющуюся от года к году всё сильнее и сильнее черту, – служение Богу: «Но одна была белая нить, прочно тянулась во всю его жизнь, – это чувство религиозное, оно росло и крепло в нём год от году. Он любил жизнь, природу и как никто умел ими пользоваться» [2]. Усилительные частицы и конструкции: «Как живо чувствовал он эту чудную весну, как наслаждался ею, живя в деревне» передают восхищение Львом Николаевичем. Ясная Поляна для неё ассоциировалась с Толстым, Толстой же – с теплотой, силой, весельем, светом: «Много незабвенного и дорогого оставила во мне жизнь в Ясной Поляне, а в особенности сам Лев Николаевич. Всюду, где бывал он, дышало теплой участливостью, чувствовалась несокрушимая, нравственная сила его, соединённая почти с детским заразительным весельем. Там, где бывал он, освещалось лучезарным светом, согревающим душу» [2].

Заключение. Таким образом, в мемуарах Т. А. Кузминской Толстой представлен живой, динамичной, развивающейся личностью. Прагматическая пресуппозиция, заключающаяся в признании исключительности, гениальности, авторитетности Толстого, определяет характеристику его образа. Татьяна Андреевна вскрывает противоречия в личности Льва Николаевича, но при этом никогда не прибегает к его отрицательной оценке, порицанию или осуждению. Кузминская использует разные способы презентации аксиологических ситуаций: либо с употреблением оценочных слов, либо скрыто, аллюзиями, либо с опорой на детали. В последнем случае она даёт возможность читателю самому сделать аксиологический вывод.

Список источников

1. Бакланова И. И. Образ адресата нехудожественного текста (мемуары) / И. И. Бакланова // Русский язык в школе. – 2009. – № 5. – С. 71–76.
2. Кузминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. URL: http://az.lib.ru/k/kuzminskaja_t_a/text_moya_zhizn_doma_i_v_yasnoy_polyane.shtml (дата обращения: 01.02.2025).
3. Лаппо М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы / М. А. Лаппо. – Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2013. – 180 с.
4. Панкрашова О. С. Теоретические основы лингвистического исследования народных мемуаров / О. С. Панкрашова // Язык и культура. – 2012. – № 3. – С. 93–97.
5. Приймак Н. И. Мемуары, дневники, письма как исторический источник / Н. И. Приймак, К. О. Валегина. – Санкт-Петербург: Лема, 2018. – 71 с.
6. Самойлова Г. М. Провинциальный мир русской дворянки XIX века / Г. М. Самойлова // Культура провинции. – Курган, 2010. – С. 62–64.
7. Сухотерина Т. П. Речевой жанр «народные мемуары» в повседневной коммуникации / Т. П. Сухотерина // Язык и культура. – 2012. – С. 38–42.
8. Шкляева Е. Л. Культура как текст и подтекст мемуаров Т. А. Кузминской / Е. Л. Шкляева // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. – 2002. – № 2. – С. 71–80.

References

1. Baklanova I. I. The Image of the Addressee of a Non-Fiction Text (memoirs). *Russkiy yazyk v shkole = Russian Language at School*. 2009;5:71–76.
2. Kuzminskaya. *Moya zhizn doma i v Yasnoy Polyane = My Life at Home and in Yasnaya Polyana*. URL: http://az.lib.ru/k/kuzminskaja_t_a/text_moya_zhizn_doma_i_v_yasnoy_polyane.shtml (accessed: 01.02.2025).

3. Lappo M. A. *Samoidentifikatsiya: semantika, pragmatika, yazykovy`e resursy = Self-identification: semantics, pragmatics, language resources*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University; 2013:180 p.

4. Pankrashova O. S. Theoretical Foundations of the Linguistic Study of Folk Memoirs. *Yazyk i kultura = Language and Culture*. 2012;3:93–97.

5. Prijmak N. I., Valegina K. O. *Memuary, dnevniki, pisma kak istoricheskiy istochnik = Memoirs, diaries, letters as a historical source*. St. Petersburg: Lema; 2018:71 p.

6. Samoylova G. M. The Provincial World of a 19th Century Russian Noblewoman. *Kultura provintsii = Provincial Culture*. Kurgan; 2010:62–64.

7. Suchoterina T. P. The Speech Genre “Folk Memoirs” in Everyday Communication. *Yazyk i kultura = Language and Culture*. 2012:38–42.

8. Shklyayeva E. L. Culture as a text and subtext of T. A. Kuzminskaya’s memoirs. *Vestnik Barnaulskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Barnaul State Pedagogical University*. 2002;2:71–80.

Информация об авторе

Г. В. Токарев – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

G. V. Tokarev – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.02.2025; одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 27.03.2025.

The article was submitted 28.02.2025; approved after reviewing 25.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 99–103.
Humanitarian Researches. 2025;1(93):99–103.

Научная статья
УДК 801.73

**МОДЕЛЬ УСЛОВНОЙ РОЛЕВОЙ АДРЕСАЦИИ
В СТИХОТВОРЕНИИ А. А. ФЕТА «СРЕДИ ЗВЁЗД»**

Анастасия Александровна Аксенова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия,
AA9515890227@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5048-6019>

Аннотация. В статье рассматриваются «диалоги» лирического героя с объектами, не обладающими речью. Это демонстрирует введение предполагаемого (условного) адресата, что позволяет разыгрывать рефлексию переживания лирического героя и создавать дополнительный объём изображения в разных ракурсах, например моделируя ситуацию спора. В качестве примера такой условной ролевой адресации предлагается рассмотреть стихотворение А. А. Фета «Среди звёзд» (1876), данная модель адресации характерна для многих случаев, для лирики в целом. Именно бессловесные предметы здесь оказываются важны, поскольку их ответ на слово лирического героя – это часть сознания самого героя, это та «невыразимая» и невидимая часть души, которая может обрести слово, лишь отделившись (условно) от него самого, «вселяясь» в неодушевлённый предмет, говоря от его лица, но своим голосом. Звёзды – это не просто объекты ночного неба, это проекция внутреннего состояния героя, его переживаний. Он не только констатирует их присутствие, а вступает с ними в условную беседу. Этот диалог не строится на обмене репликами в привычном понимании, а осуществляется через ассоциации, метафоры, символы. Молчание звёзд может быть воспринято как безразличие к его переживаниям или как глубокое понимание, превосходящее возможности человеческой речи. В этом молчании заключена глубина, недоступная напрямую выражению.

Ключевые слова: адресат, взгляд героя, лирика, модель рефлексии

Для цитирования: Аксенова А. А. Модель условной ролевой адресации в стихотворении А. А. Фета «Среди звёзд» // Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 99–103.

Original article

**THE MODEL OF CONDITIONAL ROLE ADDRESSING IN A. A. FET'S POEM
“AMONG THE STARS”**

Anastasia A. Aksenova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, AA9515890227@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5048-6019>

Abstract. The article examines the “dialogues” of the lyrical hero with objects that do not have speech. This demonstrates the introduction of the intended (conditional) addressee. This allows you to act out the reflection of the lyrical hero's experience and create an additional volume of the image from different angles, for example, by modeling the situation of an argument. As an example of such conditional role addressing, it is proposed to consider the A.A. Fet's poem “Among the Stars” (1876). This addressing model is typical for many cases, for lyrics in general. It is the wordless objects that the lyrical hero addresses that turn out to be important in the opinion of the author of the article. Since “their” answer to “his” word is a part of the hero's own consciousness, that “inexpressible” and invisible part of the soul. Such a part of the soul can find a word only by separating (conditionally) from itself, as if inhabiting an inanimate object, and speaking from “his” face, but with “his” voice. Stars

are not just objects of the night sky; they are a projection of the hero's inner state and his feelings. He not only acknowledges their presence, but enters into a conditional conversation with them. This dialogue is not based on an exchange of phrases in the usual sense, but is carried out through associations, metaphors, symbols. The silence of the stars can be perceived as indifference to his feelings or as a deep understanding that surpasses the possibilities of human speech. There is a depth to this silence that cannot be expressed directly.

Keywords: addressee, hero's view, lyrics, reflection model

For citation: Aksenova A. A. The model of conditional role addressing in A. A. Fet's poem "Among the stars". *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2025;1(93):99–103 (In Russ.).

Многие авторы, говоря о лирике Фета, отмечают влияние философского интертекста, ссылаясь на «синтез шопенгауэровских, платоновских и христианских онтологических тенденций, которые не заслоняют непосредственности лирического созерцания» [5, с. 6]. Влияет ли это наблюдение на адресацию к звёздам в рассматриваемом тексте? Можно предположить, что да, так как, например, в статье Л. А. Калининкова можно обнаружить указание на такую связь: «...звёздный строй и строй человеческой души <...> не только связаны в его стихах эстетически, но сливаются в метафизическое единство, в котором присутствие Канта ощутимо почти всегда, почти всегда созерцание звёзд перерастает в нравственные переживания» [2, с. 47]. Первые строки стихотворения «Среди звёзд» открывают ситуацию сопоставления участи звёзд и лирического героя. Как отмечает А. В. Комков по поводу именно этого текста, таким образом «декларируется наличие определённой надмировой силы, общего закона, которому подчиняется не только отдельная личность, но и звёздные светила» [4, с. 85].

Если обратиться к наблюдению В. В. Кожина в его известной книге «Как пишут стихи», мы встретим схожую с упомянутыми тезисами интерпретацию лирики А. А. Фета: «не просто “красивым” примирением с неизбежностью смерти, но именно “космическим” осознанием человеческого существования, прозревающим глубокую истину» [3, с. 184–185]. Название стихотворения «Среди звёзд» может быть истолковано как позиция, к которой сам лирический герой намерен приблизиться, и именно в такой ситуации согласия и сочувствия он себя и воспринимает. В пользу этого свидетельствует высказывание М. Н. Эпштейна: «Природа у Фета – не “пейзаж” в узком значении этого слова, не внешний фон, на котором разворачивается лирический сюжет; но это и не тютчевский «космос», мир круговращающихся стихий, живущий по своим особым, безразличным к человеку законам. Природа у Фета – это скорее всего атмосфера, разлитая и внутри, и вовне человеческой жизни, сливающая чувства и мысли со звуками и запахами, пронизывающая все вокруг тонкими вибрациями, которые отзываются и в биении сердца, и в дрожании звёзд. Перефразируя Тютчева, можно сказать, что душа фетовского лирического героя “поёт” то же, что и море, и “мыслящий тростник” гибко вторит колыханию прибрежных волн» [7, с. 223]. Однако следует отметить, что такая позиция согласованности внутреннего и внешнего мира в рассматриваемом произведении не даётся однозначно, напротив, она даже оспаривается со стороны условного адресата. Нам предстоит разобраться, для чего вводится этот спор.

У читателя стихотворения А. А. Фета «Среди звёзд» должна возникнуть заданная самим текстом иллюзия того, что героя здесь два. Один из них – тот, который смотрит на звёздное небо и размышляет о жизни, о мечте, о вечности. Другой – это звёзды, которые, кажется, отвечают на его вопросы и высказывают свои мысли. Такая модель адресации характерна для многих лирических текстов, но говорить об адресате здесь можно лишь условно: на самом деле, это разговор с самим собой, будто разыгранный на два

голоса, высказывающих противоположные установки. Если перефразировать суть этого спора, то герой утверждает: «Вы, как я», а звёзды отвечают ему: «Вечность – мы, ты – миг». Этот спор отражает внутреннее противоречие, которое тревожит самого лирического героя: *Vita brevis, ars longa*. По мысли А. В. Успенской, «у Фета мудрое приятие бытия с его радостью и светлой, вечной печалью сменяют мучительные сомнения, а жажда идеала соединяется с жестоким скепсисом и разочарованием в творческой, преображающей способности человеческого духа. Так в безукоризненно антологическую форму облекается живая, неуловимо-трепетная жизнь с её противоречиями и мучительными проблемами» [6, с. 18].

Лирический герой связывает небесное пространство с загадочной огненной книгой, которая обладает силой, хранит тайны, непостижимые, неисчислимы, уклоняющиеся от решений по формуле. Её смысл неизмерим, как и сама бесконечность космоса. Способность сформулировать, то есть освоить и познать, рационально охватить, сталкивается здесь с иррациональным, невыразимым. Так в стихотворении А. А. Фета создаётся неустрашимая напряжённость явного и сокрытого. Звёзды – репрезентация этой двойственности: они недостижимы и открывают ограниченность героя, но, с другой стороны, они же и дают надежду, указывают на связь смертного человека с вечностью; они говорят ему о сокровенных тайнах Вселенной, о бесконечности времени. Внутренний диалог героя становится всё более противоречивым: он ощущает, что время невозможно остановить («пусть мчитесь вы»), что каждый миг жизни ускользает, как и звезда в бесконечности космоса. В работе М. А. Глушковой также отмечено, что для лирики Фета важна «сконцентрированность на настоящем моменте. Стихотворения Фета отличает преобладание настоящего времени, словесная фиксация сиюминутности происходящего, которая часто обозначена композиционной сжатостью и отражает переживание внезапно наступившего чувства» [1, с. 14]. Противопоставление мига и вечности в данном произведении представлено оппозицией героя и адресата, однако позднее такое противостояние переходит в диалог согласия.

Закреплённость чисел и всякая попытка выйти к формулам (логическим, математическим, риторическим) воплощает рациональную способность сознания. Но жадная попытка познания обречена на провал в противовес созерцательной установке. Стремление вычислить, сформулировать, рационализировать красоту сталкивается с насмешкой: «напрасно мыслью жадной». В мире этого произведения единственной универсальной закономерностью, которой подчинены и люди, и звёзды, признаётся время: можно ощущать его течение, но невозможно остановить. Числа и даты, как явные следы времени, не дают человеку власти над ними. В этом контексте позиция любования оправдывается, в то время как жадность проигрывает, приобщение преобладает над присвоением.

Мечта – образ желаемого, воплощение неуловимого и не обязательно достижимого. Отсюда и «иероглиф мечты», который может быть истолкован как воплощение загадки. Иероглиф – это знак из чужой культуры, синоним неясности. Венцы, украшенные алмазами, излучают холодное сияние, а их остроконечные грани переливаются в свете, напоминают звёзды. Калиф, в свою очередь, представляет собой человека другой культуры, подобно тому, как и образ иероглифов – воплощение чуждого, непонятого, зашифрованного письма. Таким образом, красота и загадочность в данном контексте синонимичны, а множественное число (иероглифы) и синтаксическая конструкция подсказывают, что герой называет иероглифами мечты сами звёзды.

Оппозиция хрупкости и устойчивости относится к противопоставлению земной жизни и вечности. Мечта незыблема, а земная жизнь – отрицательная, тёмная, скудная и короткая. Сумрак – знак неведения, страха и смерти,

а звёзды на фоне этого освещают путь в тёмной и холодной ночи. По мысли М. Н. Эпштейна, «фетовский космос вбирает человека, позволяет раствориться в себе, но не потому, что природа разумна, стройна и упорядочена, как у поэтов-пантеистов, а потому, что в ней есть та красота-греза, которая заставляет забыть о причиняемых ею же, природою, страданиях, болезнях, смертях и погрузиться в созерцание её творческого великолепия» [7, с. 27]. Чтобы пережить непроглядный сумрак, герой нуждается в напоминании, что за пределами его бренного существования есть что-то более ценное и весомое. Излучающие свет звёзды, чей смысл ориентирован на обретение надежды, как маяк-ориентир указывают ему на связь частной жизни и высшего смысла.

Столкновение тяжести и лёгкости, скудного и пышного, тьмы и света в последней строфе в очередной раз подчёркивает двойственное положение самого героя между состояниями трудного и отрадного существования. Беззакатный день – обещание вечной жизни, не заканчивающейся со смертью тела. Звёзды становятся прибежищем в его земной жизни: когда трудно дышать, то есть трудно жить, они напоминают, что есть что-то более важное, чем сиюминутные земные нужды, пробуждают духовное начало человека. Двойственная позиция человека как смертного и слабого существа, но обретающего смысл своей краткой жизни через связь с незыблемой мечтой, требует соответствующей двойственной репрезентации в слове лирического героя и слове от лица звёзд.

Когда герой говорит: «Вы, как я», то сокращает дистанцию между собой и звёздами, но неизбежно встречается с усилением этой дистанции: «Мы не такие, как ты, мы вечные», – отвечают звёзды. Это усиление дистанции обусловлено семантикой утешения, которая наблюдается в последней строфе: утешение и понимание можно встретить только в Другом. Именно эту отведённую здесь роль звёзды и выполняют, персонифицируя Другого. Нужда и мечта в этом произведении противостоят, одно требует забвения для другого. И эта дистанция – залог будущего утешения, позволяющий достоверно изобразить два противоположных чувства, которые спорят и уживаются внутри одного человека.

Когда говорится об «излишних» звёздах, то возникает разыгранная позиция отторжения. Герой и сам «проговаривается», обращаясь к такой характеристике звёзд в своей речи: «излишние среди жалких нужд земных», что сразу противопоставляет земное и небесное, низкое и высокое, низменное и возвышенное, материальное и духовное. Позиция лирического героя сказывается в его оценочном суждении о «жалких» земных нуждах, что совпадает с якобы отдельной точкой зрения – позицией звёзд. Но и в их слове звучит аналогичная оценка: «...земли, где всё темно и скудно». В конечном счёте различие между «Вы говорите» и «Я говорю» обнаруживает свою условность, нарочитость.

Имитация разговора вводит условную позицию Другого: конфликт между двумя противоположными состояниями героя раскрывается через осязаемую им связь с вечностью и условия краткости жизни. Мнимый диалог – монологичная рефлексия, но переданная от лица другого, позволяет обострить противоречие и показать его разрешение. Благодаря изображению лирических собеседников, в мире произведения возникает явная оппозиция жалобы и утешения, слабости и силы. Условное наличие «второго лица», использование как-бы «чужой» речи позволяет изобразить внутренний конфликт героя, передать сложность и противоречивость состояния, в котором он сам находится.

Адресатом (условным, фиктивным) в лирике часто выступают изначально по природе своей неодушевлённые предметы или явления: море, ветка Палестины, звезда, сад, чернильница. Некоторые из них, как в нашем случае,

наделяются правом на «свое» слово. Именно бессловесные предметы здесь оказываются важны, поскольку их ответ на слово лирического героя – это часть сознания самого героя, это та «невыразимая» и невидимая часть души, которая может обрести слово, лишь отделившись (условно) от него самого, «вселяясь» в неодушевленный предмет, говоря от его лица, но своим голосом.

Список источников

1. Глушкова М. А. Философская лирика Афанасия Фета: проблематика, поэтика, жанровое своеобразие / М. А. Глушкова. – Н. Новгород, 2010. – 24 с.
2. Калинин Л. А. А. А. Фет и кантова звёздно-моральная тема в русской философской лирике / Л. А. Калинин // Кантовский сборник. – 2013. – № 1 (43). – С. 46–62.
3. Кожин В. В. Как пишут стихи / В. В. Кожин. – Москва : Алгоритм, 2001. – 320 с.
4. Комков А. В. «Мир как воля» и «Мир как красота». Рецепция онтологических элементов философской картины мира А. Шопенгауэра в творчестве А. А. Фета / А. В. Комков // Филология: научные исследования. – 2018. – № 2. – С. 83–87.
5. Сафонова Т. В. Оппозиция жизнь / смерть в творчестве А. А. Фета / Т. В. Сафонова. – Орел, 2008. – 24 с.
6. Успенская А. В. Антологическая поэзия А. А. Фета / А. В. Успенская. – Санкт-Петербург, 1994. – 22 с.
7. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии / М. Н. Эпштейн. – Москва : Высшая школа, 1990. – 303 с.

References

1. Glushkova M. A. *Filosofskaya lirika Afanasiya Feta: problematika, poetika, zhanrovoe svoeobrazie = Philosophical lyrics of Athanasius Fet: problematics, poetics, genre originality*. Nizhniy Novgorod; 2010:24 p.
2. Kalinnikov L. A. A. A. Fet and Kantova the star-moral theme in Russian philosophical lyrics. *Kantovskiy sbornik = Kant collection*. 2013;1(43):46–62.
3. Kozhinov V. V. *Kak pishut stikhi = How to write poetry*. Moscow: Algoritm; 2001: 320 p.
4. Komkov A. V. “Peace as will” and “Peace as beauty”. Reception of ontological elements of A. Schopenhauer's philosophical picture of the world in the work of A. A. Fet. *Filologiya: nauchnye issledovaniya = Philology: scientific research*. 2018;2:83–87.
5. Safonova T. V. *Oppozitsiya zhizn / smert v tvorchestve A. A. Feta = Opposition life/death in the works of A.A. Fet*. Orel; 2008:24 p.
6. Uspenskaya A. V. *Antologicheskaya poeziya A. A. Feta = Anthological poetry of A. A. Fet*. St. Peterburg; 1994:22 p.
7. Epshteyn M. N. “*Priroda, mir, taynik vselennoy...: Sistema peyzazhnykh obrazov v russkoy poezii = “Nature, the world, the secret place of the universe ...”: A system of landscape images in Russian poetry*. Moscow: Vysshaya shkola; 1990:303 p.

Информация об авторе

А. А. Аксенова – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы.

Information about the author

A. A. Aksionova – Assistant of the Department of Russian Language and Literature.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.04.2025; одобрена после рецензирования 15.05.2025; принята к публикации 18.05.2025.

The article was submitted 17.04.2025; approved after reviewing 15.05.2025; accepted for publication 18.05.2025.

Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 104–109.
Humanitarian Researches. 2025;1(93):104–109.

Научная статья
УДК 801.73

**СИНГАПУРСКИЙ ОБРАЗ ФРОНТИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ И. А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ “ПАЛЛАДА”»)**

Эльдар Дарханбекович Кайжигитов

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия, ekayzhigitov.99@yandex.ru

Аннотация. Материалом для исследования стал цикл очерков «Фрегат “Паллада”», содержание которого предоставляет богатый материал для анализа текста во фронтальной парадигме. В статье выделяются и описываются поведенческие паттерны, лежащие в основе формирования образа Чужого у воспринимающего субъекта, обосновывается мысль о том, что алиментарные и вестиментарные пристрастия, создающие облик иностранцев, обнаруживают ярко выраженную дихотомию «свой / чужой», что приводит к созданию в цикле явного фронтального контекста.

Ключевые слова: фронтир, межкультурные связи, алиментарность, вестиментарность, паттерны

Для цитирования: Кайжигитов Э. Д. Сингапурский образ фронта (на материале книги И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”») // Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 104–109.

Original article

**THE SINGAPORE IMAGE OF THE FRONTIER
(BASED ON THE BOOK BY I.A. GONCHAROV “THE FRIGATE “PALLADA”)**

Eldar D. Kayzhigitov

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia,
ekayzhigitov.99@yandex.ru

Abstract. The material for the study was a series of essays entitled “The Frigate “Pallada”, the content of which provides rich material for analyzing the text in the frontier paradigm. The article identifies and describes the behavioral patterns underlying the formation of the image of the Other in the perceiving subject, substantiating the idea that alimentary and vestibular preferences, that create the image of foreigners reveal a pronounced dichotomy of “us/them,” which leads to the creation of an explicit frontier context in the cycle.

Keywords: frontier, intercultural relations, alimentary, vestibular, patterns

For citation: Kayzhigitov E. D. The Singapore image of the frontier (based on the book by I.A. Goncharov “The Frigate “Pallada”). *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2025;1(93):104–109 (In Russ.).

Немцы, французы, англичане, американцы, армяне, персияне, индусы, китайцы – всё приехало продать и купить: других потребностей и целей здесь нет...

И. А. Гончаров

«Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова, опубликованный в 1858 году, представляет собой цикл очерков, в котором нашли отражение путевые происшествия и наблюдения, собранные во время кругосветной дипломатической экспедиции под командованием вице-адмирала Е. В. Путятин.

И. Гончаров, входивший в личный состав фрегата в качестве секретаря капитана, побывал в некоторых странах Европы, Африки, Китае и Японии, а после по суше вернулся в Петербург через Сибирь.

Термин «фронтир», введённый в научный обиход американским историком Фредериком Тёрнером в 1893 году для обозначения «границы между освоенным и неосвоенным» [6, с. 155], своим и чужим, не употребляется И. Гончаровым, однако ситуация путешествия уже предполагает фронтирный контекст, перцепцию иной культуры и ментальности.

В рамках настоящего исследования наибольшую ценность представляют алиментарные и вестиментарные особенности иноземцев, поскольку именно на этих паттернах зиждется линия восприятия всех Чужих, «вне зависимости от их пола, национальности или вероисповедания» [6, с. 234].

Команда фрегата «Паллада», влекомая «духом пионерства, стремлением к риску, движению вперед к неизведанному, готовностью преодолевать трудности» [6, с. 235], прибывает в Сингапур, ставший местом очередной остановки в период с 24 мая по 2 июня 1853 года, когда этот город-государство, согласно формальному договору, заключённому в 1819 году, находился под управлением британцев.

И. Гончаров попадает «на родину ядовитых перцев, пряных кореньев, слонов, тигров, змей» [4, с. 230], расположение которой на экваторе, на меже Индии и Китая, обуславливало невыносимо жаркий и влажный климат. Сингапур на момент прибытия туда автора был крупным торговым форпостом, местом, куда «немцы, французы, англичане, американцы, армяне, персияне, индусы, китайцы – всё приехало продать и купить: других потребностей и целей здесь нет...» [4, с. 231].

Данный факт определяет чёткое деление населения на местных (представленных малайцами, индейцами, китайцами) и приезжих (богатых европейцев-купцов и выходцев из Нового Света). Вестиментарность народонаселения вызывает у Гончарова смешанные чувства. Он приходит к выводу, что «рядом с роскошью всегда таится невидимый ее враг – нищета» [4, с. 235]. Дихотомия богатство / бедность являет наиболее яркую выраженность в одежде и внешнем виде Чужих. Увидев «голых китайцев, в одних юбках или шароварах» [4, с. 234], а некоторых из них «только в повязках кругом поясицы» [4, с. 234], автор пишет, что в Сингапуре «собрано всё, чтоб оскорбить зрение и обоняние» [4, с. 234]. Те из местных, что живут лучше, как правило, торговцы, носят «белые бумажные кофты, вроде женских ночных кофт, и шаровары не чёрные, а более синие» [4, с. 235].

Неизменным атрибутом всех китайцев являются гладко выбритые спереди головы и длинные до пят косы, природные или искусственные. Нагота, минимальное количество одежды, неопрятность и неряшливость последней становятся у Гончарова вестиментарным маркером местного населения.

Одежда, являясь показателем материального положения и социального статуса, актуализирует также и другой пласт идентификации Чужого – степень его цивилизованности и нецивилизованности. Данные антиномии вполне закономерны, поскольку именно одежда тесно связана со ступенями развития

человечества – чем выше уровень развития цивилизации, тем сложнее и разнообразнее одеяние. Простой пример – первобытный человек и шкуры убитых им во время охоты животных.

Подобные наблюдения относительно варварского и дикарского внешнего вида справедливы не только по отношению к китайцам, но и для других местных. Так, у индийцев «вся верхняя часть тела обнажена» [4, с. 236], «на бедрах у них род юбки из бумажной синей или красной материи» [4, с. 236]. Их отличительная особенность – любовь к украшениям: «в ушах серьги непременно, у иных по две, в верхней и нижней части уха, а у одного продета в ухо какая-то серебряная шпилька, у другого серёжка в правой ноздре» [4, с. 236]. Малайцы «тоже ходят полуголые» [4, с. 237], покрывая бёдра различными тряпками и узелками.

И. Гончаров подмечает, что национальной спецификации подвержен также способ защиты от солнца. Так, китайцы «носят веер в руке, закрывая им голову, когда выходят из тени» [4, с. 235]; малайцы покрываются просто «спинною костью черепахи» [4, с. 237] или «платком, как у наших баб» [4, с. 237]; индийцы же вовсе ничем не укрывают голову, но «они чем-то мажут-ся, чуть ли не кокосовым маслом» [4, с. 236].

Пренебрежительное отношение к своему внешнему виду, здоровью конструирует у И. Гончарова антиномию «своё / чужое», где последнее воспринимается как неаккуратное, простое, неопрятное, вызывающее отвращение. По мнению автора, местная народность «ловко убегает от ферулы цивилизации, осмеливаясь жить своим умом, своими уставами» [4, с. 242].

Однако данные воззрения справедливы только по отношению к представителям аборигенного населения, занимающегося чёрной работой. Европейцы и американцы, прибывшие в Сингапур за фруктами и прочим грошовым товаром для последующей его перепродажи, создают другой образ Чужого – цивилизованного и далёкого от варварского.

Несмотря на знойный климат, они носят многослойную одежду, покрывающую тело с головы до пят, а их головы покрыты полотняными шлемами, «двойными, с пустотой внутри и маленьким отверстием для воздуха» [4, с. 240], что прекрасно защищает от «чужого» солнца, которое «жжёт без милосердия ноги, спину, грудь – всё, куда только падает его луч» [4, с. 251].

Эпитет, употреблённый по отношению к светилу, объясняется тем, что перцепция среды, в которую попадает И. Гончаров, основана на позиционировании этого пространства как жестокого и опасного. Так, помимо невыносимых погодных условий, угрозу представляет и местная флора и фауна: в привезённых с острова ананасах были обнаружены скорпионы, один из матросов был «ужален, вероятно одним из них, в ногу, которая сильно распухла» [4, с. 256], а от некоторых фруктов «начал чесаться у многих язык (в буквальном смысле), губы щипало кислотой» [там же].

Подобное восприятие иной земли закономерно. По мнению Т. В. Чумаковой, «свой мир всегда мнится упорядоченным, окультуренным, цивилизованным, огороженным, противоположным хаосу чужого мира» [5, с. 185]. Изнемогая от жары Сингапура, рефлексирующее сознание А. Гончарова несколько переиначивает А. Грибоедова, провозглашая: «Льду, льду бы да снегу: не дым, а лёд отечества нам сладок и приятен!» [4, с. 243].

Возвращаясь к конструированию образа Чужого, остановимся на его алиментарных пристрастиях. Описывая антиномию «свой / иной», С. Н. Якушенков и О. С. Якушенкова замечают, что неизменным маркером варвара является употребление сырой еды. Термическая обработка пищи тесно связана дихотомией цивилизации и дикости. Важными критериями являются также количественный объём пищи, способ её поедания.

Описывая своё пребывание в Сингапуре, И. Гончаров достаточно подробно останавливается на алиментарных пристрастиях аборигенного населения и приезжих. Еда китайцев и прочих местных заставляет автора отвращать глаза и нос, ибо употребляемые ими «сырые, печёные и вяленые мяса, рыба, раки, слизняки и тому подобная дрянь» [4, с. 254] значительно контрастируют с привычным ему рационом.

Сопутствующие описанию эпитеты «мерзкий», «омерзительный», «тошнотворный» и обороты по типу «не хочется вглядываться» рисуют яркую картину культурного шока. Повсеместно И. Гончаров замечает какого-нибудь «нагого, который бежит проворно и несёт на нитке какую-нибудь дрянь на обед, или кусок рыбы, или печёнки, какие-то внутренности» [4, с. 255].

Анализируя поведенческие паттерны, Р. Т. Алиев утверждает, что «конструирование образа Чужого нередко происходит за счёт переноса его в разряд “животных”, питающихся сырым мясом» [3, с. 161]. Подобная метафора, основанная на антиномии «сырой / приготовленный», выступает для маркирования дикого, нецивилизованного Чужого.

Далее И. Гончаров акцентирует внимание и на способе приёма пищи: привычные русскому человеку вилка и ложка сменяются палочками, стол и стул как неизменные атрибуты отсутствуют вовсе – Чужие сидят на земле «на пятках, в кружок и уплетают двумя палочками варёный рис, держа чашку у самого рта, и время от времени достают из другой чашки, с тёмною жидкостью, этими же палочками необыкновенно ловко какие-то кусочки и едят» [4, с. 256].

Аборигены пьют сырую воду, т. е. грязную, малопригодную. Они набирают её из протекающей по городу реки, которая, по свидетельству И. Гончарова, «мутна и не радует глаз» [4, с. 254].

Лексемы «сырой», «неприятный», «неприготовленный», «грязный», «земля» конструируют нецивилизованные образы китайцев, малайцев и индийцев, поскольку их алиментарные пристрастия тесно переплетаются с таковыми у дикарей: «Сырая пища – удел диких, которые едят все без разбора: корни, травы, сырое мясо, пьют кровь» [6, с. 237].

Здесь также чётко прослеживается связь с первобытно-общинной формой, когда основные виды деятельности были представлены охотой и собирательством. Именно на этих столпах зиждется существование «нецивилизованного» населения Сингапура – рыбный промысел и сбор фруктов. Примечательно, что последние всегда употреблялись именно в сыром, свежем виде, без переработки, засушивания.

Для полноценной картины стоит также сказать об их жилище – это ветхие мазанки, «сложенные кое-как из худых палок» [4, с. 254]. Такие строения не могли защитить ни от зноя, ни от дождя и ветра. Простейшие конструкции, обусловленные незнанием строительного дела – также маркер варвара, дикаря.

Образ Чужого у И. Гончарова дуален – коренное население резко противопоставлено европейцам. Возникает описанная С. Н. Якушенковым и О. С. Якушеновой дихотомия «сырые и приготовленные Чужие». Последние – те, «кто готовит пищу на огне» [3, с. 163], пользуется благами цивилизации, находится на более высокой ступени развития.

Алиментарные пристрастия англичан, пребывающих на острове, связаны с «верностью» привычному режиму питания – едят много, пьют, «будто в Англии, херес, портвейн и эль» [4, с. 261]. На одном из обедов с британцами на стол среди прочего была подана уха, варёная зелень. Термическая обработка последней представляет примечательную деталь, ибо для автора употребление петрушки и прочих трав привычнее в сыром виде.

По свидетельству И. Гончарова, на обеде «всякий брал, чего хотел, а выбрать было из чего: стояло блюд десять» [4, с. 262]. Наибольшее удивление писателя вызвала свинина «необыкновенной белизны, свежести и вкуса» [4, с. 262]. Он проводил параллель между «нашими» и «их» свиньями, которые, несмотря на неказистый вид: «низенькие, вместо щетины с маленькою, редкою и мягкою шерстью», «спина вогнута, а брюхо касается земли» [4, с. 263], превосходят «наших» по вкусовым характеристикам и «необычайно нежны» [4, с. 262]. Само животное в Сингапуре пользуется большим почётом. По наблюдениям И. Гончарова, «каждая свинья помещалась в особой круглой плетёнке, сделанной по росту свиньи», условия их содержания и перевозки комфортные, из-за чего «визга, какой у нас иногда раздаётся по всей улице» [4, с. 264] не слышно.

Пообедав, И. Гончаров удручённо констатирует, что ему «не прошёл даром обед и две рюмки шампанского» [4, с. 267]. В сознании писателя формируется представление о «других» европейских желудках, описывая которые автор прибегает к дефиниции «железные», ибо англичане «могут безнаказанно притерпеться» [4, с. 267] кулинарных привычек.

Таким образом, в главе, посвящённой пребыванию в Сингапуре, создаётся явный фронтальный контекст, обусловленный ситуацией путешествия, столкновением с иной культурой и представителями других национальностей.

И. Гончаров воспринимает иноземцев по линии традиционных паттернов, складывающихся из поведенческих норм Чужого: его алиментарных пристрастий, вестиментарных предпочтений.

Особенности социально-политической ситуации, сложившейся в Сингапуре на момент прибытия туда «Паллады», определили стратификацию населения, в основе которой лежат материальное положение, происхождение, род занятия. Ввиду данных обстоятельств в сознании автора конструируются два образа Иных, номинация которых соотносится с приготовленными (цивилизованными) и неприготовленными (сырыми) Чужими.

Аборигенное население, согласно заметкам И. Гончарова, находится на более низкой ступени развития, нежели их европейские «соседи». Местные чаще употребляют сырую, необработанную пищу, носят минимальное количество одежды, ходят босыми, пренебрегают гигиеной, занимаются охотой и собирательством, что приближает их к дикарям, варварам.

Европейцы, напротив, пользуются всеми благами цивилизации, проявляют избирательность в пищевых привычках. Подобные антиномии создают с точки зрения фронтальной теории дихотомию чистого и грязного, аппетитного и мерзкого, допустимого и порицаемого, безопасного и представляющего угрозу. Приведённые материалы доказывают перспективность избранной парадигмы исследования и её научную актуальность.

Список источников

1. Алиев Р. Т. Алиментарные модели Воображаемого Чужого / Р. Т. Алиев, О. С. Якушенкова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2018. – № 4. – С. 162–170.
2. Алиев Р. Т. Вестиментарные модели воображаемого Чужого / Р. Т. Алиев // Журнал фронтальных исследований. – 2018. – № 4. – С. 76–97.
3. Алиев Р. Т. Чужой и чужая культура: выявление моделей инаковости на основе поисковых запросов россиян в Интернете / Р. Т. Алиев // Журнал фронтальных исследований. – 2019. – № 4. – С. 155–171.
4. Гончаров И. А. Фрегат «Паллада»: очерки путешествия : в 2 т. / И. А. Гончаров Саратов : Приволжское книж. изд-во, 1986. – 573 с.
5. Завьялова Е. Е. «Последнее лето на Волге» Ф. Н. Горенштейна: опыт анализа произведения в контексте фронтальной парадигмы / Е. Е. Завьялова // Журнал фронтальных исследований. – 2016. – № 2. – С. 61–72.
6. Романова А. П. Многоликий Другой. Инвариантность образов Другого/Чужого / А. П. Романова. – Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018. – 334 с.

7. Якушенков С. Н. Эволюция образа Чужого на примере европейского дискурса о вампирах (О бедном вампире замолвим мы слово) / С. Н. Якушенков // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 2. – С. 263–269.
8. Якушенков С. Н., Якушенкова О. С. Чужое тело сквозь призму встречи цивилизаций или личико Гюльчатаяй / С. Н. Якушенков, О. С. Якушенкова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 4. – С. 111–117.
9. Якушенков С. Н. Тело варвара: конструирование образа Чужого на китайском фронтире / С. Н. Якушенков, О. С. Якушенкова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 4. – С. 233–240.
10. Якушенков С. Н. Первые английские представления о зомби как отражение «встречи с Чужим» в условиях гетеротопии плантационного хозяйства / С. Н. Якушенков // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 2. – С. 243–251.

References

1. Aliyev R. T., Yakushenkova O. S. Alimentary models of the Imaginary Alien Aliyev. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura = Caspian region: politics, economics, culture*. 2018. No. 4. Pp. 162–170.
2. Aliyev R. T. Vestimentary models of the imaginary Alien. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy = Journal of Frontier Studies*. 2018;4:76–97.
3. Aliyev R. T. Alien and alien culture: identifying models of otherness based on Russians' search queries on the Internet. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy = Journal of Frontier Studies*. 2019;4:155–171.
4. Goncharov I. A. *Fregat "Pallada": ocherki puteshestviya: v 2 tomakh = Frigate "Pallada": essays on the journey: in 2 vols*. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izdatelstvo; 1986: 573 p.
5. Zavyalova E. E. "The Last Summer on the Volga" by F. N. Gorenshtein: an attempt to analyze the work in the context of the frontier paradigm. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy = Journal of Frontier Studies*. 2016;2:61–72.
6. Romanova A. P. The Many-Faced Other. Invariance of the Images of the Other / Alien. Astrakhan: Publisher: Roman Vasilyevich Sorokin; 2018:334 p.
7. Yakushenkov S. N. Evolution of the Image of the Alien on the Example of the European Discourse on Vampires (We Will Put in a Word for the Poor Vampire). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura = Caspian region: politics, economics, culture*. 2012;2: 263–269.
8. Yakushenkov S. N., Yakushenkova O. S. Alien Body through the Prism of the Meeting of Civilizations or the Face of Gulchatay. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura = Caspian region: politics, economics, culture*. 2012;4:111–117.
9. Yakushenkov S. N., Yakushenkova O. S. Barbarian's Body: Constructing the Image of the Alien on the Chinese Frontier. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura = Caspian region: politics, economics, culture*. 2012;4:233–240.
10. Yakushenkov S. N. The First English Ideas about Zombies as a Reflection of the "Meeting with the Alien" in the Conditions of the Heterotopia of Plantation Economy. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura = Caspian region: politics, economics, culture*. 2013;2:243–251.

Информация об авторе

Э.Д. Кайжигитов – аспирант, ассистент кафедры литературы

Information about the author

E.D. Kaizhigitov – postgraduate student, Assistant of the Literature Department

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.03.2025; одобрена после рецензирования 18.04.2025; принята к публикации 21.04.2025.

The article was submitted 10.03.2025; approved after reviewing 18.04.2025; accepted for publication 21.04.2025

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал включён в перечень изданий, утверждённых ВАК для публикации основных результатов диссертационных исследований по отраслям науки: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3. Теория литературы (филологические науки); 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки); 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки); 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки).

Ведущие направления публикаций отражены в рубриках «Языкознание» и «Литературоведение».

Требования к публикуемым материалам: актуальность, высокий научный уровень, хороший стиль изложения. Статьи должны быть интересны достаточно широкому кругу читателей. Возможна публикация на английском языке. В журнале печатаются ранее не публиковавшиеся материалы.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Объём публикаций – не более 0,5 п.л., гарнитура Arial, кегль 10, все поля по 2,5 см.

Справочный аппарат. В статьях используется система текстовых сносок в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и через запятую – страницы, например: [1, с. 10]. **Страницы указываются обязательно.** Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке.

Образец оформления

1. Иванов И. И. Проблемы художественного слова. Москва : Парус, 1990. 456 с.
2. Петрова Г. В. Романтическая модель мира // Вопросы литературы. 1997. № 5. С. 16–25.
3. Тихомирова Л. Н. «Ночная» поэзия как свертхтекст. URL: <http://proceedings.usu.ru> (дата обращения: 12.04.2023).

На электронный адрес редакции просим направлять:

- текстовый файл со статьей;
- справку о проверке статьи в системе «Антиплагиат»;
- заключения экспертной комиссии и внутривузовской комиссии экспортного контроля (ВКЭК) о возможности открытого опубликования;
- согласие на обработку персональных данных.

Авторам необходимо предоставить справку о проверке статьи в системе «Антиплагиат», а также получить заключение экспертной комиссии (государственная тайна) и Заключение внутривузовской комиссии экспортного контроля (ВКЭК) о возможности открытого опубликования. При необходимости редколлегия журнала оставляет за собой право на дополнительную проверку текста статьи в системе «Антиплагиат».

Оплата публикации статьи производится автором только **после** получения от ответственного секретаря письма о том, что статья принята к публикации в очередном номере журнала.

Объём аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотации на английском языке должны быть информативными, содержательными, структурированными, компактными, оригинальными (не быть калькой русскоязычной аннотации), написаны качественным английским языком. В аннотации должны быть указаны предмет, тема, цель работы, метод или методология проведения работы, результаты работы, область применения результатов, выводы.

В **References** совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка». Не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «–»). Название источника и выходные данные отделяются от авторов и заглавия статьи типом шрифта, чаще всего, курсивом (*italics*), точкой или запятой.

Примеры:

1. Kulikov V. A., Sannikov D. V., & Vavilov V. P. (1998). Use of the acoustic method of free oscillations for diagnostics of reinforced concrete foundations of contact networks. *Defektoskopiya*, (7), 40–49.

2. Kaplin V. V., Uglov S. R., Bulaev O. F., Goncharov V. J., Voronin A. A., Piestrup M. A. (2002). Tunable, monochromatic x rays using the internal beam of a betatron. *Applied Physics Letters*, 80 (18), 3427–3429.

К публикации принимаются статьи, оформленные в соответствии с ГОСТ Р 7.07.-2021 «СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ. Издательское оформление».

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Гуманитарные исследования. 2024. № 3
Научная статья
УДК 378:004

Дистанционное высшее образование в условиях самоизоляции и проблема институциональных ловушек

Владимир Викторович Вольчик¹, Игорь Михайлович Ширяев²

^{1,2} Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹volchik@sfedu.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

²shiryayev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Аннотация. В целях определения основных закономерностей возникновения и усиления институциональных ловушек, возникающих в условиях режима самоизоляции в системе высшего образования, авторами были проанализированы нарративы и глубинные интервью основных акторов. Дистанционное образование не является полноценной заменой образования в традиционной форме, затрудняет передачу неявного знания, контроль и обратную связь при обучении, неоднозначно влияет на издержки образовательной деятельности, не позволяет полагаться на надежность информационно-коммуникационных технологий. При этом подчеркивается, что переход на дистанционное образование может трактоваться как новый этап эволюции институциональной ловушки электронизации и цифровизации.

Ключевые слова: экономика, управление народным хозяйством, институциональная экономика, дистанционное образование, цифровизация образования, высшее образование, самоизоляция, институциональные ловушки

Для цитирования: Вольчик В. В., Ширяев И. М. Дистанционное высшее образование в условиях самоизоляции и проблема институциональных ловушек // Гуманитарные исследования. 2021. № 4. С. 35–40.

Original article

Distant higher education under self-isolation and the problem of institutional traps

Vladimir V. Volchik¹, Igor' M. Shiryayev²

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹volchik@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

²shiryayev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Abstract. To determine the main patterns of emergence and strengthening of institutional traps that arise under self-isolation in the higher education system, the authors analyzed the narratives and in-depth interviews of the main actors. Distance education is not a full-fledged substitute for the traditional education, as it impedes the transfer of implicit knowledge, control and feedback during training, ambiguously influences the costs of educational activities, and does not allow relying on the reliability of information and communication technologies. Transition to distant education can be interpreted as a new stage of evolution of the institutional trap of electronization and digitalization.

Keywords: economics, national economy management, institutional economics, distance education, digitalization of education, higher education, self-isolation, institutional traps

For citation: Volchik V. V., Shiryaev I. M. Distant higher education under self-isolation and the problem of institutional traps. *Current Problems of Economics and Law*. 2020;14(2):236-248. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.235-248>.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Статья поступила в редакцию 06.07.2020; одобрена после рецензирования 08.08.2020; принята к публикации 14.08.2020.

The article was submitted 06.07.2020; approved after reviewing 08.08.2020; accepted for publication 14.08.2020.

Вклад авторов:

Вольчик В.В. – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

Ширяев И.М. – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Volchik V.V. – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

Shiryaev I.M. – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

Либо:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Реквизиты для оплаты публикаций

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Адрес г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

УФК по Астраханской области

(ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» л/с 20256Ц14780)

ИНН 3016009269 / КПП 301601001

Банк: ОТДЕЛЕНИЕ АСТРАХАНЬ БАНКА РОССИИ

УФК по Астраханской области г. Астрахань

Единый казначейский счёт

№ 40102810445370000017

Казначейский счёт

№ 03214643000000012500

ОКТМО 12701000

ОГРН 1023000818554

БИК 011203901

Лицевой счет 20256Ц14780

Обязательно указывать назначение платежа: Ф.И.О. автора, название и номер журнала.

**По всем возникающим вопросам авторы могут связаться
с ответственным секретарём журнала
Юлией Александровной Васильевой
по e-mail: gis_00@mail.ru**

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Автор представляет в редакцию рукопись, оформленную в соответствии с правилами для авторов.

Представленная автором рукопись направляется по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемых в рукописи вопросов на рецензию членам редколлегии соответствующей области научного издания, курирующим данную тематику, или экспертам – ученым и специалистам в данной области (докторам, кандидатам наук).

Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии рукописей для своих нужд.

Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензия носит закрытый характер и предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи.

Рецензия может быть предоставлена по соответствующему запросу экспертных советов в ВАК РФ.

В случае положительной рецензии и рекомендации рецензентом материала к публикации рукопись и текст рецензии рассматриваются на заседании редколлегии. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Решение о целесообразности публикации принимается редколлекцией и фиксируется в протоколе заседания.

Если рецензент указывает на необходимость доработки материала, рукопись возвращается автору. В таком случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Разъяснение нуждающихся в улучшении аспектов производится редакторами журнала на основании полученной рецензии.

Редколлегия информирует автора о принятом решении. Автору не принятой к публикации рукописи редколлегия направляет мотивированный отказ.

Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии в течение пяти лет.

Не рецензируются:

- ✓ рецензии на научную литературу, опубликованные в разделе «Рецензии»;
- ✓ тексты выступлений на круглых столах;
- ✓ материалы, публикующиеся в разделе «Научная жизнь АГУ».

Статьи выражают точку зрения автора, с которой редколлегия может не соглашаться. Все материалы, поступающие в редколлекцию журнала, проходят независимое рецензирование.

